

Парад
Планет
и
Проза

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика, 2023. – 132 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в пятое полгода полёта (18.01.2023 – 17.07.2023).

Планета ТАУКиТА

I. Планета ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

Конкурс «Мне нравится». Проза

Конкурс «Мне нравится». Проза

Лети, Пушинка!
stitch626

Голубое.

Голубое и белое.

Небо голубое-голубое, а облако белое.

У меня глаза голубые, как у папы.

Облако большое! Похоже на Мурку. Вон она, лежит на крыльце, тоже белая.

Нежится на майском солнышке.

Облако огромное! Теперь оно уже не кошка, а пирожное безе. Мама покупала

Первого мая. Еще хочу такое. Сегодня пятница. Или четверг? Нет. Точно.

Пятница. Значит, папа придет с работы раньше и мы пойдем в парк слушать
духовой оркестр:

«Утомленное солнце

Нежно с морем прощалось.

В этот час...»

Папа купит мне ситро и сладкую вату. Она тоже похожа на облако, и сирень
похожа. Ну-ка, где там у нас пятилистник? Нету. Зато как пахнет! Духами
«Красная Москва» – мамин аромат. Весь воздух пахнет мамой.

Папы долго нет. Надо забраться на крыльцо, оно высокое-высокое, и с него
посмотреть, не идет ли папа. Ступени нагреты солнцем, крутые, а я маленькая.
Вообще-то, мне уже шесть. Это я ростом маленькая.

А я зато, как Мурка, на четырех лапах – и-и-раз!

Папы не видно. Машина только какая-то черная далеко едет. Пыль от нее в
воздухе облаком.

На нашу улицу свернула. Наверное, к Данилевичам. Савка говорил, что его
отца будут возить на машине.

Нет, не к ним. В наш поворот. Останавливается...

– Папа!

А где портфель? И шляпа? С ним еще дяденьки в костюмах.

– Здравствуй, папа!

– Привет, Пушинка!

Отец оглядывается, жестом приглашает мужчин пройти, а сам топчется у
ворот. Один остается с ним у калитки, другие уже во дворе. Первым на
крыльцо поднимается высокий, как Дядя Степа, а другого я не разглядела.
Ступени кряхтят при каждом их шаге. «Дядя Степа» гладит меня по голове.

– Тебя Полина зовут?

– Да, здравствуйте!

Отец порывается что-то сказать ему, но тот уже заходит в дом.

– Папа! Ну что? Мы пойдем слушать оркестр?

– Не сегодня, Пушинка, не сегодня.

– Ну вот! – я топаю ногой.

Противно щиплет в носу. Знаю, что нехорошо капризничать, ничего не могу поделать.

– Ну что ты, маленький? Иди ко мне!

Но я стою на месте. Слезы катятся. Я обиделась, и мне не нравится тот дядька у калитки – глаза недобрые.

Папа оглядывается на него, словно спрашивает позволения. Дядька кивает.

Папа торопливо идет через двор ко мне.

– Папочка, лови!

Я собираюсь прыгнуть. Отец тянет руки, готовится подхватить меня.

– Папа, почему ты плачешь? Из-за оркестра?

– Лети, Пушинка! Я поймаю тебя!

Я отталкиваюсь от крыльца и взрываю в вверх. Воздух наполняет мое платьице, взмывают кверху кудряшки. Я легкая, невесомая, на потоке воздуха лечу, лечу... Вправо, влево, кругами, в высь, над папой, сиренью, вверх к облаку.

Все выше, и выше, и выше

Стремим мы полет...

– Папа! Куда ты?!

Папа сгорбленный, руки за спину, спотыкаясь, идет к машине. «Дядя Степа» грубо толкает его в спину.

– Не смей трогать папу! – кричу с неба и грожу кулачком.

Папа останавливается как вкопанный, не обращая внимания на тычки и окрики. Он смотрит на небо. У него голубые глаза, как у меня.

Падаю.

Полина Яновна падает с небес и просыпается.

Сердце колотится, не давая вздохнуть. Во рту все высохло. Горло, как стенки осинового гнезда. В трахее наждак. Кашель сгибает старческое тело пополам. Приступ выворачивает нутро, словно ты постиранное белье и тебя безжалостно выкручивают, выжимая остатки влаги. Лицо мокрое от слез и испарины.

Стакан не удержать – руки трясутся. Половина воды расплескалась. Глоток. Еще. Все! Нет больше. Кашель не унимается. А кругом все мокрое – простынь, одеяло, сорочка. Все залила! Вымокшее белье противно липнет к телу, а дышать и без того невозможно. Измученная, она беспомощно мнет ткань рубашки, оттягивая ворот, рвет от себя. Так бы оттянуть там, внутри мерзкий комок, что не позволяет воздуху наполнить грудь, расправить вялые легкие.

Уже темные круги перед глазами. Голова раскалывается. Умру сейчас. Нет! Только не от удушья. Не хочу! Нужно вдохнуть, заставить себя...

– Мама, – Эмма, как вошла в квартиру, не разуваясь, вбегает в комнату. –
Мамочка! Да что ж это? Воды?!

Бежит на кухню, скидывая пальто на пол, возвращается со стаканом.

– Пей, пей! А ингалятор? Господи! Под диваном. Дыши, дыши! А таблетки?
Боже ж ты мой! А почему мокрое все?

Полина Яновна, переодетая в сухое, полулежит в кресле. Глаза все еще
слезятся, фигура дочери расплывается на фоне окна.

– Мама, как душно! Невозможно!

Спертый воздух наполнен запахом вольтарена, нафталина, книжной пыли,
кислого молока, неизвестно когда поставленного на простоквашу, и старости.
Эмма борется с форточкой. Майское солнце печет сквозь мутные с зимы окна.
Ей дурно, кажется, еще чуть-чуть в этой духоте и она сама хлопнется в
обморок.

– Представляешь, дочь, я даже не слышала, как ты вошла.

– Кто ж тебя так законопатил?! – злится Эмма на окно, дергает шпингалет.

– Это Нина Иванна закрыла, когда приходила. Жутко боится сквозняков.

– Боится... Вот у себя бы и хозяйничала.

– Ты не права.

– Конечно...

6

Мама состарилась. Как? Такая легкая, светлая, она не ходила даже, бегала,
летала. В ней энергии было, как в электростанции, а теперь вот, окно не могла
открыть. Эмма тоже не может и тоже уже не молода. Она не хочет стареть.

– Да открывайся!

Внезапно створка поддается, Эмма едва не падает. Весенний воздух
врывается, откидывая на своем пути пыльные занавески, обдает потоком
свежести раздраженную, уставшую женщину, она с облегчением подставляет
лицо, шею, грудь, всю себя. Он проникает сквозь рыхлую вязку свитера,
выдувает из души досаду и отчаянье. Вместе с воздухом приходит покой,
напряжение тает. Эмма еще какое-то время стоит перед открытым окном и с
наслаждением пьет этот свежий воздух.

От обилия кислорода у Полины Яновны слегка кружится голова. В большой
оранжевой кружке с белыми горошками крепкий, сладкий чай.

– Всё, мама, я тебя к себе забираю.

– Нет.

– Вот опять. Ну, как ты тут одна?

– Все в порядке.

– На дачу хотя бы со мной поедешь?

Вместо ответа мать улыбается, сдувает пар и шумно втягивает ароматный
напиток.

– Бабушка!

– Катенок, – Полина Яновна нежно прижимает сухие ладони к щекам молодой женщины, притягивает к себе, целует высокий лоб. Катя опускается около кресла, кладет голову бабушке на колени.

– Полюшка где?

– Спит.

– Хорошо. На свежем воздухе.

Катя заключает бабушку в объятия, отрывается от нее и бежит через сад к цветущим яблоням, раскидывает руки, запрокидывает голову и начинает кружиться.

– Катка! – Эмма всплескивает руками. – С ума сошла? Грядки потопчешь.

– Ну их! Тут воз-дух!

– Воздух!

Полина визжит от ужаса, с силой, до боли затыкает пальцами уши. Если б она могла, она бы проткнула себе барабанные перепонки, только чтобы не слышать это.

– Воздух!

Не слышать! Не слышать! От рева моторов дрожь во всем теле, внутри словно скопище отвратительно жужжащих жуков. Полина сжимается, съеживается, скукоживается, корчится в спазмах.

– Воздух!

Она валится на асфальт, притягивает ноги к груди, стискивает виски руками. Мимо бегут ноги, в сапогах, ботинках, туфлях, сандаликах.

Воздух прошивает очередь. Полина дергается. Ноги в туфлях спотыкаются, уже не бегут.

– Девочка! Ранена? Тогда вставай. Сейчас же! Ну, давай! Вот молодец! В убежище!

– Мама, задумалась? – Эмма обнимает ее за плечи. – Костерок разведу.

Катя хитро прищуривается:

– Бабушка, а бог есть?

– Есть.

– Его же никто не видел.

Эмма сердито машет на дочь.

– Воздух тоже не видно, – подрагивающая рука кладёт на внучку крест.

Катя выразительно округляет глаза, бросает на мать торжествующий взгляд.

Эмма раздувает пламя. Полина Яновна смотрит на огонь, прикрывает глаза.

– Дыши! – кричит акушерка. – Кому говорят?! Дыши! Ребенка уморишь.

Полина дышит, дышит, но снова срывается на крик.

– Ну вот, синяя!

– Почему она не кричит?! – Полина орет так, что пугается собственного голоса.

– Замолчи! – рявкает акушерка.– Не до тебя.

– Она не дышит. Доченька! Дыши! Господи, помоги!

И сама начинает дышать, глубоко и часто, шумно заглатывая воздух.

Эмма вздрагивает в руках врача и заходится хриплым криком. Доктор морщится, бурчит в усы:

– Голосище в мамашу.

– Мама, а у бабули глазки голубые?

– Да.

– Как у меня?

– Да.

– Я хочу посмотреть.

– Поля, не смей! Я что сказала... Бабуля отдыхает.

Но Поля уже набрала полные щеки воздуха и сдувает пушинки прямо в лицо задремавшей прабабке.

– Да что это за ребенок! – Катя пытается ухватить дочку за руку, но та уворачивается и несется по саду вслед за летящим по ветру пухом.

– Пушинка, я тебя поймаю!

Полина Яновна улыбается, наблюдая, как внучка и правнучка гоняются за летящим пухом. Катя подхватывает дочку на руки и подкидывает вверх.

– Катерина, осторожно! – беспокоится Эмма. – Она тяжелая.

– Нет! Я легкая, как пушинка!

Полина Яновна выбирается из кресла, медленно идёт к крыльцу.

– Мама, куда ты?

Ступени крутые, она опускается на четвереньки, касается ладонью нагретого солнцем настила.

– Мама! Господи... Катя!

Катя опускает дочь под яблоню, вместе с матерью бросается к крыльцу, пытаясь удержать оседающее тело. Но вновь маленькая Полинка успевает оттолкнуться от ступеньки и прыгает прямо в голубое небо. Она летит по воздуху на руки к ожидающему ее отцу.

Волшебный лес

Джон Маверик

Всю жизнь я прожил на краю волшебного леса. Он совсем не большой, куда ни глянь – везде просвет. А с виду похож на любой другой – обыкновенный смешанный лес: осины да березы. Иногда попадаются елки – изящные и пушистые, они любят сбиваться в кучки, как болтливые подружки. Встречаются и дубы-одиночки, кряжистые и гордые, с кружевной листвой, пронизанной солнцем. И только один раз я увидел сосну – царицу над всеми деревьями. Ее ровный, как мачта, красноватый ствол устремлялся вверх, а крона шумела так высоко над головой, что казалась морем, катящим волны где-то за гранью сознания, там, где вокруг облачных рифов плещется небесная синева.

Зимой голый, под серебряной снежной накидкой, роскошно-золотой осенью и расцветающий весной, пахнущий свежестью и хвоей – он такой, какой есть, всегда был и будет таким. А я прихожу в него гостем, вероятно, незванным, но лес ведь не прогонит и не пожалуется. Я не знаю, рад ли он мне или только терпит мое присутствие. Но стараюсь не шуметь, ступать осторожно и дышать потише, чтобы, не дай Бог, не спугнуть какую-нибудь зверюшку, птицу или белку, или не наступить на жука. Я всегда брожу только по тропинкам, удивляясь, кто их проложил – еще ни разу мне не встретился во время прогулок ни один человек. Зато он полон сказок, мой волшебный лес. Может быть, для вас это просто шишки и желуди, или березовые чешуйки, или древесные грибы. Или цветок, пробившийся сквозь бурую листву и раскрывший хрупкие голубые лепестки. А для меня это чудо из чудес. Стоит на самую невзрачную шишку взглянуть по-другому, и можно увидеть в ней свернутую спираль жизни. Потяни за ее кончик – или как-нибудь по-другому спроси, и она раскроется, и начнет рассказывать. А тебе останется только послушать, а потом записать. И ты прослывешь сочинителем и фантазером. Тебе это нужно? Если да – то добро пожаловать в волшебный лес. Только смотри, не заблудись, потому что он коварен.

В нем очень много тропинок, переплетенных, как паучья сеть. Они, вроде бы, и не одинаковы – но попробуй запомни все эти повороты, подъемы и спуски, пни и поваленные стволы, и простертые над дорогой еловые ветки, моховые полянки, и крошечные ручьи... Заросли орешника, пятна голубых пролесок или белых ветрениц, или солнечных первоцветов, и большие, мшистые коряги... Да мало ли в лесу всяких примет.

И вроде бы, я исходил их все вдоль и поперек, эти тропинки, изучил, как страницу в букваре, и все равно иногда теряюсь. Кружусь на месте, иду и упираюсь в забор или в скоростную дорогу. Возвращаюсь по своим следам –

и все равно попадаю не туда. Я озираюсь по сторонам и не вижу выхода – и в эти минуты мне чудится, что сам лес пробрался мне в голову своими зелеными пальцами и что-то в ней изменил.

А потом оказывается, что это, действительно, так. Вернее, сбиваются не только какие-то неведомые настройки у меня в мозгу. Меняется окружающий мир – а это еще страшнее. Я могу вернуться из леса и увидеть, что стены моего дома окрашены в другой цвет. Были, например, белыми, а стали желтыми или розовыми. Или черепица на крыше из красной сделалась черной.

Однажды я целых полчаса блуждал по лесу, а когда пришел домой, мне навстречу выбежала незнакомая собака. Огромная и черная, она дружелюбно виляла хвостом и, становясь на задние лапы, передними вспрыгивала мне на плечи и норовила лизнуть в нос. Ну и страху я натерпелся в тот день! Она еще какое-то время пугала меня, а потом я привык, тем более, что пес оказался очень добрым. Его, между прочим, звали Роланд, и мама утверждала, что он живет у нас уже много лет и практически меня вырастил. И правда, лучшей няньки я бы себе в детстве не пожелал. Сильный, преданный, в моем присутствии он превращался в плюшевую игрушку, в мохнатый коврик, в горячую печку, в товарища по играм, в молчаливого друга. Когда мне было больно – он утешал. Когда весело – радовался вместе со мной. А после моего очередного похода в лес Роланд исчез – именно тогда, когда я его почти полюбил. А родители клялись и божились, что у нас никогда не было собаки.

После этого случая я стал гулять осторожнее. Доходил до конца тропинки – и поворачивал обратно. Заблудиться таким образом было практически невозможно. А как мне хотелось иногда свернуть куда-нибудь в сторону или углубиться в кусты, под полог сияющей изумрудной зелени. Набрать осенью грибов, а зимой слепить в стороне от дорожки одинокого снеговика. Тропинки манили, а в душе шептала надежда. Что если Роланд вернется? Или произойдет еще что-нибудь хорошее? Увы. Мир полон доброго и злого волшебства. Но мы верим прежде всего в доброе. Особенно в детстве. Да и потом – тоже.

Юность – время нервное и тревожное. От благоразумия не остается и следа, привязанности слабеют – и тебя шатает, как березу на сильном ветру. Клонит почти до земли, а бывает, что и ломает. Как-то раз я отправился в лес свободным и холостым – и гулял до заката, до кровавого свечения на верхушках елей. До шафранного неба, в котором плавала бледная, как тающий лед, гигантская луна. Почти до темноты. А ночь в лесу – это ужас, который я никому не желаю испытать. Это отчаяние и чернота, и разверзшийся космос под ногами. Но мне посчастливилось. Я отыскал, наконец, дорогу и вышел из леса – а дома меня ждала ласковая жена. Я понятия не имел, кто она и откуда взялась. Как ее зовут, и где мы познакомились. И что обещали друг другу. Я

даже не знал, женился ли по любви или по какому-то расчету. Но она накормила меня ужином и легла со мной в одну постель, и, как только я коснулся ее тела, сиявшего ярче луны сквозь тонкую ночную рубашку – все остальное уплыло в туман. Все, что было до и могло быть после – сделалось неважно. А через девять месяцев родилась наша дочь.

Я не стану ее описывать. Да и что можно сказать о маленькой девочке, о красивой малышке с глазами большими и ясными, как у меня когда-то давно. Скажу только, что привязался к ней – больше, чем к жене, больше чем к псу Роланду или к покойным теперь уже родителям. Она стала моим талисманом, ангелом, распростершим крылья над моей жизнью. Сколько сказок принес я ей из волшебного леса. Сколько удивительных историй. Сколько цветов, сколько звезд, сколько света расплескал у ее ботиночек. Я набирал для нее пригоршни сладких ягод. И лишь слегка запнулся на древесном корне – всего на одну минуту. Нет, на одно единственное мгновение, и небо качнулось золотыми облаками, и на полшага сдвинулся в сторону от тропы черный, рогатый пень. Я поспешил домой, слегка напуганный, но все, как будто, оставалось по-прежнему. Все лежало или стояло на своих местах. Разноцветные плюшевые зайцы на кровати, поверх одеяла, книжная полка, шкафчик с девчачьей одеждой.

11

– А где Лара? – поинтересовался я у жены.

Но та посмотрела на меня как на слабоумного.

– Как это где? В Гамбурге, конечно!

– В Гамбурге? – пролепетал я. – А что она там делает?

– Учится, – ответила жена, все сильнее удивляясь.

«Чему учится? Почему в Гамбурге? Ведь это так далеко!» – хотелось мне спросить, но я прикусил язык.

«Она же еще маленькая!» – чуть не закричал я, но сдержался.

Не было смысла спорить. Все перепуталось, карты перетасованы и розданы по-новому. И вроде бы не трагедия – уехать куда-то на учебу. Хотя бы и далеко, пусть бы и в Гамбург. Но я так ни разу и не увидел свою дочь с тех пор. Она исчезла из моей жизни, словно никогда и не была в ней. Не писала и не звонила.

Я дал себе слово не ходить в волшебный лес. Но все-таки пошел, и случилось страшное. Вернее, я так и не понял, что именностряслось, пока я блуждал, спотыкаясь, в паутине тропинок. Совершил ли я какую-то подлость, предал кого-то, жестоко солгал, стал ли жертвой какого-то мерзкого преступления? Но во всех взглядах, устремленных на меня, теперь читались отвращение и жалость. А жена спала, отвернувшись к стенке, и шарахалась от моих прикосновений. Позже она и вовсе перебралась на диван в гостиной, забрав с

собой мое любимое одеяло. С того дня мы почти не разговаривали, а встретившись случайно глазами, стыдливо опускали головы.

Нет ничего гаже вины или беды, о которых не знаешь и не смеешь гадать. А если все-таки начинаешь строить догадки – они чудовищны. Но я боялся спрашивать, что случилось, что сделал я или что сделали со мной, сомневаясь, смогу ли жить с этим ответом. Я страшился его больше, чем отчуждения в глазах любимой, чем холодной постели, чем шепотков соседней и коллег за спиной.

Полгода я терпел, понемногу размышляя, на какой осине удавиться. Но ничего не мог решить. А потом – отправился в лес. Я не взял с собой веревку, ушел налегке, мечтая лишь об одном – отдаться на волю судьбы. Ну не может она быть так жестока, убеждал я себя. Поиграла – и хватит. Верни мне – меня, очень тебя прошу. Я брел без цели, наугад, и деревья становились все гуще, а дорожка истончалась, зарастая корнями и утопая в палой листве. Стояла поздняя осень, и мелкий холодный дождь моросил сквозь пустые кроны, и ветер гудел между стволами, как в аэродинамической трубе. Я устал и замерз, и окончательно заблудился.

И вот тогда, уже совсем отчаявшись – я встретил его. Единственного, кроме меня, человека в волшебном лесу. Не молодого и не старого, но светлого лицом. Он сидел на пне под березой, запрокинув голову и ловя губами редкие дождевики.

– Пожалуйста! Помогите мне вернуться домой! – бросился я к нему. – Я не понимаю, что происходит. Не знаю, где я. Жизнь проносится мимо, как скорый поезд. А я даже не успеваю увидеть, что промелькнуло в окнах.

Он приблизился и обнял меня – тепло и крепко, как отец, как любовник, как мудрый и сострадательный учитель.

– Не надо тебе никуда возвращаться, – сказал, указывая на пенек. – Садись... Я расскажу тебе все.

*** Из серии «Сказки волшебного леса»:

«Волшебный лес» – «Кто ты?» – «На этом самом месте» – «Меховые шкурки» – «Озерный кот» – «В зеленом свете» – «Как осенние листья» – «Подснежники» – «Искушение»

Рыжая кошка (быль)

Александр Сороковик

Светлой памяти моего отца посвящается

...Одним удивительно солнечным ноябрьским днём 1943 года во дворе раздались крики, громкая ругань, а затем и выстрелы. Опасливо выглядывающие из квартир обитатели дома, в том числе и Боря, увидели, как по узкому карнизу пробирается рыжая кошка с огромным куском мяса в зубах, а по ней стреляют румынские солдаты...

Я словно своими глазами вижу эту картину. Вернее, вижу глазами моего отца, Бориса Владимировича, тогда ещё шестнадцатилетнего Борьки, который оставался в оккупированном городе со своей матерью, тётей и бабушкой. И жила с ними кошка. Обычная рыжая, точнее – рыже-белая киса, небольшая, юркая, желтоглазая Муська.

Так что же тогда произошло в обычном одесском дворике на улице Пастера?

***

Стояла осень 1943 года. Два года Одесса жила «под румынами». Немцев в городе почти не было, румыны заправляли всеми делами. Год назад в просторную квартиру на третьем, последнем этаже добротного старинного дома в центре города, где жил Боря с семьёй, вселился румынский офицер. «Целый полковник!» – доверительно сообщил юркий сосед. Был этот полковник высок ростом, щеголеват, смугл лицом. Носил маленькие ухоженные усики, благоухал дорогим одеколоном. Ходил всегда в окружении шумной свиты – всяких там денщиков, писарей и прочих лакеев. В тот день он брезгливо осмотрел квартиру, что-то сказал своей свите и уехал. Переводчик из местных разъяснил, что господин полковник будет жить здесь, а вон там и вот тут – он указал на соседние квартиры – жить его свита. Всем приказано немедленно освободить свои жилища, разрешено взять с собой личные вещи. К вечеру Борина семья переселилась в маленькую каморку в подвале этого же дома. С собой взяли вещи, кое-что из мебели, прихватили и рыжую кошку. Ну как «прихватили»... Кошки гуляют сами по себе, ей просто показали новое жильё, да и всё. Жили спокойно: во дворе, где обитало высокое начальство, солдаты сами не дебоширили и даже охраняли покой высокого чина и его невольных соседей. Конечно, все хорошие вещи, посуду, мебель лучше солдаты забрали и перетащили в его апартаменты.

Было голодно: пайки маленькие, на базаре всё дорого. И вот однажды вечером в форточку проскользнула Муська с куском мяса величиной с добрую крысу в зубах. Прыгнула на табуретку и положила на неё этот кусок. Хороший такой шмат свиной вырезки, вид и запах которой они уже давно позабыли. Посмотрела на всех, явно наслаждаясь произведенным эффектом, довольно

муркнула и... выскользнула в вечернюю темноту. Первой сориентировалась бабушка. Она быстро подняла вырезку с табуретки, промыла водой из кувшина, поделила на две неравные части, завернула в чистую тряпку, спрятала в буфет.

– Завтра сварим суп на мясном бульоне! – заявила она. – Большой кусок я положу в кастрюлю втихую, чтоб никто не видел, и не подумал, что нам случилось наследство, а маленький брошу так, чтоб все соседи видели! А запах один, что с малого куска, что с большого...

Боре не очень понравилась такая перспектива, и он высказался в плане того, что лучше бы пожарить парочку отбивных! Бабушка, кивая головой, радостно промолвила:

– Конечно, конечно, Боренька! Нажарим отбивных, покушаем! Весь двор на запах сбежится, будет обсуждать, с каких миллионов мы имеем такой праздник, а вечером в сигуранце (*), будем рассказывать, что это не мы стащили мясо с кухни господина полковника, а нашли его на улице!

– А почему они узнают, что это с его кухни?

– А кто ещё у нас во дворе жрёт свиную вырезку?

Бабушка, как обычно, была права. На следующий день все с наслаждением ели мясной суп, которого хватило на два дня. Муська появлялась дома редко, только когда не было дома полковника со свитой. Приходила днём, отсыпалась, но стоило появиться во дворе автомобилю с румынским офицером, тут же исчезала. Умудрялась выскользнуть так, что даже соседи её почти не видели.

Кошка явно устроила себе охотничьи уголья на барской кухне: ещё несколько раз приносила хозяевам куски мяса, которые бабушка также осторожно расходовала. Но и себя Муська тоже не забывала: стала гладкой, сытой, шерсть лоснилась. Самое главное, что она неизменно уходила с добычей на соседний чердак, в сторону от дома, пряталась где-то в одной ей известных закутках, а если приносила мясо хозяевам, всегда появлялась и исчезала совершенно незаметно – словно понимала всю опасность этой «охоты» и для себя, и для своих хозяев. Пока что всё было тихо: очевидно, офицерские повара и денщики сами хорошо приворовывали барское мясо и сваливали пропажи друг на друга.

Осень 1943-го стала для оккупантов началом конца, советские войска наступали. Количество продуктов резко уменьшилось, они сильно подорожали, да и румыны стали суетливей и растеряннее. Муська всё реже приносила добычу в дом – наоборот, чаще приходила подкормиться к хозяевам. Ей не отказывали, всегда хоть жидким супчиком, но делились.

***

И вот настал тот ноябрьский солнечный день, с которого я и начал свой рассказ. Охотничья удача в этот раз изменила Муське. То ли кусок оказался слишком большим, то ли повар появился на кухне не вовремя, но незаметно

уйти кошка не успела. С карниза убежать можно было только на соседнюю крышу, но до неё было ещё далеко. Румынские солдаты бестолково суетились во дворе, изредка стреляли, но довольно вяло – боялись попасть в окна полковничьей квартиры. Дворик был заставлен сараями, засажен высокими тополями, закрывавшими обзор, поэтому метко стрелять было трудно.

Вдруг среди них появился высокий худой солдат с винтовкой в руке. По тому, как он вскинул её к плечу, прицеливаясь, все поняли, что этот не промажет. Грянул выстрел, и прямо перед Муськиным носом взвился фонтанчик выбитой штукатурки. Кошка слегка присела, а потом снова стала пробираться по узкому карнизу, не выпуская кусок из зубов. Румын ругнулся вполголоса и снова прицелился, но выстрелить не успел. Во двор с шумом вкатился полковничий автомобиль. Все бросились встречать хозяина, вытягиваться «смирно», докладывать, из-за чего стрельба. Подскочил высокий с винтовкой, начал что-то быстро говорить, показывая на карниз; очевидно прося разрешения покончить с кошкой.

Офицер сделал отрицательный жест, вышел из машины. Достал свой пистолет и выстрелил четыре раза подряд. Похоже, он был неплохим стрелком, так как держался уверенно, стрелял быстро и вроде бы небрежно, но это была небрежность профессионала. Однако в Муську он не попал. Пули легли выше, осыпали кошку каменной пылью, но не причинили ей вреда. Румын выстрелил ещё три раза, и снова неудачно: теперь все пули ушли ниже, раздался звон разбитого стекла. Полковник в ярости крикнул высокому, указав на карниз, где кошка преодолевала последние сантиметры перед соседней крышей со спасительным окном на чердак. Солдат успел выстрелить в тот момент, когда рыжая уже переваливалась в заветное окно. Командир что-то ещё крикнул, но быстро успокоился, махнул рукой и, пошатываясь, побрёл к подъезду.

Только теперь стала понятна причина его неудачной стрельбы – румын был вдребезги пьян. Наверное, не радовали его последние вести с фронта – наши приближались неотвратно, и пора было думать о спасении своей шкуры. Зрители быстро расползлись по каморкам, солдаты кинулись к своему начальнику, повели в дом. Всю ночь из барской квартиры раздавались звуки какого-то тоскливого веселья: громкая музыка, женские вскрики, звон разбитой посуды.

***

Кошка появилась через неделю, живая и почти здоровая – только кусочек хвоста оказался отстреленным. Больше она не делала набегу на полковничью кухню, да и сам полковник стал появляться всё реже, а потом и вовсе съехал, не забыв прихватить все наворованные вещи.

В начале апреля город освободили советские войска; наводили порядок, проверяли жителей, как они жили при оккупантах, не сотрудничал ли кто с ними? В этой суете не сразу заметили, что Муська перестала появляться дома. Её ждали, но тщетно. Так и не пришла больше домой рыжая кошка, кормившая

хозяев в годы оккупации. Кто знает, что с ней случилось... Мутное было время, опасное. Тогда не то, что кошки, люди часто пропадали.

***

Эту историю часто рассказывал мне отец, и в детстве я присочинял к ней хороший конец: что рыжая кошка не погибла, а прибилась к другим людям. В последний раз он рассказал мне о Муське за день до своей смерти – мы сидели в гостиной, разговор почему-то зашёл о кошках. Папе тогда стало легче, тяжкая болезнь вроде бы отступила, я радовался улучшению. Потом уехал домой, на другой день не звонил: показалось, что всё плохое позади. А следующей ночью, перед самым Новым Годом, его не стало...

* Сигуранца – румынская контрразведка

Любовь к лошадям

Людмила Клёнова

– Какой странный сон мне приснился, – сказал Дик, не открывая глаз и ещё до конца не проснувшись. Он потянулся к жене, ласково обнял её.

– Слушай: чёрная высокая скала... Внизу – чудесная долина, опушка леса... Дриады, танцующие на поляне, синеглазый сатир... И белоснежный Единорог – прекрасный, гордый...и любящий всех, кто был в этом сне...

Она, улыбнувшись, поцеловала мужа в тёплую ото сна щеку: – «Ты просто подсмотрел МОЙ сон... Единороги живут в моей реальности...»

Она с детства любила лошадей. И не просто – любила. Ей казалось, что не может быть существа более доброго, умного и благородного, чем лошадь. И не приходило в голову, что лошадей можно бояться – хотя она пугалась каждый раз, когда видела паучка, даже самого маленького, и в панике убегала от петуха, хозяйничающего в курятнике за бабушкиным домом... Звали девочку Оля. Но она называла себя «Олья» – так ей удобнее было произносить своё имя, когда она была совсем маленькой...

Олья жила с родителями в тихом пригороде большого шумного города. Ей было лет пять, когда по улице мимо их дома проезжала тяжело гружёная телега. Грунт после дождя был совершенно размокший, превратившийся в вязкую жижу, и рыжая лошадь, запряжённая в телегу, была просто не в силах вытащить груз на подъём. Возница, поливая бедное животное щедрой, многоступенчатой и забористой бранью, нахлёстывал рыжуху вожжами по спине – столь же щедро... Олья, выскочив из ворот, мёртвой хваткой вцепилась в занесённую для очередного удара руку бородатого мужика и закричала: «Не смей её бить!» Бородач просто ошалел от такой наглости: «Ах ты шмакодявка! Ты чего лезешь? Отстань!» – и попытался оторвать от своего рукава маленькие девчоночьи ручонки. Но не тут-то было – Олья взглянула ему в лицо своими чёрными глазищами и сказала тихо и совершенно взрослым голосом: «Не смей... Подложи лучше под задние колёса вон ту доску – не понимаешь, что ли – тяжело Лиске...»

– Ты откуда знаешь, как её зовут, – опешил возница.

– Да она сама мне сказала...

Мужик как-то странно посмотрел на девчушку, потом взял доску, подложил сзади под колёса телеги. А девочка в это время, подойдя к лошадке, что-то прошептала, пытаясь дотянуться руками до морды Лиски. Кобыла, словно в ответ, коротко заржала, дёрнулась – и вытащила телегу на пригорок, оставив обрызганного грязью мужика сзади.

– Спасибо, – неожиданно для самого себя сказал мужик непривычное слово – сказал тихо и как-то кротко – и пошёл догонять медленно движущийся вдоль

домов свой транспорт. Несколько раз, оглядываясь на девочку, стоявшую у ворот, он недоуменно качал головой...

Летом каждый год Оля уезжала к бабушке и дедушке, родителям папы. Она очень любила бывать в маленькой, чистенькой деревеньке, затерявшейся среди золотящихся, поспевающих хлебов. Самое прекрасное, что в ней существовало – это большой табун лошадей. И не было большего удовольствия для малышки, чем часами смотреть на животных, резвящихся на пастбище... Сначала и родители, и бабушка с дедушкой боялись отпускать девочку с пастухами – а потом привыкли и совсем успокоились. Помог один удивительный случай.

Это произошло в один из первых приездов – Оленька была ещё совсем маленькой, годика три, не больше. Она выскочила из калитки прямо навстречу табуну лошадей, который возвращался с пастбища домой. Весёлые, сытые и отдохнувшие животные неслись галопом по широкой сельской улице, подняв тучу пыли... И когда дедушка, рванувшийся от крыльца и выбежавший вслед за девочкой на улицу, уже представлял себе лежащую в пыли, сбитую лошадьми малышку, он увидел невероятную картину: остановившийся, словно наткнувшийся на невидимую стену, табун – и Воронок, вожак, замерший – и как глыба, нависший над Ольей. Дрожа всем телом, он наклонил к девочке голову и, казалось, внимательно слушал её. А малышка, смеясь и весело лопоча что-то, гладила ручонками его бархатную морду...

18

С тех пор в селе с гордым названием «Пролетарское» как-то привыкли: девчонка точно знает, что у какой лошади болит, чем ей можно помочь... А когда какой-то кобыле приходил срок жеребиться, Оля разговаривала с ней – тихо и долго, словно успокаивая – и всегда знала заранее, кто родится – мальчик или девочка (именно так она говорила: «У Зорьки завтра родится девочка» или «А сегодня ночью Дикарка мальчика родит – только помочь надо – он лежит неправильно»)

Через пару лет Оля подросла – и однажды пастух увидел, что она взобралась на жеребёнка – и тот осторожно и тихонько ходит по краю пастбища со своей лёгонькой ношей... А чуть позже перестали удивляться и тому, что какой-нибудь жеребец, чаще – вороной, ложится на траву рядом с девочкой, чтоб ей удобно было оседлать его – и малышка, положив попонку ему на спину и вцепившись ручонками в его гриву, едет на нём по лугу. И конь, словно повинуюсь неслышным командам, то идёт шагом, то переходит в галоп или рысь, а иногда и вовсе застывает на месте, подняв одну из передних ног...

И когда на закате Оля возвращалась в село вместе со стадом, горделиво восседая на чьей-либо тёплой спине, старики смеялись: «Вон лошадиная колдунья едет!»

Но время шло – Оля повзрослела, окончила школу, потом институт. Вышла замуж, родила сына. Жила в современном большом городе, в котором не было места лошадям – но никогда о них не забывала и любила их по-прежнему – искренне и горячо...

... В этот год начало осени было удивительным – золотым, тёплым, ласковым и разнеживающим... Ждалось чего-то необычного...

А произошло событие, в общем, очень простое – в их город приехал цирк-шапито с большой и хорошей программой, среди участников которой были и дальние родственники мужа, Дика – сёстры Ира и Элла. Ира работала с роскошными ангорскими козами (единственный козёл в её группе, Бяшка, был жутко нахальный – мог вытащить у неё из кармана прямо во время выступления морковку или кусочек хлеба; а когда их номер заканчивался, он, уходя с арены, обязательно останавливался перед микрофоном инспектора манежа – и громко, внятно и весело говорил в него «Бл-л-ля-а-а!»). Публика ухохатывалась – и уже через день прозвала Бяшку – «Ругачий козёл»). А Элла прекрасно работала с дрессированными собаками – они выполняли, причём, легко и с охотой, такие головоломные трюки, что зрители не переставали аплодировать на протяжении всего её номера...

Элла и сообщила, что за несколько дней до окончания гастролей приедет её муж, Рустам, руководитель конного аттракциона.

19

Почувствовав, как что-то дрогнуло в душе, Оля стала с нетерпением ждать приезда Рустама – Элла говорила, что номер у него просто превосходный...

...Когда на арену вылетели 8 лошадей с плюмажами на головах и с развивающимися, ухоженными и длинными гривами, Оле показалось, что она несётся по кругу вместе с ними – просто закружилась голова от их скорости...

Номер был и вправду хорош – с фантастической по сложности джигитовкой наездников... Но Оля видела только горящие глаза лошадей, их раздувающиеся ноздри, движение мышц под гладкой шёлковой кожей – и слышала щёлканье хлыста и гортанный голос, выкрикивающий команды...

Представление закончилось, зрители разошлись. Оленька с мужем прошли к манежу с другой стороны, через служебный вход – наездники выхаживали разгорячённых после работы лошадей, а Рустам, держа в руках горшочек с каким-то особым снадобьем, смазывал ссадины на руках и телах джигитов-артистов и на ногах и спинах лошадей – одной и той же кисточкой... Оля любовалась благородными животными, переводя взгляд с одного на другого... И вдруг время остановилось – она поймала взгляд чёрного, как ночь, гордого и нервного ахалтекинца... Он словно споткнулся, потом остановился, медленно вышел из круга – и одним длинным прыжком оказался рядом с ней... – Беги! – как сквозь вату донёсся до неё крик Рустама, – зашибёт! Это бешеный зверь!..

Даже не подумав сдвинуться с места, Оля заворуженно подняла руки – и погладила по голове замершее перед ней животное. «Ф-р-р-рум!» – сказал

Нуби – и она взлетела к нему на спину... Ровно, плавно, распластавшись в движении, как в замедленной киносъёмке, красавец-конь пошёл по кругу манежа, оттесняя к бортам своих собратьев...

...И Земля, удаляясь сине-зелёным шаром, осталась где-то внизу... Сверху – навстречу – надвигалась чернота – густая и ощутимая – и они окунулись в неё – окунулись без страха – спокойно и привычно... Копыта Нуби, мелькающие с невероятной быстротой, высекали искры огня из этой тьмы – а Оля, собирая их в ладони, бросала вверх – и всё ярче, всё зримее становился Млечный Путь, указывая им дорогу...

Это был ЕЁ Путь... Странно-белые, почти серебристые волосы, рассыпавшись по спине, переплетались с рисунками созвездий...

И только где-то в сердце – далёкими толчками – пульсировало: «Возвращайся... Возвращайся... Ещё не время...»

Толчок... Удар... Остановка...

– Милая, ты в порядке? – Рустам легонько похлопывал её по щекам – из-за его спины выглядывал испуганный Дик... Когда ей удалось сконцентрироваться и сфокусировать взгляд, она улыбнулась: «Конечно, всё хорошо... А что случилось-то?»

– Да я никогда ещё не видел, чтоб Нуби так летал по арене... как ты вообще-то удержалась?

– Ну, мне не привыкать, – беззаботно откликнулась Оля – я так с детства умею – не волнуйся!

... В день отъезда цирковой труппы, посидев перед расставанием вместе с мужем за столом у Эллы и Рустама, Оля зашла на конюшню – попрощаться с Нуби. Он, почувствовав её, громко и призывно заржал.

Она подошла к нему, поцеловала в мягкий чёрный нос, прижалась щекой к тёплой, бархатистой, невероятно благородной морде коня... Нуби, поймав нежными губами её ухо, горячо выдохнул...

Дверь конюшни открывалась прямо в загородную степь – южную, просторную, золотистую...

– Ну, что, друг мой, покатаемся на прощание? – спросила шёпотом Оля. Убрала задвижку стойла, открыла настежь дверь и, схватившись за смоляную гриву, оттолкнулась от пола, одним броском тела взлетев на спину любимца.

– Вперёд, Нуби! Мы – с в о б о д н ы !

Конь сорвался с места и ...

Гул... Холодный, колкий воздух... Толчок, хлопок... Серебристыми паутинками разбежались в стороны линии-трещинки – показалось, что они проскочили сквозь тонкое зеркальное стекло... Тишина, звенящая и полная...

Она стояла на глянцево-чёрной высокой скале. Белые лёгкие одежды развевались под тёплым, ласковым ветерком, струились вокруг её тела – вместе с длинными, странно-светлыми, почти белыми шёлковыми волосами... Внизу – ярко-зелёные огромные деревья; полупрозрачные обнажённые девушки с венками из свежих цветов на головах; чуть в стороне, под раскидистым дубом, полусидел-полулежал крупный рыжеволосый сатир – руки его, казалось, перебирали струны лиры, а ноги, скрещённые на траве, оканчивались мощными коричневыми копытами... Всё казалось невероятно живым – но странно застывшим, как остановившийся на киноплёнке кадр.

Кто-то легонько тронул её за плечо. Она повернулась. Вороной, черноволосый кентавр-гигант, ослепительно-белозубо улыбаясь, приложил руку к сердцу: «Приветствую тебя дома, Ольенна! Ну, что, пора дать ИМ жизнь? Ты готова, моя повелительница?»

Ольенна кивнула: «Да!».

– Тогда – летим!

– Вперёд, Нуби!

Они, оттолкнувшись от скалы, прыгнули – вперёд и вниз. Ольенна видела, как меняется застывшая внизу картина – оживают кружащиеся в хороводе дриады... искрятся синие-синие, невозможно молодые и горячие глаза Пана... она уже слышала чарующую мелодию, вытекающую из-под его лежащих на струнах пальцев ... Она ощущала, как в прыжке изменяется и её тело, становясь упругим, текучим, послушным и сильным. Земля летела навстречу, послушно приближаясь. За миг до её приземления Пан вскочил и склонился в глубоком поклоне: «О, повелительница! О, прекрасная Ольенна, Ты посетила нас снова! Такое бывает только один раз в тысячу лет – и мы снова живём, мы снова радуемся Солнцу, мы снова счастливы!»

Она стояла перед сатиром – действительно ПРЕКРАСНАЯ – цвета чистого, первого зимнего снега, с длинной, вьющейся и такой же белоснежной гривой, спускающейся до самой земли... На её горделиво поднятой голове сверкал и переливался сияющими бликами витой алмазный рог, взлетающий к небу...

Священный Единорог, вечная Мечта и непреходящая Красота – Ольенна...

...Когда через полчаса ахалтекинец со своей всадницей остановился у ворот конюшни, к Оле, пытающейся заплести в косу свои растрепавшиеся после прогулки странно-светлые, почти белые волосы, подбежал Дик, схватил за руки, взволнованно проговорил:

– Господи, ну ты, Олька, как ребёнок... Ускакать на цирковой лошади в степь, столько времени не возвращаться... Мне показалось, что тебя не было сто лет! Легко спрыгнув с коня, она посмотрела не него какими-то очень повзрослевшими, мудрыми, бездонными глазами – и улыбнулась – тихо и светло:

– Гораздо дольше, дорогой мой... Гораздо дольше...

Широкими шагами шёл от двери рассерженный Рустам, явно собираясь отчитать непослушную Олью – и ошалело остановился, не приблизившись к ней: гордый и непокорный черногривый красавец Нуби, подогнув передние ноги, встал на колени, склонился перед женщиной в глубоком поклоне – и застыл, как изваяние.

Она ласково потрепала его по шее: «Спасибо тебе, брат мой! И – до встречи!»

Потом повернулась к мужу, нежно поцеловала его.

– Пойдём домой, любовь моя... Пора готовить ужин – я проголодалась, словно не ела тысячу лет...

Планета путешествий

II. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Выбор пути. Конкурс стихов и малой прозы «Нарисуй меня...».

Хроники Марса. Прозаические дуэли.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных.

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей.

Земля – Созвездие Эридан. Конкурсы мистических рассказов.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Третий конкурс рассказов.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 3».

Первый Галактический турнир Малой прозы.

Парад Планет – победители прозаических конкурсов

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день – 2».

Земля – Созвездие Дракона. Конкурсы сказок и мифов.

Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено – 2.

Земля – Созвездие Рыси. Экспериментальные конкурсы прозы.

Земля – Созвездие Мухи. Конкурсы абсурдизмов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ».

Земля – Орион – Минтака. Конкурсы 55-словников.

Конкурс объявлений.

Земля – Орион. Конкурс «Новость дня».

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Я это помню...».

Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич – 2».

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Монолог мастера...».

Выбор пути. Конкурс стихов и малой прозы «Нарисуй меня...»

Некуда деваться

GP

Удивительное дело – музыка. Вроде, шум, пусть и упорядоченный, а бежать от этого шума, прятаться в тишину нет желания. Ну а если к музыке слова есть – так тут, хочу, не хочу, сам начинаю подвывать. Что-то волчке сразу просыпается во мне, желаю морозную ночь, полную луну... Но лишь первые слова с губ срываются: «Hey Jude...», а он тут как тут.

– Сам ты Jude, – кричит, – а я – Лис! Почему вне конкурса песня? У тебя план на эту пятидневку каков?

– Так нету у меня плану, – отвечаю. – Да и не пою я. Это волк во мне пробудился, луны полной хочет, Красной шапочки, бабушкиных пирожков...

Ну тут Лис, ясное дело, берёт процесс в свои лапы.

– Чудак ты человек, – начинает он ласково увещевать. – В конкурсе планеты Плюк как раз пирожок в качестве приза. А ещё – сыр. Ну мало ли. В тебе вот волк просыпается, а в других ворона, к примеру...

25

А там и петь-то почти не надо. Рот под фонограмму открывай, главное – пошире. И это, ещё... Стихи-то чьи воешь?

– Так сэр Пол написал, – говорю. – Англичанин знаменитый...

– У нас в Австралии, – возражает Лис, – из англичан только королева знаменита. А Пол... Это который Пот? Не... Ты это брось – песню с таким автором никак нельзя. Чего ты хотел кроме пирожков-то? Слушай, у нас в созвездии Гнутого Гвоздя конкурс идёт. Там петь не надо. Там пиши, что в голову пришло – чем слова непонятнее, тем верлибрестее. Ты же умеешь непонятные слова в непонятные мысли складывать. А приз как раз шапочка. Санкюлотская, красная. Выиграешь, подберём такую, что будет сидеть как влитая...

Я не знаю, есть ли в галактике люди, способные противиться Лису? И я не противился – всю чепуху из головы перенёс на бумагу. Так Лис на конкурс не взял – говорит, плагиат я ему подсунул. До меня это уже то ли Маркс, то ли Макиавелли выдумывали.

Вот такой он – Лис. Принципиальный и требовательный. Ну а раз требует он для конкурса хоть пару строк, пойду сочинять. А куда со звездолёта деваться-то?..

Хроники Марса. Пятая дуэль

Поворот
Ольга Клен

Бабка Кирьякия, а в народе уважительно, Карповна, была для всей округи чем-то вроде “скорой помощи”. Если хвороба какая скрутила – к ней, корова отелиться не может, опять же, к Карповне, дочка в девках засиделась, – бабушка, помоги, посоветуй. Но особенно долюбивали навещать Карповну деревенские мужички. Как только на двери местного супермаркета, занявшего торец старого амбара, навешивался замок, народная тропа поворачивала к избушке Карповны.

– Мёдом у неё, что ли, намазано, как вечер, так полдеревни – на водопой! – в сердцах сплюнет какая вслед своему муженьку, да и пойдёт Малахова досматривать по телеку.

Надо сказать, что самогон у Карповны был справный, настоящий на каких-то ей одной известных травах, шишках или ещё на чём. Состав напитка мало интересовал недопивших в дневное время покупателей. Важно, что шла “карповка” легко и мягко, словно дорогой коньяк и содержала около шестидесяти оборотов. Одна беда – жила “скорая помощь” далеко, на дальних выселках, в аккурат, посреди леса. Пока дойдёшь, протрезвеешь.

26

Так бы непримечательно и текла жизнь в деревне, если бы не одно происшествие, которое в корне изменило привычки сильной половины деревенского бомонда. А случилось это вскоре после того, как погиб единственный на всю округу непьющий водитель весельчак Василий. Задержался он как-то в городе, ехал домой уже за полночь. Что там случилось на перекрёстке у дороги к лесу, кто ж теперь узнает, только не вписался Василий в этот поворот. Наутро нашли его, зажатым между рулем и сиденьем в искорёженном грузовике бездыханным. Беднягу похоронили, грузовик отволокли за околицу, на местную свалку.

После этого случая и пары месяцев не прошло, как на деревенских мужиков морок какой-то напал, иначе и не назовёшь: и видеть не хотели спиртное, не то, что употреблять. Не сразу все скопом, как это бывает при эпидемии, а по очереди, по одному. На работу ходили, но после – ни ногой из дома. И на все вопросы отвечали молчанием.

Первой забила тревогу Нинка, жена тракториста Петра. Поспрашивала у соседок, как их благоверные относятся к поллитровочке. Оказалось, что по-прежнему, с удовольствием. Она и успокоилась на время. Мало ли какие

тараканы появились в голове у мужика? Не пьёт, и слава Богу! Лоб перекрестила в благодарность и стала строить планы на нежданно-негаданно сэкономленные от алкоголя деньги.

Тут ещё две молодухи повстречались, пообщались и выяснили, что деревенская армия трезвенников пополняется с пугающей неотвратимостью. Почему пугающей? Ну вы и спросите! Так трезвый мужик, почитай, что новый мужик, незнакомый. И как ещё с ним жить-то приноровиться, нужно подумать. Пьяному что? Приполз домой под утро, ты ему тарелку под нос, поел, и – в люлю. А то и вовсе без ужина обходится, сразу спать заваливается. С утра он или на работу, или похмеляться. Бывает, что неделями супруг со своей супружницей не сталкивается. Иногда, по-пьяни, сталкивается с чужой, но это уже другая история. Никто никому не мешает. Да, случается, переберёт хозяин, бузить начнёт, жену с детишками гонять по двору, но ничего, это дело привычное. Стоит только на улицу выскочить, его свои же собутыльники и успокоят.

Когда обстановка в деревне накалилась, у местечкового ритейлера организовался стихийный бабий сход, начало которому положила Кирьякия Карповна. Она ради такого случая даже из лесу вышла. Да и то правда, “бизнес-то ейный потерпел фиаску”, как поведала всем змея Клавка, у которой и мужа-то никогда не было. По крупице сведений, что удалось вытрясти каждой из своей половинки, бабы собрали общий пазл и поняли: мужики чего-то боятся. Остаётся всего-ничего – вывести, откуда этот страх.

Если что-то задумала одна женщина, она своего добьётся. Это известно каждому мужику. А если пол деревни? Стихийное бедствие! Торнадо в подмётки не годится. Вечером за ужином у всех на столе стояла бутылка с лучшей “карповкой”. Так бабы решили одним выстрелом уложить две цели: поддержать терпящий убытки от их мужей бизнес Кирьякии Карповны и создать повод для нужного разговора дома. Был ещё бонус, о котором все скромно помалкивали: сегодня можно будет самой расслабиться. Если муж не пьёт, не пропадать же добру!

Утро выдалось не из лёгких, впрочем, как и ночь. У всей прекрасной половины деревни банально болели головы. Бутылка на столе дала тему для разговора по душам. Кто из мужиков мог спокойно смотреть абсолютно трезвыми глазами, как благоверная медленно, по глоточку, опустошает рюмку за рюмкой? При этом она нежно смотрит непонимающим взглядом и произносит: “А ты почему не пьёшь? Я ведь так старалась для тебя. Смотри, какой стол приготовила, бутылочку купила. У нас же сегодня годовщина знакомства (поцелуя, прогулки при Луне, поездки ...) Ты, случаем, не заболел? Ну расскажи, что случилось. Я же волнуюсь!” В ход шли уговоры, ласка, даже

шантаж (буду пить, пока мне всё не расскажешь). Если попадался крепкий орешек, в дело вступала ночная кукушка. В эту ночь раскололись все.

Встретились бабоньки на пустыре за магазином. Сердобольная Танюха, продавщица, снабженец, грузчик, уборщица и завмаг одновременно, вынесла каждой по банке просроченного пива. Собрались не все, случились потери. Однако, это не повлияло на общую картину бедствия, постигшего деревню. Если не вдаваться в подробности, история каждого нынешнего трезвенника была, как под копирку. Спасибо технически подкованной Маринке, она записала признания своего благоверного Тимофея на диктофон. Теперь и мы можем их послушать:

– Мариш, ну ты же знаешь, что я работаю допоздна, а лавка закрывается в пять. В тот вечер мне просто необходимо было выпить: с бригадиром сцепился, аванс не дали, да и ты с утра сычом глядела, – Тимошка тяжело вздохнул, помолчал, но не услышав поддержки, продолжил, – В общем, направился я к Карповне. Дорога не близкая, время приближалось к полуночи, да и стремался я. Среди наших уже шёл слух о проклятой дороге, ведь несколько ребят на днях завязали. Иду, значит, я и слышу где-то сзади нарастающий шум мотора. Кто бы это мог быть, думаю, никак залётный? Наши-то все безлошадные, а если к Карповне направляются, так уже лыка не вяжут, идут ножками. Решил я сойти с дороги, мало ли что. Сполз в канаву, а там, ты же знаешь, дорожники недавно углубили, прокопали. Грязи! Сижу. Жду. Показался свет фар. Смотрю, мимо меня проезжает газик Василия с раздолбанной мордой и рыскает фарами по сторонам, словно кого-то ищет. У меня волосы зашевелились везде, где только росли. А сам я прирос к земле, пошевелиться не могу, кажется, даже корни пустил. Вокруг – светло, как днём, полнолуние же. Гляжу, а в кабине никого нет. Пусто, понимаешь? Машина разбитой мордой вертит, принюхивается, ну, ей-ей, как живая. Проехала мимо. Я уже решил, что пронесло, но нет, она развернулась и направилась прямо на меня. Я рванул по полю к лесу. Она – за мной. И представляешь, ей пофиг, что канава, что пашня, прёт и гудит. Догнала она меня, Мариш... Я упал. Машина наехала сверху. Слышу голос, скрипучий такой, металлический: “Не ты ли это тот пьянчужка, из-за которого погиб мой любимый Василий? Вылетел тогда под колёса, шатало его, дороги было мало. Вот мой Васенька и крутанул руль неудачно, чтобы избежать наезда на этого... Ну-ка повернись лицом, я его запомнила. Пока не найду, да не убью, не успокоюсь. А если не найду, то буду убивать каждого, от кого исходит алкогольный дух”. И тут я потерял сознание. Очнулся, машины не было. Светало. Рядом – две глубокие колеи. И вот тогда я поклялся, что всё, больше не пью. Ну его!

На пустыре стало тихо. Метрах в двухстах виднелась свалка. Над ней возвышалась кабина васькиного газика. Подлеченные пивом головы, как по команде, повернулись в её сторону.

– Кажись, раньше машина-то подальше стояла, – медленно произнесла тётка Фаина.

– И то правда, – поддержала её молодуха Тася.

– Ой, кажись, фары светятся! – вскрикнула Нинка.

– Пойдём посмотрим? – предложила любопытная Верка.

– А чё там смотреть? Боязно как-то, – сказала Марина. – Сделала машина доброе дело, и спасибо ей. Чё там смотреть? Ещё передумает. Мне мой Тимофей трезвым нравится больше.

– И мне.

– И мне.

Хроники Марса. Шестая дуэль

Стильные штучки

Римма Щемерова

Ажиотаж в городе начался за две недели до события. Прошёл слух, что из-за границы именно в наш небольшой рабочий городок, практически сразу после столицы, придут всемирно известные и популярные дизайнеры модной одежды и стиля. Причём утверждалось, что помимо моделей высокой моды будут представлены и образцы в стиле «кэжуал». То есть то, что местные пижоны и кокетки смогут купить и носить это прямо после показов.

К приезду дизайнеров жаждущие обновления уже раскупили билеты на модные показы на всю неделю. К тому же объявлена неожиданная новость: кроме профессиональных манекенщиц и манекенщиков в дефиле могут принять участие и простые зрители. Всё можно будет потрогать, примерить и даже продемонстрировать публике.

Ещё одна революционная фишка: весь показ зрители будут смотреть в специальных (и, разумеется, тоже модных) очках с 6D-эффектом. Очки после показа можно будет забрать с собой.

И вот – долгожданная премьера. Демонстрируются разные эксклюзивные модели от-кутюр, оригинальные до умопомрачения, несколько вызывающие, даже можно сказать – скандальные. Люди подивились, позабавились фантазии стилистов, закутавших своих моделей в одежду, напоминающую то высохший и скорченный опавший лист, то пёструю рогатую гусеницу, помпезный фрак в форме тараканьих крылышек, на котором даже дополнительная пара лапок болталась на уровне живота, а из острых лацканов вверх торчали упругие усы. Головные уборы в виде вороньих гнёзд, чайных пакетиков или чернильниц-непроливаек, наполненных настоящими чернилами и с металлическим писчим пером на боку, вместо брошки.

Было чему подивиться. Очки с 6D-эффектом сразу всем понравились. Они наводили фокус автоматически на нужную деталь, могли настроить любой цветовой тон или стереоэффект, делали освещение более мягким и комфортным, или высвечивали более подробно нужные детали. Просмотр в них делал показ фантастически увлекательным, создавал ощущение сопричастности и полного погружения. Всё действо походило на фантастический яркий сон.

Наконец перешли к моделям, которые рекомендовались к повседневному ношению. Это разные стильные штучки вроде мягкой шапочки из ткани, которая приятно согревала голову и открывала только ту часть причёски, которая была наиболее выигрышна. Детали этого головного убора свободно перемещались, открывая то лоб с обрамлением шикарно завитой чёлки, то теменную часть, где гнездилась плетёная корзинка из кос, то боковые участки, где кокетливо закручивались задорные хвостики. Кроме того, на ткани

прикреплялись изящные декоративные ажурные украшения в виде переплетения тонких металлических нитей.

Для мужчин, причёска которых была далека от идеала, такая шапочка была просто спасением. Она скрывала проплешины, залысины или просто жидкие засаленные волосы, создавала некий «пуш-ап эффект» для волос. И к тому же ткань деликатно согревала и была приятна к телу.

Кроме шапочек предлагались шарфы для непрерывной носки. Их можно было накинуть на плечи сразу после душа и носить целый день. Зимой их тонкая ткань нагревалась, летом приятно охлаждала.

Все эти стильные штучки, особенно в комплекте с очками, создавали цельный образ человека умиротворённого, уверенного в себе и необычайно продвинутого.

Впечатления от увиденного на показе было настолько сильным, что весь город был взбудоражен. Вот оно – будущее! Наконец-то кутюрье повернулись лицом к потребителю и создали нечто изысканное, прекрасное и комфортное, к тому же весьма доступное по цене. В течение недели всё взрослое население города побывало на показе. Допускали и детей старше 12 лет.

Один минус всё же был: стильные штучки можно было купить только у эксклюзивных дилеров. Изготавливать эти вещи самостоятельно запрещалось. Любые подделки разоблачались тут же, поскольку не создавали нужного эффекта и такая самодеятельность грозила солидным штрафом.

31

Но стоит ли беспокоиться? Рынок чутко среагировал на запрос и завалил рынок соответствующими товарами. Люди были довольны. Лица стали более дружелюбными, улыбчивыми, люди – уверенными в себе, общительными и стильными. Даже сквозь зеркальные полупрозрачные стёкла очков были видны довольные светящиеся улыбкой глаза.

Вокруг царил атмосфера счастья. Все общались со всеми, ходили в гости. Закрытых дверей просто не было. В глазах людей горело любопытство. Они словно впервые видели свой город. Им хотелось в подробностях осмотреть все детали вокруг, всё казалось интересным, новым, прогрессивным. Они словно впервые видели трубы отопления, кабели интернета, телефоны, фонари, дороги, вышки сотовой связи... Люди почувствовали вкус к работе, интересовались технологией, углублялись в новую информацию, как в первый раз разглядывали датчики, проводку и детали станков... Всё было ново и интересно.

Одно удручало: дети становились всё более непослушными и плаксивыми. Контакт с ними рушился. Однако и это удалось исправить. Выпустили партию новых деликатных аксессуаров для детей старше ясельного возраста и до 12 лет, и детки угомонились и вписались в общую картину счастья.

Лесник Михалыч, старый хрыч, никогда не вылезавший из своей таёжной берлоги, хмурый и недоверчивый, приезжал в город только раз в полгода. Закупался солью, спичками, покупал кое-что из белья, ну и так – по мелочи...

Первый же день в городе поверг старика в шок. Город сошёл с ума, или заразился какой-то страшной болезнью.

Над идиотскими залипшими улыбками пузырились жабы зеркальные очки, практически скрывающие пол-лица. На головах у всех – от малых детей до древних старушек были надеты странные сооружения, напоминающие трусы, сшитые из подержанных полиэтиленовых мешочков. В дырках этих мешочков пучками нелепо торчали лохматые нестриженные космы и высовывались и вверху заплетались в узел разноцветные проводки. А над головами расплывались разноцветные облачка, которые струйками стекались кверху и всасывались в антенны сотовых вышек. На плечах прохожих висели лоскуты полуистлевшей синтетической кожи.

Михалыч от греха решил поскорее убраться из города. Зашёл в магазин, где обычно затаривался сразу на полгода и увидел продавца в таком же нелепом облачении.

– Ааа! Михалыч! Заходи! Давненько тебя не было! – заулыбался продавец. Лесник с трудом узнал Серегу – своего соседа, который был предпринимателем и сам торговал в маленьком дорожном магазинчике.

– Серёга? От тебя не ожидал! Ты-то чего эти пластиковые труселя на голову напялил?

– Михалыч, ты что?! Это ж тренд! Знаешь как удобно? Хочешь, я тебе одну штучку померить дам?

32

– Щассс! Убери ручонки! Ты, кажись, тоже сбрендил. Стрендил! Я такое г... даже в руки не возьму!

– Дремучий ты человек! Сразу видно – далёк от цивилизации. Жизнь-то вперед идёт. А ты всё по тайге как лешак бродишь. Лосей распугиваешь.

– Да я в этой шапочке и медведя насмерть перепугаю. Мне ушанку потеплее надо. Нафига мне твой «тренд»?

– Ну, ладно. Так ты хоть очки 6D возьми.

– Вот эти, лупатые? Да ты что? Солнца-то в тайге и так не видать. А я в тёмных очках как стрелять буду? Мне что –белок именами очаровывать?

– Эт ты зря. Они с особым стереоэффектом. Хошь – приблизят, хошь удалят, могут отдельно подсветить тот участок, куда прицеливаешься, могут светиться в темноте. Фонарика не надо. И сигнал если что подать можно – подмигнул в небо и всё – туда сноп искр из правого глаза, или луч лазера из левого...

– От ишь растудыть! Чего только не придумают! Ну-к, дай мне очки-то ...Ооо! Слушай, а шапка у тебя вроде ничего, модно смотрится. Точно тёплая? А на портянки парочку купить можно, чтобы ногам в валенках поуютнее было и не мёрзло?

– Вот насчёт портянок – это лучше шарфики приспособить. И ещё один на шею. А шапка только на голову. Вот эту возьми: она с вырезом для бороды.

– Ооот! Пряж жених! Как тебе, Серёга?

– Да ты, Михалыч ещё хоть куда! Хватит уже по лесам бродить как медведь. Осесть уже пора бы. Я тебя с одной бабонькой познакомлю – ягодка! Пальчики оближешь!

.....

– Комадир, всё в порядке. Лесника удалось нейтрализовать.

В иллюминаторе уже совсем ничего не видно. На улице стемнело. Ровная как стол рыжая степь утонула в чернилах вечерних сумерек.

Вот уже полгода их космический корабль-разведчик из Галактики Мрачный путь гнездились в этой точке степной безлюдной местности. Шлюпки, летающие со скоростью 15-20 махов выполняли роль спасательных или просто доставляли разведчиков к нужной точке планеты Земля.

Плазменное тело командира вздрогнуло и поплыло к двери.

– Слава Вселенной! Я так боялся, что он начнёт бузить, сорвёт с кого-нибудь стереочки...

– Наш агент – Серега сработал чётко!

– Да, хорошо. Теперь мы стабильно получаем информацию о земных технологиях, научных открытиях и производственных возможностях. Надеюсь, сможем разобраться и в социальных вопросах. Пока ясно только одно: люди вполне управляемы. Это и хорошо, и плохо. Их легко настроить на любую движуху. Они и бомбу взорвать могут, уничтожив планету «во благо всего человечества», но и любое экологическое прогрессивное движение поддержат. Если их правильно организовать и направить. Представь, сколько тонн пластиковых пакетиков нам удалось пристроить для вторичного использования, сколько проводов от выброшенной в утиль радио и телеаппаратуры, которые в наше время уже практически нигде не будут использоваться, а искусственная кожа из химического волокна и пластика, которая не истлеет веками? А для стереочков в качестве носителя специальной плёнки, управляющей сознанием и создающей 6D-эффект ушло огромное количество пластиковой посуды, которая в мировом океане создавала целые острова!

– Если бы они еще знали о том, что они на себе носят?!

– А зачем и знать? То, что общепринято, автоматически становится красивым и удобным. К тому же очки позволяют держать их в этом заблуждении достаточно долго. Во всяком случае, пока мы полностью не освоим все земные технологии, не создадим карту залегания полезных ископаемых и не учтём все ресурсы, необходимые для заселения этой планеты нормальными магорианцами. Во всяком случае, пока планета ещё не совсем готова для жизни и даже для колонизации. Надо заставить их навести порядок на планете хотя бы лет за 5-10, чтобы мы могли отправлять сюда первых поселенцев. А если на Магоре всё обойдётся, и нас минет этот чёртов Астероид, то земные технологии пригодятся и нам для развития производства. Да и жить здесь можно без скафандров, только бы воздух успеть очистить получше.

– Но есть проблема. Населения довольно много. Мы одним экипажем не можем обеспечить производство стильных штучек для всей планеты. Даже показы организовать везде за год не успеем. Они ведь перемещаются по планете. Там, где о наших новых экологических технологиях ещё не знают, товары покупать не будут. Да их и не хватит. Захваченные города рискуют быть легко захваченными врагом. Счастливые идиоты не смогут защищаться. Могут начаться войны, колонизация... Состава на всех не хватит.

– Состав, Иллет, можно легко изготовить в любом количестве из местного сырья на любом химзаводе. Вот очки – вещь очень заметная, и поэтому любой человек из цивилизованного нами города в другом населённом пункте выглядит белой вороной. Надо, чтобы состав на глазах был, но это было не видно. Линзы! Будем изготавливать оптические линзы. Они сейчас всякие бывают: и прозрачные, и цветные, и радужные... Никто не поймёт, что приехал в другой город управляемый нами человек. А линзы очень быстро поступят в продажу и все цивилизованные страны скоро будут носить наши линзы. Загрузим их самих перерабатывать отходы и сосредоточимся на управлении обществом.

– Ужин, капитан! – в каюте появилась симпатичная инопланетянка, держащая в щупальцах длинные трубки со светящейся жидкостью. Капитан и штурман погрузились в трапезу. Жидкость, стекая по горлу начинала последовательно сверху вниз создавать свечение в теле.

– Да, капитан! Мы – не космические захватчики. «Мы несём свет цивилизации на эту дикую планету», – произнёс Иллет, улыбаясь идиотской залипшей улыбкой.

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Пятый конкурс рассказов о ЖИВОТНЫХ

Попка – не дурак

Александр Сороковик

Кирилл шёл с работы домой, точнее, на остановку маршрутки. Машина, как частенько случалось последнее время, стояла в ожидании ремонта. Четверг закончился, завтра пятница, потом законные два выходных. Из приятных мыслей о планах на эти самые выходные, его отвлек собачий лай, крики и шум. Он повернул голову, и увидел на невысоких кустах, обрамляющих дорожку, довольно большого попугая неяркого светло-серого цвета. Очевидно, птица вылетела через открытую форточку, отправилась в путешествие, и заблудилась. Декабрь – не сезон для полётов попугая на свежем воздухе, кроме того, надо полагать, что чужака местные представители фауны встретили не с распростёртыми объятиями.

Над кустами кружили вороны – не нападали, но взлететь повыше не давали. А на земле заливалась лаем небольшая свора дворняг – достать тоже не могли, ждали, когда попугай обессилеет и сам упадёт им в лапы. Разумеется, допустить такую несправедливость парень не мог. Подошёл поближе, гаркнул на собак, которые отступили, но далеко не ушли. Попугай начал что-то кричать, явно обращаясь к человеку, а вороны немного притихли, с интересом наблюдая за происходящим.

35

Серый попугай вдруг взлетел прямо на плечо парню, и истерически залопотал что-то неразборчивое. Собаки, почуяв, что добыча ускользает, придвинулись ближе. Не очень крупные, но опасные – организованная стая с вожаком и чёткой иерархией. Место не сильно людное, если нападут разом, туго придётся не только птице, но и человеку. Кирилл нашарил на земле не сильно толстую палку – хоть какое-то оружие – и стал медленно отступать. Свора придвинулась ближе, не желая расставаться с добычей.

Парень, расстегнул куртку, засунул попугая за пазуху, и вновь застегнулся так, чтобы птица могла дышать. Хотелось повернуться и побежать, сломя голову, но он знал, что это худшее, что можно сделать в данной ситуации. Помощь пришла с совершенно неожиданной стороны: группка подростков, лет по пятнадцать, увидели эту неважную картину, и с гоготом бросились отгонять собак. Они так орали и улюлюкали, что свора почла за лучшее убраться подальше.

– Спасибо, ребята, выручили! – крикнул Кирилл, хотел уже развернуться и уйти, но попугай вдруг высунул голову из его куртки, и громко, чётко произнёс: «Восхитительно, господа, прррросто восхитительно!», склонил голову набок и добавил: «Добрррро пожаловать!».

– Ох, ты! – с восхищением воскликнула одна из девочек, – А кто это у вас?

– Попугай! – улыбнулся Кирилл.

– Ой, а погладить его можно?

– Лучше не надо, я не знаю, что у него на уме. Это не моя птица, я вот только что с ней познакомился. Те барбосы хотели его порвать, ну я и вмешался, а тут и вы подоспели!

Ребята окружили Кирилла со всех сторон, многие достали телефоны и принялись фотографировать. Попугаю не очень понравились блики вспышек, и он залез поглубже внутрь куртки Кирилла. Весёлая компания проводила их до самой маршрутки, и ещё долго махала вслед.

В дороге пернатый вёл себя тихо, и вскоре они приехали к дому Кирилла.

– И вот что прикажешь мне с тобой делать? – задумчиво сказал парень. – Мы с Васькой ни на каких птиц не рассчитывали, так что не знаю, как вы поладите. А с другой стороны, не оставлять же тебя на улице. Ладно, пока поживёшь у меня, потом найдём твоих хозяев. Васька у меня вообще-то, мирный, да и ты вроде парень не промах. Или ты не парень, а девица?

Попугай молчал. «Уснул, что ли?»

Рядом с домом находился небольшой магазинчик зоотоваров, где Кирилл покупал корм своему Ваське. Продавщицы хорошо знали Кирилла, как постоянного покупателя, и встретили улыбками:

– Здравствуйте! Что, Васенька слопал весь корм?

– Да нет, у меня тут вон какой жилец образовался! – он осторожно завернул воротник куртки и показал нахохлившегося попугая, который косил чёрным блестящим глазом, но молчал. Женщины захлопотали:

– Ой, а как же вы с ними будете, Васька же его съест! Зачем же вы его взяли?

– Так получилось, – вздохнул Кирилл и рассказал историю своего приобретения, – так что вы уж там подберите какой-нибудь корм подходящий...

– Да-да, сейчас, – засуетились продавщицы, – а клетку брать не будете?

– Не знаю пока, честно говоря. Я вообще-то не планирую его оставлять, буду искать хозяев. И если найду, а он не захочет клетку забирать, куда я её потом? Васю сажать буду?

Он купил несколько пакетиков разного корма – поди знай, что птица будет есть, а что нет. Открыл дверь в квартиру, зажёл свет. Как всегда, Васька, обычный кот редкой породы «помоечный полосатый», осторожно выглянул из-за дверного косяка, и только убедившись, что это хозяин, и никого чужого рядом нет, вышел в коридор.

Прошло уже полтора года, как он жил у Кирилла, в тепле, спокойствии и довольстве, но оставался таким же перепуганным котёнком, каким Кирилл подобрал его на дороге прошлой осенью. Он проезжал по трассе, огибавшей какой-то дачный посёлок, и чуть не наехал на серый комок, пытавшийся выползти на ровное место, и докричаться до кого-нибудь. Тощий, грязный, еле живой, мокрый и холодный, он цеплялся за жизнь изо всех своих силёнок, и смог поймать почти нереальный шанс на спасение.

Завёрнутый в тёплую куртку своего спасителя, он даже плакать не мог, только дрожал и скулил еле слышно. Кирилл привёз бедолагу домой, отмыл,

откормил и оставил у себя. Очевидно, мелкого держали на даче летом, как живую игрушку, а потом уехали в город и бросили на произвол судьбы. Кот вырос, но, видимо, психологическая травма осталась на всю жизнь. Он панически боялся холода, улицы, даже на окно не хотел забираться. Больше всего любил зарыться под одеяло вместе с хозяином, уткнуться мордой в его плечо, мурчать, рассказывая в который раз о страшном времени своих скитаний, а потом чутко засыпая рядом.

На удивление, чётко понимал, когда хозяин идёт на работу, и эти расставания, хоть и с трудом, но терпел. А вот вечера и выходные Кирилл был обязан проводить дома. Это, конечно, напрягало Кирилла, он старался приучить кота обходиться без него хотя бы иногда. Васька обижался, но терпел.

Кроме того, у парня теперь не было личной жизни: надолго, тем более, на ночь, он покинуть дом не мог, а гостей его компаньон не жаловал: забивался в дальний угол, и сидел, иногда сверкая недобрым взглядом. Конечно, радости такое поведение кота Кириллу не прибавляло, но парень терпеливо ждал, когда питомец освоится, понимал, какого ужаса натерпелся бедняга в детстве. Кирилл скинул туфли, зашёл в комнату. Распахнул куртку. Как поладят старый и новый квартиранты? Причём больше он боялся за Василия – робкий, неагрессивный кот скорее мог стать добычей крупного, решительного попугая с большим крючковатым клювом, чем наоборот. Пернатый осторожно высунулся из убежища, они с котом увидели друг друга. Гость наклонил голову, и добродушно произнёс: «Гоша невкусный! Гоша лапочка! Дайте Гоше зёрррнышек!».

37

Так, вопрос с полом и именем гостя прояснился, теперь надо решить проблему коммуникации. На удивление, Василий не убежал, не спрятался, но и не нападал. С огромным интересом наблюдал за птицей, по-собачьи наклоняя голову. Гоша, очевидно, решил показать свои способности, и разразился длинной тирадой, где хвалил себя, требовал зёрнышек, а в конце очень правдоподобно мяукнул. Вася не остался в долгу, и издал долгий пронзительный мяв. Гоша впечатлился, хотя явно не понял, что ему говорят, поэтому помолчав немного, осторожно повторил: «Гоша невкусный!»

– Так, пацаны, вижу, что вы тут вроде находите общий язык, давайте, знакомьтесь дальше, а я пошёл заниматься кормёжкой нашей стаи.

Кирилл очистил кошачий лоток, насыпал свежий наполнитель. Поменял водичку в миске на свежую, подсыпал корма. Вздрогнул, услышав за спиной резкий голос: «Насыпай побольше, не жадничай!». Вот зараза пернатая! Видно, прежние хозяева те ещё были приколисты! Он обернулся, и фыркнул от смеха. Кот и попугай чинно следовали в кухню, гуськом, не торопясь – Гоша впереди, Вася сзади. Попугай напился из кошачьей миски, наклонил голову, и важно произнёс: «Гоша лапочка! Дайте Гоше зёрррнышек!».

Кирилл усмехнулся, достал пакетики с кормом, и стал угощать пернатого. Птиц с удовольствием клевал, потом снова попил воды, а затем заявил: «Ну что, поели? Теперь можно и поспать!», взлетел на холодильник, повозился

там, но спать явно не собирался – с интересом наблюдал, как ужинает новый хозяин, вставляя иногда неожиданные реплики. Потом Кирилл помыл посуду, убрал на столе, открыл ноутбук – посмотреть, что за птиц ему достался, и как за ним ухаживать. Васька, как обычно, залез на колени, уютно замурчал. Гоша заёрзал на своём наблюдательном пункте, и вдруг слетел на плечо хозяина, и стал внимательно наблюдать за экраном, где появлялись изображения его родичей. При этом, разумеется, выдавал комментарии: «Крррасивая птичка!», «Гоша лапочка!», «Дайте Гоше зёрррнышек!».

– Обойдётся, зёрнышек, – пробурчал Кирилл, – хватит с тебя.

Впрочем, птиц не настаивал, похоже, это было просто общение. Почему-то парню было хорошо и спокойно. Казалось, что Гоша жил у него всегда, вместе с Васькой – на удивление, оба они явно симпатизировали друг другу. Наверное, в прежней семье тоже был кот, и навыки общения у птички с усатыми явно присутствовали. А вот поведение Васьки стало откровением. Боязливый, никого не признававший кот явно был рад новому другу и находил удовольствие в его обществе.

В этот вечер Кирилл улёгся спать как обычно, с котом подмышкой, а Гоша, словно так было заведено спокон века, уселся на спинку дивана, пробормотал: «Спокойной ночи, малыши!», и, дождавшись темноты, затих.

Гоше купили клетку, и теперь он обживал её. Игрушки, зеркальца, колокольчики висели на жёрдочках и под потолком – птиц с удовольствием теребил их – развлекался, как мог. Любил сидеть на диване рядом с развалившимся на подушках полосатым другом. Иногда парень с удивлением наблюдал за их общением – попугай что-то бормотал, взмахивал крыльями, наклонял голову. Кот коротко мяукал, вытягивал лапы, урчал. Оба они ненавидели холод, и когда случались перебои с теплоснабжением, сидели в углу дивана, прижавшись друг к другу, причём попугай просто зарывался в тёплую кошачью шерсть, и сидел тихонько.

Конечно, Кирилл дал объявления во все форумы, расклеил листовки, но никто не отзывался. Сначала он ждал звонков от бывших хозяев, но вскоре стал забывать об этом. Настолько привык к своим компаньонам, что мысль о том, что рано или поздно объявится хозяин и заберёт попугая, его тревожила. Так прошло три месяца, и однажды вечером, когда он привычно сидел за ноутбуком, кот расположился на его коленях, а попугай на спинке дивана, раздался звонок с неизвестного номера.

– Здравствуйте. Вы Кирилл? – голос был девичий, очень мягкий и нежный.

– Да, я Кирилл. А вы кто?

– Я Настя. Извините, Кирилл, а попугай всё ещё у вас?

– Да, у меня, – нелюбезно буркнул он: ну вот, объявилась, не запылилась! – А вы хозяйка?

– Н-нет, – смутилась девушка, – но, вы знаете, я когда ваше объявление прочитала, подумала, что вам чужой попугай не нужен, вы его просто спасли,

и теперь не знаете, что с ним делать... А я давно хотела такого вот, жако, светло-серого, говорящего...

– Ну так купили бы, если вам такие нравятся.

– Они дорогие, жако, а у меня денег немного, я студентка, в общежитии живу...

– А как же вы хотели попугая завести, в общежитии-то?

– Я вообще-то, кошку хотела, очень их люблю. Или кота. Но кота точно не разрешат, а птицу, я узнавала, можно... Просто, думала, что, если вам попугай не нужен, и хозяйева не находятся, так, может, вы мне бы его подарили...

– Ох, Настенька, – почему-то ему было очень жаль эту наивную девочку, но не расставаться же ради неё со своим питомцем, которого он успел полюбить. И Васька не поймёт, – он уже у меня прижился, и с котом они подружились...

– Ой, правда? Попугай с котом подружились? Как здорово! Вот бы на них посмотреть!

– А давайте, мы завтра с вами встретимся, я покажу фотографии, ну, если захотите, приглашу вас в гости, посмотрите...

– Давайте... – Настя помолчала, – мне кажется, вы хороший человек, и меня не обидите...

Следующим вечером Кирилл ждал девушку на условленном месте, и почему-то волновался сверх меры. Конечно, он её не обидит! Наоборот, такую наивную девочку хотелось защитить и уберечь. Надо же, «вы хороший человек, и меня не обидите» ... Вот показалась лёгкая девичья фигурка в тонком, не по погоде, плаще. Простенькое, милое личико, светлые волосы до плеч, большие синие глаза.

– Настя?

– Да. А вы – Кирилл?

Они погуляли по аллейке, парень достал смартфон, открыл галерею. Настя смотрела фотографии, всплескивала руками, хохотала, хлопала в ладоши – совсем, как девочка-школьница. При этом, он не мог не заметить, как она дрожит от холода.

– Настя, вы замёрзли, может, выпьем кофе?

– Н-не знаю, я, наверное, домой пойду... Я в холода редко выхожу, мёрзну сильно.

– А давайте, всё-таки, зайдёте в гости, ненадолго? Познакомьтесь с моими пацанами – Гошей и Васей, попьёте горяченького, согреетесь.

Она посмотрела на него как-то оценивающе, изучающе. Наклонила голову, прошептала:

– Ну, хорошо, пойдёмте. Только ненадолго...

Когда они зашли в квартиру, Вася снова удивил хозяина: спокойно вышел в прихожую, не стал прятаться и шарахаться от гостя. Кирилл помог девушке снять плащ, отвёл её на кухню, усадил на диванчик. Подумал немного, сходил в комнату и вынес для Насти новые шерстяные носки и тёплый плед, закутав её, чтобы согрелась.

– Надевай носки, не скромничай, тебе надо согреться, – тихо сказал он, – сейчас заварю чай с травами, это лучше, чем кофе.

Пришли знакомиться с гостьей друзья-неразлучники: Гоша выдал свою коронную тираду про невкусность, лапochку, и зёрнышки, а Василий вдруг прыгнул на диван, и улёгся рядом с девушкой.

– Вот это да! – поразился Кирилл. – Вась, ты ничего не перепутал?

– А что, нельзя? – забеспокоилась Настя.

– Нет-нет, что ты! Просто он у меня такой... интроверт, что ли. Никого кроме меня не признаёт. Я его полумёртвого на дороге подобрал, его дачники бросили, он несколько месяцев скитался по холоду. С тех пор панически боится улицы, холода и чужих людей. Я очень удивился, когда он подружился с Гошей, а теперь вот ты...

– Маленький подобрыш, – тихонечко сказала Настя, – иди ко мне, котя... – она протянула руки, и Вася вопреки всем ожиданиям, без раздумий пошёл к ней. Она прижала кота к себе, смешно зарылась носом в его шерсть на загривке.

Гоша, наблюдавший за этой сценой со спинки дивана, разумеется, не стал молчать: «Сиди ровно, и не мявкай!».

– Гоша, веди себя прилично, – засмеялся Кирилл.

– А я знаю, почему ваши питомцы меня сразу признали, – сказала Настя, – они думают, что я тоже подобрыш, товарищ по несчастью, вы меня спасли, подобрали, и к себе привели.

– Настенька, может, не будешь мне выкать?

– Может, и не буду, – она покачала головой, – не в этом дело. Господи, как хорошо тут, у вас. Тепло, уютно, дружно. Ладно, Кирилл, пойду я домой, поздно уже. Спасибо тебе за такой чудесный вечер, я словно в какой-то сказке побывала.

Она поднялась с дивана, направилась в прихожую.

– Подожди, я тебя провожу, – растерянно сказал Кирилл, – носки эти оставь, они новые, пусть тебя греют по ночам. У вас в общежитии хоть топят?

– Типа того. Плохо и нерегулярно, – покачала головой девушка. Нагнулась к ластящемуся у её ног коту, погладила его. Гоша фамильярностей не любил, но сумел найти подходящие слова: «Пррриходите ещё, до новых встррреч!»

***

Мудрый птиц оказался пророком. Настя приходила к ним ещё не раз, да и Кирилл стал вечерами пропадать надолго. Впрочем, Василий совершенно не ревновал хозяина, он прекрасно проводил время с пернатым другом в душевных беседах.

А через три месяца Настя переехала к ним в квартиру, и обосновалась в ней постоянно. Это ведь у людей так положено, чтобы муж и жена жили вместе...

Земля – Созвездие Жирафа. Пятый конкурс рассказов о детях и для детей

Консервная банка

Таёжник

Витька лежал на чердаке и рассуждал о прожитом дне. А день выдался на редкость счастливым – у него появился велосипед!

Утром, по пути на рыбалку, он обнаружил его в березняке. Совершенно новый, с блестящими ободами, и даже с насосом на раме, он стоял прислонённый к дереву.

«Грибник, наверное, или травник какой в лесу», – резонно подумал Витёк и продолжил путь к озеру. Но когда часа через три возвращался назад, велик к его удивлению, по-прежнему стоял на том же месте. Смятение в душе тринадцатилетнего подростка было не долгим – он давно уже мечтал о таком взрослом велосипеде, и сейчас не мог упустить счастливый случай. Нет, Витька не сразу вскочил на седло – он с минуту тренькал звонком, затем, сложив ладони рупором, несколько раз аукнул. Тишина. И вот, когда уже хотел трогаться в путь, то неожиданно босой ногой нащупал какой-то предмет, прикрученный к одной из педалей. Это оказалась обыкновенная консервная банка, вертикально закреплённая проволокой. К чему была эта нехитрая конструкция, мальчишка размышлять не стал и по-быстрому открутив помеху, погнал по тропинке. Велик был удивительно лёгкий на ход и Витька, ликуя от восторга, уже скоро подкатил к заднему двору дома.

41

И вот он лежал на набитом соломой матрасе и рассуждал о своём поступке. Вернее, искал ему оправдание:

– Ну, взял. Не украл же. Завтра ещё перекрашу и велик мой! Попробуй, докажи!. Да любой бы так поступил. Даже мой дед...

Дед? Своего деда, прошедшего всю войну, он очень любил. В их семье так сложилось, что Витькиным воспитанием занимался исключительно дед. Рукастый и смекалистый, он приучал внука к крестьянскому труду, ненавязчиво прививая понятия мужской ответственности и заботы. И теперь Витька пытался представить его на своём месте: вот возбуждённый дед приносит в дом какую-нибудь чужую вещь. Допустим, коромысло. И заговорщически шепчет:

– Глянь, Витёк, что принёс! У колодца кто-то забыл. Ишь, какое ладное – наше будет! Перекрасим только.

Нееет! Не похоже на деда совсем. Значит, что-то не то.

– Ладно, – уже засыпая, решил Витька, – завтра ещё подумаю.

– А, вот ты где затаился, – дед вошёл в сарай, когда Витька размешивал загустевшую от времени синюю краску с олифой, – Дай-ка покурю тут, присяду в тенёчке. Жара такая с утра.

На удивление дед ничего не спросил о невесте откуда появившемся велосипеде. Он присел на чурку и, закулив самокрутку, вдруг сказал:

– Вот, какая, Витёк, история однажды у меня на фронте случилась. Нашёл я в окопе зажигалку.

Из бойцов кто-то обронил. Хорошая такая, немецкая. Трофейная, явно. И так она мне приглянулась, что я не стал расспрашивать товарищей – мол, не терял ли кто? Прибрал к рукам, короче. И вот как-то идёт бой – вялый такой. Постреливаем одиночными из окопов по немцам, а они по нам. Вдруг из другого конца траншеи, пригнувшись, подбегает ко мне боец и просит прикурить. Зажигалку, – жалуется, – потерял где-то.

Я без задней мысли протягиваю ему свою недавнюю находку. Товарищ повертел её в руках, прикурил. Потом посмотрел мне в глаза и, чувствую – что-то сказать хочет.

Но он, сделав пару затяжек, похлопал меня по плечу, улыбнулся и побежал на позицию. Да вот только не добежал. Немецкий снайпер всё-таки улучил момент.

Вот я до сих пор и мучаюсь думкой – а будь у него зажигалка, то не бежал бы солдатик ко мне и, глядишь, жив бы остался. И почему он не забрал у меня свою потерю? Ведь, по глазам было видно – признал вещь! Может, смерть свою скорую почуял, да решил мне на память зажигалку оставить? Или в назидание?

Это я к чему тебе, Витёк, рассказал – найденное добра не приносит. Нашёл – не торопись присваивать, поищи растеряшу. Дед встал, и уже выходя из сарая, как бы между прочим, сказал:

– Хороший велосипед. На одну пенсию, небось, не купишь. Я днями на деревне конюха Василия повстречал. Тоже велосипед купил. А вчера вечером жалуется: уже утерял. Поехал, говорит, на счёт грибов разведать, а велик пока к берёзке притулил. Ходил, ходил, да чуток заблукнул – памяти-то ничего не осталось после контузии. Пока вышел из лесу, а конь-то мой железный – тютю! Новый хозяин, видать, лучше кормит!

Витька приподнял голову:

– Дед Василий? Так он же одноногий! Как он на велике-то?

– Как... Коленка-то цела, нога гнётся – освоил! Банку только к педали приторочил, чтобы протезный набалдашник в неё вставлять – и вперёд! Ну, ладно, Витёк, по двору управляться надо... Пойду!

Потрясённый новостью, Витька не замечал, как краска тонкой струйкой стекает с кисти на босую ногу.

Перед глазами у него стоял старый конюх дед Василий. Любимец детворы. Фронтовик, потерявший на войне ногу. «За мою жизнь воевал ведь тоже... А я у него велосипед... Как я не мог сообразить про эту банку на педали!» – Витька ещё долго сидел и размышлял: то о рассказе деда про зажигалку, то о велосипеде, но он уже точно знал, как поступит дальше.

Когда он керосином смывал несколько мазков свежей краски, которые только и успел нанести, в сарай вновь заглянул дед и протянул пустую консервную банку:

– На вот... должна подойти...

Земля – Созвездие Эридан. Пятый конкурс мистических рассказов

На этом самом месте

Джон Маверик

Случается, что протянешь руку за прекрасной розой и наткнешься на шип, о который уколешься до крови. А то и вскрикнешь от боли, потому что не ожидал подвоха, а доверился нежности, красоте и беззащитности цветка. Потому что со стороны розовый куст показался тебе маленьким райским садом, а в раю, как известно, ловушек нет. Ничего страшного! Крошечная ранка быстро затянется. Очень скоро ты и не вспомнишь об этом досадном курьезе. Но имей в виду. Цветы бывают разные, и шипы разные, и даже такие, что могут проткнуть тебя насквозь, пронзить, как пуля – навывлет. Так что будь осторожен, любитель изящной красоты. Не порань сердце. Оно заживает долго.

Как я уже сказал, все началось с цветка. Странного и редкого, как залетная птица в наших краях. Я шел через лес, мокрый и пустой, как всегда – в межсезонье. Уже оттаявший, но еще не одетый в листву. И если на земле еще что-то происходило – кое-где пробивались сквозь лесную подстилку стебельки травы, а где-то поднимал голову первый подснежник, то древесные кроны сплетались в небе черной паутиной, лишенной даже проблесков зелени. Было солнечно и довольно тепло, так что я расстегнул куртку. И невольно дышал глубже – пахло землей и прелой листвой, и еще чем-то неуловимым, как аромат талого снега. Хотя самого снега давно уже не осталось, даже в самых глубоких или темных местах, в ямках и под корягами, и только белые звездочки первоцветов напоминали о нем. Оно затекало в ноздри вместе с чистым лесным воздухом – очень тонкое благоухание свежести и надежды, от которого кружится голова. Так пахнет ранняя весна.

Обычно я гуляю по тропинкам, но иногда сворачиваю с них и углубляюсь в чащу. В это время года она прозрачная, и заблудиться не страшно. Но на всякий случай я снимаю свой путь на телефон, чтобы потом вернуться той же дорогой. Это только кажется, что все деревья в лесу одинаковы. На самом деле они не больше похожи друг на друга, чем люди в толпе. У каждого – собственный характер, судьба, особые приметы. Кривые сучки, изгиб ствола, зарубки на коре, древесные грибы... Я уже не говорю про пни, поваленные стволы, вкрапления елок и молодых сосенок – яркие островки вечно-зеленого, и аркой сходящиеся кусты орешника. Сквозь последние мне непременно хотелось пройти – эти природные арки казались порталами в другой, таинственный мир. И в общем-то, ничего особенного не случилось, я не вываливался в иное измерение, по ту сторону был такой же лес. Но иногда чуть-чуть менялся свет, или небо слегка бледнело, выцветая, как на

засвеченном кадре, или край темной тучи наплывал на солнце. Или необычной формы облако, точно приклеенное, замирало надо моей головой. Какой-то едва заметный знак, возможно, нафантазированный. Тропинка, которая никуда не вела. Потому что уже через пару минут я стряхивал с себя это мимолетное нечто и шел дальше, как ни в чем ни бывало.

Но в тот раз мое внимание привлек высокий – в треть моего роста – пенек. Широкий, мшистый с одного бока, а с другого – потрескавшийся, и с гладким темным срезом. А на нем – как мне сперва почудилось, букетик. Впрочем, приблизившись, я понял, что это одиночный цветок. Крупный, с толстыми зеленоватыми лепестками, которые даже наводили на мысль о чем-то съедобном. Это не был цветок леса, что я мог бы понять. Скорее, что-то вроде орхидеи. Впрочем, я мало смыслю в растениях.

Я повертел его в руках и хорошенько рассмотрел, а потом, сам не понимая зачем это делаю, опустил в карман. И только вернувшись домой осознал, что совершил, по сути, воровство. Если орхидея на пенке и предназначалась для кого-то, то уж точно не для меня. Может быть, мой необдуманный поступок расстроил чью-нибудь встречу, думал я покаянно, или помешал чему-то важному. Кто знает... Я недолго терзался угрызениями совести, рассудив, что до следующих выходных ничего не исправить – в ту неделю я работал допоздна – а только пообещал себе больше так не делать.

Шесть дней цветок пролежал на моем столе и лишь слегка увял. Возвращать его на место уже не имело смысла, но в субботу с утра я аккуратно завернул орхидею в носовой платок и сунул за пазуху, а сам отправился в лес по знакомому маршруту. Всю ночь накануне лил дождь, и тропинки развезло. Я перемазал в грязи ботинки и сам на себя злился. Но, пройдя через арку из кустов орешника, забыл обо всем на свете. Потому что на пенке белело письмо. Обычный листок бумаги в клеточку, сложенный вдвое. Очевидно, вырванный из школьной тетрадки, не размякший от ливня, а только слегка влажный. И это не удивительно – он лежал на мокром дереве. Но, видимо, совсем не долго. Сверху листочек был придавлен красной заколкой для волос – в виде бантика. Не то чтобы я разбирался в девчачьей моде, но такие носят обычно девочки-школьницы или молодые девушки. Я взял записку и, развернув ее, быстро пробежал глазами.

«Кто-нибудь... пожалуйста... мне больно, мне плохо...»

Сумбурная, лихорадочная просьба о помощи, подобная посланию в бутылке, отданной на волю волн... Кто ее написал? И к кому обращался? Я растерянно огляделся по сторонам – на бурой листве не отпечатались ничьи следы. Нижняя ветка ближайшей березы обломилась и кровоточила прозрачным

соком. А в высоких кронах деревьев пересвистывались какие-то птицы, и больше ничего особенного не было ни видно, ни слышно.

Я часто сочиняю на ходу сказки, поэтому всегда ношу с собой в кармане блокнотик и маленький карандаш. Эта привычка мне в тот день очень пригодилась. Я вырвал из блокнота страничку и торопливо накарябал ответ:

«Кто ты, и что с тобой стряслось? Чем я могу помочь? Сколько тебе лет?»

Последний вопрос был далеко не праздным. Если пишет ребенок... а вспомнив собственное детство, я задохнулся от отвращения и страха... то действовать надо немедленно. Немедленно! Не буду описывать, какие подозрения шевелились у меня в голове. Мне самому от них становилось дурно. Но что бы вы делали, зная, что кто-то в беде, а вам не известно, ни кто он, ни где живет, ни что с ним творится? Да, вот и я забросил все свои планы и чуть ли не каждые два-три часа возвращался на то же самое место. Но на пеньке по-прежнему одиноко белела моя страничка из блокнота. Письмо и закладку я забрал с собой. Вы спросите, ну и зачем? Может, кто-нибудь другой, более толковый, чем ты, нашел бы их и предпринял что-то разумное. Нет. Сложно объяснить и я, наверное, не сумею. Но это было мое. Мой личный вызов. Пусть и волей случая, но получилось так, что девочка доверилась мне. А значит, именно я должен был вмешаться, встав у обидчиков на пути, помочь и защитить.

46

Ночь я провел в кошмарах и тягостных мыслях. А на следующее утро он появился. Почти такой же тетрадный листок, но с оборванным краем, скатанный с трубочку и перевязанный красной ниткой. В отличие от вчерашнего – совсем сухой. Да и пенек почти высох. Субботний день выдался безоблачным и теплым. Да и сейчас солнце било в глаза сквозь паутинные кроны, ослепляя и делая все вокруг невозможно ярким. Лес казался веселым и радужным. А в воздухе еще пронзительнее пахло весной.

Когда я разворачивал послание, у меня дрожали руки. И бледные от яркого света буквы с трудом складывались в слова.

«Это чудо! Чудо! Кто ты? Как ты ответил?» – написано крупно и неровно, наискосок. И дальше, мелким круглым почерком, не детским, но и не совсем взрослым. Красивым, ученическим...

«Меня зовут Андреа. Мне семнадцать лет...»

Не стану пересказывать ее письмо целиком. Да и не помню его слово в слово. Простое, немного наивное, оно увлекло меня и одновременно успокоило. Девочка писала о родителях, о маленькой сестренке, о любимой собачке – крохотном черно-белом собачонке по имени Лори, ласковом, но таком проказливом, что от него стонет вся семья, о школе и школьных подругах. Она

выплеснула на меня свой мир – бесхитростный мир семнадцатилетней девушки, такой светлый, без единого черного пятна, но пронизанный едва заметной печалью – что моя болезненная тревога сменилась тихой грустью.

А в конце она добавила:

«Как мне помочь? Я не знаю... Что ты можешь сделать. Просто будь рядом...»
Разве не этого мы все для себя хотим? Чтобы кто-нибудь – не важно кто – был рядом, когда нам плохо и трудно?

Я знал, что с людьми – даже очень юными – порой случаются всякие вещи, от самых трагичных до пустяковых. Но кто я такой, чтобы оценить глубину трагедии? И какое имею право называть пустяками человеческие страдания? Даже если с высоты моего опыта и лет они выглядят маленькими и ничтожными, как деревенские домики с вершины горы? Ведь если стоять рядом – эти дома огромны. И столько всего вмещают – жизнью, судьб, событий и чувств.

И не важно, что это – первая несчастная любовь, плохие оценки в школе, ссора с мамой или еще с кем-то близким. А может, и нечто совсем другое. Андреа так и не написала, что именно с ней произошло. Но я протянул ей руку, не задумываясь, сквозь пустоту и неизвестность. Сквозь боль – ее, мою... Сквозь заколдованное лесное пространство. Так началась наша странная дружба.

47

Я приходил к заветному пеньку чуть ли не каждый день. Один раз даже поздно вечером и, застигнутый темнотой, едва отыскал обратную дорогу. Не то чтобы наши леса были такими уж дремучими, или в них водились опасные звери. Ничего подобного. Но тропинка пропала, и в мутно-кофейной тьме силуэты деревьев обратились черными, страшными чудовищами – с растопыренными лапами и острыми когтями, которые цеплялись за одежду и норовили расцарапать лицо. Я блуждал в трех соснах час или два. Но в кармане у меня лежало письмо, прочтенное при слабом огоньке зажигалки. Я рисковал его спалить – но все равно не мог удержаться и подождать до дома, и, продираясь через ночные заросли, повторял все, что успел запомнить.

«Расскажи мне о себе, Андреа. Просто расскажи», – просил я ее.

И она рассказывала.

О том, как Лори, еще совсем щенком разгрыз на диване пластмассовую чернильницу, и за это мама чуть не выгнала его из дома. И как сестренка прищемила палец беговым тренажером, да так, что пришлось среди ночи везти ее в больницу. И про школьный спектакль, на котором ее лучшая подруга играла царицу Савскую, и про семейный отпуск в Брюгге. Про то, как однажды покрасила волосы в зеленый цвет, потому что очень соскучилась по весне. Даже про какого-то парня писала, одноклассника – наверное, он ей нравился.

И много-много всего... И все вперемешку, как яркий фейерверк, и на всем словно лежал глубокий снег тоски.

Вы спросите, конечно, к чему эта дурацкая игра с письмами на пеньке? Почему было не обменяться телефонами или электронными адресами? Да хотя бы и встретиться, и поговорить? Ведь это гораздо проще. Я и хотел, но... Наверное, опять не смогу объяснить. Андреа столько раз называла нашу переписку чудом! Она повторила это несколько раз – крупными буквами, с восклицательным знаком. Не думаю, что рядом с ней не было друзей. Родители, сестра, подружки – близкие и любимые люди. Но чудо! Позвольте, я расскажу вам, что это такое... Чудо – это как разговор в темноте, когда не видишь собеседника, но всем телом ощущаешь его присутствие, слышишь его дыхание, ловишь каждое слово. Когда тон становится доверительным, а обычная беседа превращается в исповедь. Это чудо дарил нам волшебный лес. И не мог подарить никто другой.

И все-таки о себе я писал неохотно, и на вопросы Андреа – к счастью, редкие – отвечал уклончиво. Не то чтобы пытался что-то скрыть. А только что я мог ей рассказать? Что мне уже за сорок и по возрасту я гожусь ей в отцы? Наверное, она представляла меня ровесником. А впрочем, кто знает. Юные девушки по-разному относятся к взрослым мужчинам. И почему, думал я иногда, мы не могли бы когда-нибудь встретиться – просто как два человека – лицом к лицу. И тогда... А что тогда? Ничего. Я не хотел погружаться в иллюзии и вытаскивал себя из них за волосы, как барон Мюнхаузен из болота.

Так что, не желая говорить о своей жизни, я развлекал девочку сказками. Я знаю их столько, что хватило бы и на десять лет непрерывной болтовни. И в любой момент могу сочинить новую. Это не труднее, чем поймать бабочку или стрекозу – только протяни руку, и крылатое диво само сядет к тебе на ладонь. И я их ловил – для Андреа. Я придумал для нее историю про волшебный город, выросший на древесных корнях, и про озерного кота, и про наряженную елку в лесу, и про ожившие меховые шкурки. Про снегирей и про глиняных птичек, и про бельчонка, исполнявшего желания, и про красивую девушку, живущую в зеркалах. И много-много других... Не знаю, что вы обо мне сейчас подумали, наверное, сочли фантазером и пустомелей. Возможно, так и есть. Но какая разница? Андреа мои сказки радовали. А вместе с ней радовался и я.

А тем временем, лес расцветал, облекаясь нежно-дымчатой зеленью, еще прозрачной и легкой, как голубиный пух. По недавно бурой земле растекались голубые ручейки пролесок, и белели снежные островки ветрениц. Кое-где мелькали сине-розовые медуницы, и все это пестрое великолепие сверкало на солнце, жужжало первыми шмелями, ширилось и сливалось в бескрайний цветочный ковер.

Опьяненный весной и сказками, я не сразу заметил, что послания моей подруги становятся все короче, все печальнее. Она словно ускользала куда-то,

таяла, как Снегурочка, от теплых лучей апрельского солнца. Иногда чернила расплывались, точно от слез. Впрочем, возможно, на бумагу что-то капало с ветвей, хотя погода стояла ясная и сухая. И все чаще пенек оставался пустым. Я забеспокоился.

«Что с тобой, Андреа?»

«Ничего...»

И три дня – ни одного письма. А потом – неровное, сбивчивое. И снова – эта странная просьба, быть рядом, и бессвязные жалобы, я не мог понять на что.

«Да что же с ней такое происходит?» – думал я, мучимый неясной тревогой. Поговорить бы, нормально, без этой «голубиной почты», такой медленной, что от страха можно сойти с ума. И я решился. Написал коротенькую записку с просьбой о личной встрече.

«Если сможешь, Андреа, завтра, в шесть вечера, в лесу, у нашего пенька... Я буду ждать тебя. А если нет – напиши и назначь другое время».

Только на полпути домой до меня вдруг дошло, как превратно она могла понять мои слова. Но я же ничего плохого не имел в виду! Ругая себя распоследним глупцом, я повернул обратно, и, хотя прошло минут двадцать, не больше, вместо моей записки лежал ее ответ.

«Не знаю, про какой лес ты говоришь, Алекс. Я уже два месяца не встаю с постели и скоро умру. Письма кладу в больничную тумбочку. И там же появляются твои».

Если бы все деревья в этот миг вырвались из почвы вместе с корнями и улетели на юг, я бы не был так потрясен, как прочитав это простодушное откровение. Я поверил ему сразу – и бесповоротно. Ведь я чувствовал уже давно, что горечь ее писем – это тоска идущего на казнь. И что на все мелкие радости жизни Андреа смотрит как будто сквозь мутное стекло, как на беззаботное и счастливое – но прошлое.

Целую неделю я не был в волшебном лесу. Не мог себя заставить. Только сделаю шаг к порогу – и ноги сразу деревенеют. Оправдывался перед самим собой, что устал на работе, что скоро стемнеет и глаза слипаются. Потом, в воскресенье, все-таки пошел – с пустыми руками, без записки или подарка. Не зная, что сделать и что сказать. Такая растерянность воцарилась в душе, что я пару раз сбился с пути, хотя казалось бы, знал его настолько хорошо, что мог бы пройти с закрытыми глазами. Наконец, все-таки отыскал ту самую зеленую арку, почему-то сияющую в солнечном свете и словно пронизанную яркими лучами насквозь. Это выглядело непривычно, и только пройдя под ней, я понял, в чем дело.

За кустами орешника лес обрывался. И там, где прежде торчал из земли наш с Андреа пенек, где плакала соком береза – на этом самом месте – появилось озеро. Спокойное и плоское, как огромное зеркало, с темно-золотой водой и берегами, поросшими сухим тростником. Стоило мне приблизиться, как из травяных зарослей поднялась белоснежная цапля и, медленно взмахивая широкими крыльями, описала круг над моей головой. Я стоял, не смея шелохнуться, а она все кружила в ослепительной синеве, не улета.

Чем дальше я смотрел, тем привычнее казалось все вокруг. Простор, тростники, озеро. Оно как будто всегда находилось здесь. Но я знал, что это юная жизнь разлилась от берега до берега, и душа выпорхнула из тела белой птицей. Лети, храбрая девочка, пусть облака будут тебе пухом. Лети и ничего не бойся. Я рядом.

*** Из серии «Сказки волшебного леса»:

«Волшебный лес» – «Кто ты?» – «На этом самом месте» – «Меховые шкурки» – «Озерный кот» – «В зеленом свете» – «Как осенние листья» – «Подснежники» – «Искушение»

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Третий конкурс рассказов

Меховые шкурки

Джон Маверик

Замок с привидениями, говорите? Бледные силуэты, зыбкие, как дым... шаги в ночи, гулкие стоны и бесплотные голоса, и призрачная кровь на стенах... Говорят, в страшных подземных тюрьмах, сохранившихся со времен инквизиции, до сих пор обитают призраки убитых и замученных. Я в это верю, хотя в жизни ничего такого не видел. Да и не любитель я средневековых замков, дворцов, подземелий и прочих древностей. Но позвольте я расскажу вам, как однажды купил дом с привидением.

Он достался мне за бесценок. Вдобавок со всей мебелью и вещами, вплоть до одеял, подушек и кухонной посуды. Одному очень дальнему родственнику срочно понадобилось переехать в другую страну. И не было уже времени возиться с маклерскими конторами. А тут подвернулся я – вроде и не совсем чужой человек, давно мечтавший о собственном уголке.

Собственно, сам дом оказался нежилым, доверху заваленным досками, кирпичами и ломаной черепицей, и практически в аварийном состоянии. Впоследствии я очистил его от стройматериалов и привел в порядок. Ну а сперва поселился в пристройке, маленькой, всего на две комнаты, но уютной. Просто обставленная спальня и гостиная – она же кухня, и она же столовая – были смежными и отделены друг от друга бамбуковой занавеской. Причем кухонный уголок и обеденный стол занимали примерно половину комнаты. А в другой половине стоял угловой кожаный диван, стеклянный столик и небольшой книжный шкаф. Его полки, правда, пустовали – но я быстро заполнил их своими книгами. Это было единственным, что я взял с собой из прежней жизни, если не считать одежды, электрической бритвы и зубной щетки. В гостиной даже находился камин, который полагалось топить брикетами или дровами. А перед камином лежала настоящая медвежья шкура. В первые дни на новом месте я чувствовал себя неловко. Как будто пришел к кому-то в гости, а хозяев дома нет. Я передвигался бочком, опасаясь что-нибудь случайно задеть и опрокинуть. Стеснялся сидеть на диване, а по ночам долго ворочался без сна, вздрагивая от каждого шороха. А по жестяной крыше то стучал дождь, то с грохотом – как мне казалось – падали с дерева каштаны, то ухала в ближайшем лесу сова, то стрекотал сверчок где-то под кроватью, то в гостиной кто-то огромный тяжело возился, скребся и ходил. И если природные шумы я еще мог как-то стерпеть, то вторжение в мою собственную квартиру, хотя бы и мнимое, меня пугало.

Вы спросите, зачем я лежал и боялся, вместо того, чтобы пойти и убедиться, что все в порядке? Что ж, наверное, я немножко трус. А звуки слышались так отчетливо, что у меня не оставалось сомнений – что-то, действительно, не так и кто-то там есть. Может, он, как чудовище из детских фантазий, не тронет

меня, пока я притворяюсь спящим? А стоит себя обнаружить – и мне конец, утащит в черную страшную тьму, на самое дно ада... Видите, какой я идиот? Но однажды я это сделал – уж очень хотелось пить, так что все во рту пересохло, а бутылка с минеральной водой осталась на кухне. Я встал и зачем-то натянул джинсы – это в своей-то собственной квартире, посреди ночи! Крепко зажмурился и нырнул в тростниковый водопад занавески. А когда открыл глаза – увидел его.

Темный и почти плотный, размером с крупную собаку, он потерянно слонялся из угла в угол. Скреб лапами диван, не причиняя ему, впрочем, ни малейшего вреда. Принюхивался то там, то здесь, и ворошил золу в камине. Его шкура по-прежнему лежала на полу, на том же самом месте, но выглядела мертвой и пустой, как сброшенная змеиная кожа.

Я остолбенело разглядывал его, мохнатого бурого мишку, наверное, еще медвежонка, и мой страх таял, как сосулька под лучами весеннего солнца. И как она – превращался в слезы. Меня, точно соленое море, с головой захлестнула его тоска, растерянность и даже не отчаяние... ведь это человеческая эмоция... а внутренняя маята красивого дикого зверя, насильно вырванного из привычного мира и замурованного в тесной комнате. Он не понимал, что с ним случилось. Не помнил, а может, и не осознал того момента, когда охотничья пуля разрывала ему внутренности или прошивала навылет голову. Случается, что и люди – если верить всяким мистическим фильмам и романам – не всегда замечают, как переступили черту, продолжая считать себя живыми. Так что говорить о медведе. Но я-то знал. Его держала в моих четырех стенах не хлипкая запертая дверь, которую он, навалившись всем своим – когда-то немалым – весом, наверное, способен был сорвать с петель. Его держала в них смерть. Я больше не боялся и подошел к нему совсем близко, так, что, наверное, мог бы, протянув руку, коснуться его меха. Или не мог бы... Возможно, мои пальцы погрузились бы в туман, в липкое, влажное ничто. А то и вовсе схватили бы воздух.

Призрачный зверь совсем не обращал на меня внимания и, наверное, даже не видел. Но он находился здесь, в моей гостиной. Косматый бурый мишка. И он страдал.

Я ненавижу охоту. Никогда не понимал, как такое возможно – отнять чью-то жизнь, просто так, ради забавы. В древние голодные времена наши первобытные предки забивали мамонтов и прочее зверье ради мяса. Но сейчас, в наше время, когда магазины полны едой? Чем оправдываетесь, убийцы, какой необходимостью? В середине лета, за полтора месяца до моего переезда, я гулял по лесу, и забрался далеко – дальше, чем обычно. Меня одолевали всякие мысли, и я шел по тропинке, забыв о времени. Благо, она бежала вперед, извиваясь, но не раздваиваясь, и можно было не думать про обратную дорогу и не бояться заплутать. Я следил за ней ровно настолько, чтобы не споткнуться о древесный корень или, свернув в сторону, не налететь на ствол. Но вот,

тропка истончилась и пропала. Я остановился, озадаченный, не понимая, где я и куда дальше идти.

Сквозь редкие древесные кроны сочился мягкий зеленый свет вперемешку с солнечными пятнами. Высоко над моей головой ветер шевелил листву, и золотые пятна качались, и качался мир у меня в глазах. Я стоял на крошечной полянке с кострищем посередине и с лежащей наискосок упавшей березой. И береза эта, и земля вокруг нее, вплоть до черного, выжженного круга, поросли густым мхом. А на деревьях, на нижних ветвях или прибитые к стволу, висели меховые шкурки и маленькие, выбеленные временем черепа с рогами или зачатками рогов. Я разглядывал их с изумлением и жалостью. Две белочки. Кто-то длинный и серенький, возможно, заяц. Неизвестный мне пушной зверек с темной шерсткой – куница? И небольшая лисичка... лисенок... Я видел такого пару раз в нашем лесу. Маленькие, они доверчивы к людям и бесстрашно выходят на дорогу. Наверное, их можно даже погладить – если повезет. Но я опасался это делать, зная, что лисы разносят бешенство. А рогатые черепа, несомненно, принадлежали оленям. Еще вокруг были разбросаны какие-то перья. Некоторые выкрашенные краской, другие – пестрые, естественных серых и коричневых цветов. Из-за беспокойного света мех переливался множеством оттенков, искрился на солнце, и шкурки казались живыми.

Понятия не имею, что за ритуал совершался на этой поляне. Может быть, и никакой. Возможно, подростки жгли костер и играли в некую игру. А трофеи взяли у отцов или в каком-нибудь охотничьем клубе. Но на меня вдруг накатило такое чувство вины перед убитыми детьми леса, что я покраснел от стыда и не смел поднять глаза. Я гладил мягкие меховые шкурки, теплые от солнца, и просил у них прощения. За то, что я человек. Такой же, как и те двуногие, что с ружьями пришли в их дом, чтобы отнять самое ценное. И пусть не я причинил зло этим бедным зверькам, разве не все люди так или иначе отвечают друг за друга? Не знаю... Да и не о том речь.

Тот же самый стыд я испытал, сидя в собственной гостиной и глядя на растерянно топчущего по комнате медвежонка. И еще – сильное, до боли, желание помочь. Вот только как? Нельзя отменить уже совершенное, обратить вспять реку судьбы.

На следующий день я набрал в саду шишек, еловых и каштановых веток и рассыпал их перед камином. Пусть малыш хоть немного порадует, учуяв что-то знакомое. Есть он в своем состоянии, конечно, не мог, рассуждал я, но, может быть, у него сохранилось хотя бы обоняние? Иначе зачем он так внимательно обнюхивал мои углы? Вы скажете, что я чокнутый, и, наверное, будете правы. Но слушая до утра, как он катает по полу шишки, я – впервые за много таких же беспокойных ночей – тихо улыбался в полусне, и сердце мое билось спокойно.

На работе я клевал носом, и все-таки продолжал размышлять – что еще можно сделать? Скажем, уничтожить медвежью шкуру, изрезать на мелкие кусочки

или сжечь? И таким образом подарить несчастному зверю покой? Но имел ли я право лишать его пусть и призрачной – но жизни? Я по природе своей тугодум, а тут, вдобавок, на меня навалилась эта многодневная усталость и недосып, так что мысли путались и блуждали, как огоньки в тумане. Я никак не мог сосредоточиться. Вечером после ужина очень хотелось прилечь, но я умылся холодной водой и отправился в лес. Там хранились ответы на все вопросы. И разгадки любых загадок.

Я брел по тропинке, и голова слегка кружилась, и ранняя осенняя желтизна казалась ярче в лучах закатного солнца. Я дышал осенью, неуловимым запахом увядания, и лес понемногу проникал в меня. Я становился им – его зеленью и позолотой, его светом и нежными акварельными красками, и пронзительной голубизной сентябрьского неба. А потом и сам не заметил, как очутился на знакомой полянке.

На ней почти ничего не изменилось. Только перья исчезли, а мох слегка порыжел. Зато шкурки прибавилось. Я насчитал уже четырех белок вместо двух. Зверька, похожего на горностаю. И волка, а может, волчонка. Тоже некрупного, переливчато-серого, впрочем, это могла быть и собака-лайка.

– Прости, волчок, – сказал я ему чуть слышно – но какая разница, ведь он не услышал бы меня все равно – и без сил опустился на поваленный березовый ствол. Кто внушил нам мысль, думал я, будто мы цари природы и чем-то лучше этих невинных тварей? Глаза у меня слипались и, от усилия во что бы то ни стало держать их открытыми, наполнялись слезами. Солнечный мир бледнел и расплывался сказочной радугой.

Очнулся я от резкого холода. В сентябре земля остывает быстро, а я лежал на мху, в полуметре от кострища, скорчившись и обхватив себя руками. Сквозь ветви деревьев светила полная луна, и вся полянка была залита странным хрустальным светом. Мне почудилось, будто я в раю, потому что волк возлежал вместе с олененком, а зайчик играл с лисой в догонялки. Вокруг прыгали, резвились и кувыркались в ночном сиянии мелкие зверята. Их пустые шкурки темнели на ветвях большими мертвыми листьями. А выпорхнувшие на свободу души весело носились по лунной полянке, ловкие, стремительные и счастливые, как птицы, выпущенные из клетки. Больше не жертвы и не хищники, они совсем не боялись друг друга.

Наверное, на этом я мог бы закончить свою историю, ведь вы и так уже догадались, что я сделал, возвратившись домой. Да, я вернул моего призрачного соседа туда, где ему надлежало быть. Думаю, бурый мишка прекрасно вписался в эту компанию лесной малышни. Я надеюсь, они подружились.

Знакомство

Marara

Молодость – это всё же потрясающий период нашей жизни!

Мне в мои двадцать пять почему-то совсем не хотелось возвращаться домой сразу после работы, чтобы кушать вкусный мамин борщ под бормотание телевизора. «К прогулкам в одиночестве пристрастье» для меня превратилось едва ли не в манию: я часами бродила по окрестным бульварам, сочиняя стихи, мечтая о чём-то, и впитывая пёстрые краски, звуки и запахи, на которые так щедры киевские улицы. Зима ли, осень во дворе для меня почти не имело значения.

А тогда, помнится, была зима, и день близившийся к закату, всё ещё был ярок и праздничен. Я, правда, успела подмёрзнуть и радостно нырнула в подвальное помещение на Красноармейской, гласящее, что там выставка какого-то никому не известного киевского художника Самуила Соломоновича Каплана. Незнакомое имя вряд ли сулило открытия: по стенам художественных галерей в то время пышно процветал художественный реализм; импрессионисты и прочие «исты» в Советском Союзе не водились. Художественные творения в стиле социалистического реализма лишь на минуту радовали глаз похожестью изображения с натурой и тут же забывались, но я была оптимисткой и просто не могла пройти мимо новой незнакомой выставки. Всё равно я видела на полотнах не только то, что нарисовано, а то, что сама нафантазировала: подобное мне было тогда в привычку. Но тут, неожиданно, я столкнулась с чудом, с фантастическим взглядом на окружающую меня жизнь, который жаль было бы «додумывать»; на полотнах был мой Киев, который я узнавала и не узнавала...

При этом в каждом изображении был какой-то мелкий, дорогой сердцу штрих, подчёркивающий моё духовное родство с художником, с его виденьем и представлением о мире, как об огромном цветастом празднике, в котором всему найдётся место и всё оправдано. Какая-то смесь детской непосредственности, радости и Шагаловского настроения, хоть Шаггал писал в умышленно-примитивной ребяческой манере, а тут была очень искусная кисть, не вызывающая сомнений в мастерстве художника. Он и сам стоял в одном из двух больших залов, окружённый небольшой группой своих почитателей; я, разумеется, подошла, и, разумеется, ничего не сказала из робости. Я просто стояла и слушала, не вникая в слова, восторженный гул незнакомых голосов и глядела во все глаза на этого невысокого, но необычного человека. А он был именно таким, каким я его и представила себе по только что увиденным картинам: чего стоил один этот взгляд сияющих глаз

нестареющего ребёнка, внезапно получившего руки вымечтанную за годы прозябания игрушку. Лицом он чем-то смахивал на Эйнштейна, только что открывшего свою теорию относительности: каждая клеточка этого лица полыхала искренним восторгом, а серебряная в электрическом свете грива волос казалась невесомым нимбом его обрамляющим. Этот художник сам казался образом, сошедшим со своих картин: экспозиция без его присутствия была бы неполной.

По дороге домой я, верная своей привычке, зарифмовала переполнявшие меня впечатления. В юности стихи складываются как бы сами собой, без всякого усилия, и так же быстро забываются. Но эти строчки и поутру всё ещё мерцали в моей памяти; я наскоро записала их и показала и показала сидевшей рядом сотруднице. Фрида Зиновьевна, единственная в моей памяти женщина, добившаяся в нашем КБ звания главного инженера проекта, по-матерински бережно относилась и ко мне, и к моим творениям. Она редко критиковала несовершенства стихотворной формы, но, сосредоточась на сути сказанного, довольно часто бросала неожиданные, но меткие замечаниями.

На сей раз она немного задумалась, а потом сказала:

– Я знаю одного художника, к которому подошли бы написанные тобой строчки. Его фамилия – Каплан. Я лишь недавно была на его выставке.

– Ой, так это же он и есть, – удивилась я, – А как Вы догадались, что это о нём?

– Похоже. А ему ты это стихотворение показывала?

– Нет, конечно! Я же с ним не знакома! – ещё больше изумилась я, – И зачем мне это нужно? Это же неприлично – надоедать совсем чужому человеку со своими стихами!

– Мне кажется, ему не так уж часто незнакомые девушки надоедают своими стихами, – грустно улыбнулась Фрида, – На выставке он не выглядел человеком, пресыщенным известностью. Тебе это, возможно и не надо, но ему было бы приятно.

– Как знаешь, конечно, – спокойно добавила она, видя, как я отчаянно замотала головой, – но я бы показала. Не для себя, для него.

Мы разошлись по своим кульманам, но Фрида меня как загипнотизировала: в голове у меня прочно засели её слова. Меня в то время сама мысль подойти к незнакомому человеку и дать ему прочесть свои стихи, ему посвящённые, приводила едва ли не в священный ужас: я была очень застенчива и нерешительна. Но с другой стороны... Этот незнакомый, похожий на Эйнштейна так сиял из-за двух трёх слов похвалы, а у меня в руках было целое стихотворение! Одним словом, дня через три – четыре я «созрела».

Выставка на Красноармейской к тому времени, увы, уже закончилась и за адресом меня перенаправили в Союз Художников. В этом Союзе, в свою

очередь, очень важные чиновники популярно объяснили мне, что адрес или телефон – личная информация, раздавать которую никто не уполномочен, не взирая на любые написанные мною стихи. Но когда я, обескураженная, вышла в коридор, сухонькая старушка-секретарша выскочила за мною следом, и сунув тайком мне в руку заветную бумажонку с адресом, жарко зашептала на ухо, чтоб я никогда и никому не рассказывала об этом её страшном преступлении. Она, мне кажется, и объяснила, каким автобусом добираться, и где этот автобус ловить.

Когда я добрела до дома, где жил художник, над крышами сгустились сумерки. Мои окоченевшие губы стали сизыми, как потемневшее вечернее небо, заледеневшие пальцы ног отчаянно ныли от холода, нос немилосердно тёк, а сама идея знакомства казалась верхом идиотизма. Я даже обрадовалась, когда на мои звонки никто не отозвался и бодро зашкандыбала вниз по лестнице. Навстречу мне поднимался невысокий, нахохленный человек в чёрном пальто и с тубусом под мышкой. Он равнодушно мазнул по мне безразличным взглядом и медленно прошёл мимо. И хоть абсолютно ничего в его облике уже не напоминало мне Эйнштейна, я осторожно пискнула ему в спину:

– Самуил Соломонович?

57

Мужчина резко выпрямился и обернулся, внимательно вглядываясь в моё лицо.

– Да. Мы знакомы? Простите, не припомню...

Мне от смущения стало не по себе. Я растеряно и жалко залепетала о выставке, о стихотворении и даже о Фриде с её благими советами, потом совершенно неожиданно умолкла, не зная, куда девать руку с зажатым в ней скомканным листочком, покрытым моими рифмованными каракулями. Художник вовсе не казался осчастливленным моим непрошеным вторжением; скорее обескураженным и уставшим. Он, похоже, не знал, как меня прогнать, да и я остро мечтала дематериализоваться, уйдя не прощаясь. Каплан сориентировался раньше меня.

– Пройдёмте, – величественно кивнул он мне, направляясь к знакомой двери, и ковыряясь в замочной скважине ключом, добавил, – К сожалению, я не могу пригласить Вас к себе сегодня: Вам придётся подождать меня тут.

И вытащив из моих заледеневших пальцев листок со злополучным стихотворением, он надолго скрылся в недрах своей квартиры.

Ума не приложу, что заставило меня тогда дожидаться перед закрытой передо мной дверью. В такой неловкой ситуации я ещё не бывала. Но любое ожидание рано или поздно кончается; герой моего шедевра вышел, протянул мне

помятый стишок, и окинув меня озадаченным взглядом, с искренним изумлением произнёс:

– Знаете, а ведь неплохо написано. Я бы даже сказал – профессионально.

Я опешила. Я почему-то ждала чего угодно, но никак не оценки моего поэтического профессионализма; но фантазмагория визита давно зашкаливала и мне оставалось лишь кивнуть и жалобно спросить:

– Так я пойду? Да?

Художник неожиданно оживился:

– Вы на автобусе приехали? Давайте я Вас провожу до остановки; заодно и прогуляемся, побеседуем. Как Вас, кстати, зовут?

За давностью лет я уже не припомню о чём мы тогда беседовали; время летело совершенно незаметно. Помню лишь, как я изумилась, осознав, что уже почти полночь, мы стоим у фонаря на кольцевой, и я упоённо рассказываю этому незнакомому до того, немолодому человеку забавную историю о том, как в доме моего прадеда останавливался Петлюра. В светлом круге, выхваченном фонарём серебристыми блёстками вспыхивают снежинки; по рельсам с грохотом несётся скоростной трамвай, а это значит, что мы обошли, гуляя, едва ли не полгорода, но мне почему-то совсем не холодно и совсем не хочется прощаться...

Трясаясь в пустом полутёмном вагоне я, если честно, думала, что выпавшая мне встреча – первая и последняя. Но примерно через неделю у меня в квартире раздался телефонный звонок:

– Марина? Здравствуйте! Это Самуил Каплан говорит...

Так в мою жизнь вошёл Самуил Соломонович Каплан, художник от Бога, дружба с которым очень много значила для меня.

Первый Галактический турнир Малой прозы. 1 тур – по голосованию читателей

Письмо Деду Морозу Виктор Казимиров

Не помню, верил ли я в детстве в новогоднее волшебство, но уверен, что не сомневался в существовании Деда Мороза и Снегурочки. Волшебство – тоже понятие относительное. Для кого-то, к примеру, лишь ковёр-самолёт или скатерть-самобранка являются настоящим волшебством, а для некоторых и обычный, но очень желанный предмет, кажется волшебным.

В детстве, что неудивительно, я очень любил сладкое. Гораздо сильнее, чем солёное. Из солёного – только подсушенный клинковый сыр и бочковые огурцы с чёрным хлебом. А вот из сладкого – буквально всё! Многие взрослые в нашем селении знали, что за пару конфет или пряников я могу сбежать на луг за коровой, отогнать гусей на пруд или вернуть их на подворье. А за баночку мёда помочь дяде Степану на пасеке крутить медогонку.

Очень любил варенье, особенно из черники. Но не отказывался и от простого сахара на чёрном хлебе политого молоком. При этом я не был каким-то особенным сладкоежкой. И жадным тоже не был. Мёд всегда приносил домой, а конфетами делился с сестрёнками и друзьями. Но пределом моих желаний в те годы была плитка настоящего шоколада. Теперь это обыденность, а тогда она мне казалась настоящим дивным чудом. Конечно, лишних денег, чтобы покупать такие «чудеса» родители не имели. Ведь кроме меня в семье подрастали ещё трое детей – мои младшие сёстры. Да и магазина в нашем селе тогда ещё не было. Поэтому за первые несколько лет своей жизни мне удалось отведать эту вкусняшку только два или три раза. И один из таких случаев я помню поныне.

За пару недель до конца года, в котором мне исполнилось восемь лет, к нам из большого города приехала сестра моей мамы – тётя Света, которую я называл тётя Светик. Она и вправду тогда была светловолосой и часто улыбалась. До сих пор помню её открытый и весёлый взгляд. И вот как-то она спросила, не хочу ли я написать письмо Деду Морозу?.. Уже много лет спустя тётя мне рассказала, что я тогда очень удивился этому вопросу. Правильно, ведь в то время мы не писали таких писем. По крайней мере, я об этом не знал.

Писать я уже умел, поэтому с помощью тёти сочинил письмо Дедушке Морозу. Рассказал сначала о себе: кто я, где живу и как учусь. А потом попросил в подарок пластилин и шоколадку, а для сестёр конфеты и цветные карандаши. Пообещал, что буду слушаться родителей и старательно учить уроки. На обратной стороне листа нарисовал нарядную новогоднюю ёлку.

Тётя Света вскоре уехала, пообещав, отправить это письмо куда следует.

Никогда я не ждал наступления Нового года с таким нетерпением, как в тот раз. Тридцатого декабря уже с самого утра спросил у мамы:

- А Дед Мороз ещё не привёз подарки?
- Новый год завтра, вот завтра и будут ваши подарки, – ответила мама.

Утром тридцать первого я раньше сестёр прибежал на кухню.

- Дедушка Мороз уже привёз подарки?!
- Почтой прислал, – улыбаясь, ответил папа. – Умывайтесь, одевайтесь и к столу. Будем посылку открывать.

В посылочном ящике, кроме того, что я просил, лежали мандарины и стопка чистых лощёных тетрадей. Ощущение детской радости, которую я тогда испытал, помню до сих пор. А сестрички смотрели на эти подарки широко открытыми глазами. Как раз сохранилось фото того момента. Мы, дети, получили по шоколадке «Алёнка», по горсти конфет и по два ароматных мандарина. Но и наших родителей Дед Мороз не забыл. Папе прислал перчатки, а маме пушистый шарф.

60

А в полдень, на околице у нашей горки, я рассказал о посылке своим друзьям.

- И что, ты уже всё слопал? – спросил одиннадцатилетний Сергей. – Дал бы хоть посмотреть...

Я быстро сбегал домой за шоколадкой и пластилином.

Детей было много, но каждый подошёл и заглянул в коробку; потыкал пальцем в ребристые колбаски пластилина, подержал и понюхал шоколадку.

- Ого, тяжёлая! – с завистью сказал Сергей. – И пахнет...

Когда рядом остались только близкие друзья, мой одноклассник Женя спросил:

- Она точно вкусная?.. Дашь лизнуть?.. Никогда не пробовал настоящих шоколадок.

Недолго думая, я аккуратно снял обёртку, раскрыл фольгу и, вдыхая головокружительный аромат шоколада, разломил плитку на прямоугольники. Потом громко сказал:

– Берите по кусочку... Для друзей не жалко.

Я даже не подозревал, что у меня столько друзей. Когда на фольге остался один кусочек, подбежал маленький Ванятка и, со словами: «Я тоже твой друг», взял и его. Не помню, насколько я тогда огорчился, но зато хорошо запомнилось, что мне было очень приятно находиться в центре внимания детей нашей улицы. Ведь для меня дружба в детстве, да и теперь, была и есть дороже любого шоколада, любых материальных ценностей.

Шоколадку я тогда всё-таки попробовал – пару кусочков выменял у сестёр на фантики...

И поныне я уверен, что человеколюбие и настоящая дружба творят чудеса в нашей земной жизни. А о том, что подарки прислала наша тетя Света, я узнал через несколько лет, обнаружив на чердаке старый посылочный ящик. На крышке был указан её обратный адрес. «Ну и что? – подумал я тогда? – Может, это Дед Мороз попросил её об этом. Детей много, и ему без помощников трудно справиться...»

Первый Галактический турнир Малой прозы. 1 тур – по оценкам жюри

Выставка Егора
Юлия Лавданская

Наш сосед Егор – художник.

Вообще-то, таких людей сейчас нет. Только представьте себе: молодой красавец, голубоглазый блондин, лицо прямо скульптурное, классическое, взгляд приветливый, улыбка доброжелательная. Фигура стройная, спортивная, мышцы играют, но не перекачанные, как у героев блокбастеров, а в самый раз. Голос низкий, певучий, про такие говорят: «бархатный». Живёт один в доме на берегу реки, не пьёт, не курит, даже почти ничего не ест, неприхотливый зожник. Характера самого прекрасного – попросишь, по-соседски, машину вытолкнуть, забор поправить, кур в наше отсутствие покормить – без проблем, всё сделает, а денег не возьмёт.

Ко всем ровен, а близких друзей среди наших деревенских парней нет. Говорят, жизнь его не баловала. Был он, вроде, и кем-то вроде хиппи, и вольным путешественником, кажется, где-то учился, но не доучился... пережил смерть маленькой сестрички от менингита и старшего брата от внезапного инфаркта. Я Егорку помню в длинных дредах, а потом, внезапно, лысым, как коленка. Видимо, пребывал Егорка в поисках – себя ли, истины ли, смысла ли жизни...

62

А потом принял он самый, что ни на есть адекватный вид, устроился круглый год жить в деревне и начал рисовать. Весь ковидный год ходил по окрестностям с мольбертом, весь послековидный и следующий год ходил, а сейчас вдруг всех позвал на выставку. А народу в зимние каникулы приехало в деревню видимо-невидимо! И всем, конечно, очень интересно посетить загадочного соседа. Я тоже посетила.

Ах, батюшки, что это за выставка! Приходишь. Добротный бревенчатый дом, выстроенный отцом Егора по образу северной русской избы. Хозяин встречает белозубой открытой улыбкой и словами: «Здравствуйте, как здорово, что вы пришли, проходите, пожалуйста, на второй этаж, сейчас я сделаю чай!» Тут же стоят мягкие валяные тапочки всех размеров. «Можно надеть?» – «Конечно!»

Второй этаж – это, собственно, чердак. Но теперь это большая светлая комната, почти пустая. В углу у окна стоит старенький резной шкафчик без стекол, в нем – банки с кистями. Между рамами окошка вставлена большая заляпанная, кажется, всеми радугами мира, палитра маэстро. В

противоположном углу комнаты, прямо на полу, рядом с деревянным узким столом, пытит горячий самовар. На столе ждут своего часа чайные чашки, вазочка с густым золотистым мёдом, а кроме того – таинственно-зовущая бутылка тёмного стекла, прозрачные бокалы, изысканная сырная тарелка и плошка солёных орешков.

И везде – по всем стенам, на специальных стендах, хитроумно укрепленных на потолке, вдоль лестницы, даже большими стопками на полу – картины, картины...

Большей частью «картон, темпера», но есть и «холст, масло». С чего начать рассказ о работах Егора? Что главное в них, что сразу цепляет, не отпускает, не даёт забыть, побуждает рассказать, поделиться?

Радость. Радость и солнце выплескиваются на тебя с каждого сюжета, даже грустного, задумчивого, даже написанного в темных тонах. Егор пишет деревенскую жизнь. Очень много Волги, много неба. Места, для меня мгновенно узнаваемые, исхоженные, иссмотренные, прожитые и проживаемые. Это я, я стою, замечтавшись на скособочившихся мостках и смотрю в розовеющее к вечеру небо! Это я восхищённо обнаруживаю первую сочную весеннюю зелень на лужайке. Я среди тех, кто плывёт с Сухменей в ярко-красной лодке под синим парусом, я брожу осенью в огненнолистной рощице у Охотничьего домика, гуляю задумчиво под снегопадом мимо старой усадьбы в фиолетовых сумерках. А больше всего мне понравилась картина «Закатный свет». Зима. Река, угадывающаяся под снежным покровом. Солнце опускается за дальний берег, яркий огонёк в молочно-розовых облаках. Лучи его пробиваются сквозь графику ветвей дерева на переднем плане и рассыпаются веером по голубому снегу прямо, кажется, у твоих ног! Свет здесь очень нежный, а где-то он – слепящий в водяных бликах, спокойный в зимних пейзажах, жизнеутверждающий в яркой осенней рыжести и летнем плотном многоцветье. Свет живет в душе художника, вопреки всему тёмному вокруг нас.

Постепенно народу собирается много. Егор приносит свежезаваренный чай, разливает по чашкам. Желаящим предлагает густое красное вино, мы чокаемся, поздравляем Егора, пьем за его здоровье и творческий успех, желаем не уставать, не ослабевать, продолжать! Он улыбается, соглашается, с каждым посетителем перекидывается парой слов, с готовностью отвечает на вопросы: как называется картина, где то или иное место, у кого брал уроки, планирует ли выставку в Москве, можно ли приобрести работы?

Время проходит как будто в другом измерении, с трудом возвращаешься к реальности. Но тут подходит новая партия посетителей, надо попрощаться.

Ухожу переполненная восхищением, благодарностью, немножко завистью, немножко поэзией. Немножко грустью и тревогой – что будет с Егором завтра? Как сложится в наших суровых реалиях судьба этого необычного молодого человека? Но судьба – дело запутанное, договориться с нею невозможно, да и не надо. Просто захотелось сохранить в своём сердце солнечность его картин и поделиться с вами.

Первый Галактический турнир Малой прозы. 2 тур – по голосованию читателей

Пушкин в моей семье

Сергей Че

Перефразирую звучное из Маяковского: говорим Пушкин, подразумеваем – «Я помню чудное мгновенье». Красота! Никто из порядочных девушек не хочет быть «чудным мгновением» (не дай бог, ещё с другим ударением на слове чудное), тем более, продолжением через строку – мимолётным видением. Но каждая мечтает, чтобы такое посвящалось ей, предполагая растянуть мгновение и стать видением на много-много лет счастливой семейной жизни.

У меня было нормальное советское детство, в которое уверенно ворвался Александр Сергеевич. Сказать, что Пушкин сразу стал считаться моим любимым поэтом, тем с кем я жаждал встречи – нагло соврать! Нелюбимый – ближе к истине. Но я такое вслух не произносил, чтобы ещё из-за Пушкина ремня получать...

Критиковать Пушкина, то есть разбирать пушкинские произведения, я начал с третьего класса. Придёт отец с работы слегка навеселе, а мать ему: – «Опять? Лучше бы с сыном позанимался он со школы то в грязных или порванных брюках приходит, то с двойкой». Отец не против того, чтобы позаниматься! Брал меня за руку и вёл в семейную библиотеку – комнату, где стоял книжный шкаф. Вынимал оттуда томик Пушкина и убедительно предлагал прочесть с выражением два-три стихотворения, обязательно с выражением! – ведь стихи великого поэта нельзя мямлить. Сам же включал телевизор на пониженную громкость, чтобы не мешать, – и на диван. С тех пор меня и стала преследовать красота пушкинских строк.

Вы знаете, что в первом томе собрания сочинений Пушкина выпуска 1967 года издательства «Советская литература»? Стихотворения 1813-1818 годов. Есть неплохие стихи, но до всемирно известного «Евгения Онегина» или сказок – далеко. Знаете как десятилетний пацан определял качество стихотворения, например, «К Чаадаеву»? Строки из него:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Прекрасное стихотворение, не очень длинное, мало незнакомых слов, ведь кроме прочтения нужно пояснить значение любого из них, а также докопаться, кто упомянут в нём. Благо, что в помощниках имелся увесистый энциклопедический словарь.

В стихотворении N. N.(В. В. Энгельгардту) «незнакомцев» хватало: Эскулап, Приап, Пинда, Вакха, сам Энгельгардт, Венера – и хорошо, что планета.

Фамилий министров, общественных деятелей начала девятнадцатого века, поэтов-писателей, чьи имена известны только узкому кругу современных специалистов, греко-римских богов и богинь, героев мифов и преданий в стихотворениях Пушкина несчётное количество. Наверное, без этого стать в ту пору известным не представлялось возможным, но именно поэтому эти произведения не популярны сегодня, хотя имеют такой же лёгкий и певучий пушкинский слог.

Мама читала сказки Пушкина на ночь младшей сестре, если та долго не засыпала. Сестре они нравились! Она и днём хотела их слушать. Вы же знаете, что мамы всегда заняты, и мама часто просила почитать меня вместо неё. Я любил сестру – и читал. Перечитал все сказки – и они стали нравиться мне самому. Длинные, но читаются легко, непринуждённо, а «выражение» уже развил.

В то же самое время отец очень удивил всех. Он рассказал о том, что знаменитый критик Белинский говорил, что сказки Пушкина были «неудачными попытками подделаться под русскую народность», что «русская сказка имеет свой смысл, но только в таком виде, как создала ее народная фантазия».

Писатель Булгарин, автор популярных романов того времени, сказал о Пушкине: «В его голове не зародилась ни одна идея». Эх, Фаддей Венедиктович, где ваша популярность сейчас? Только историки-литературоведы знают о вас.

Мы с сестрой категорически с Белинским не согласны! И про Булгарина забыли сразу же! Сейчас у многих есть интернет, но искать его там не особо хочется. Пушкина же читаем. Внукам.

Давайте говорить друг другу комплименты...

Наталья Сафронова

Когда я вдруг, неожиданно даже для себя, начала на ТДВ писать эссе об авторах, нашлись такие – кажется, они зовутся троллями – кто упрекнул меня в корысти. В том смысле, что «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Столько лет прошло – а я все помню. Потому что есть, конечно, в этом заявлении правда. Тролли чем задевают за живое? Тем, что в потоке грязи, который они обрушивают на голову автора – есть крупницы истины. Кому не нравится нравиться?

Я люблю покрасоваться. К тому же я время от времени пытаюсь стать вполне хорошей. Такой вот последователь Пьера Безухова. Или это синдром отличницы? Или просто жажда похвалы?

Знаете, дети порой очень хотят внимания. Кто-то начинает шалить, а кто-то, наоборот, изо всех сил старается угодить взрослым. Ну, тут глубина непознанная – и навряд ли я сейчас докопаюсь до нее, до этой самой правды о себе. Но некоторая толика самолюбования тут есть, что уж скрывать? Однако мне почему-то кажется, что тролли тоже стригут свои купоны. Тоже жаждут внимания – но идут другим путем. Примерно таким, который выбирают преступники. Ограбят или убьют – лишь бы о них написали в газетах. Или даже показали по телевизору. На миру и смерть красна. Это, кстати, менее трудозатратно, чем сделать доброе дело. Прочитать произведение, например, и написать отзыв. Грамотный, доброжелательный, подробный. Гораздо легче громко крикнуть:

– Дураки вы все!

Один из троллей, кстати, так и говорил:

– Я ничего не читал, но ты дурак!

Сайт «Творчество для всех» тогда начал разваливаться. Все переругались. Админ закрыл для всеобщего просмотра ленту произведений. Стало скучно.

Но я вернусь к себе, любимой. Ведь не только желание похвастаться заставляло меня писать портреты авторов. Мне это интересно. А что касается похвалы... Наверное, это моя движущая сила. Может быть, и не главная, но важная. Люблю, когда меня хвалят. Не чересчур – но достаточно, чтобы прочитать море текстов, пожить ими – и записать то, что выплеснется на лист.

Кстати, о том времени, когда мне захотелось написать первый портрет – о Варе. Помню, как этот поток слов (кстати, не такой уж большой портрет был,

потому что я поначалу записывала то, что помнилось, о текстах, которые жили в душе) – прорывался. Я его сдерживала, даже пыталась «заткнуть фонтан». То есть буквально – не хотела писать. Зачем это? Кому это надо? В общем, мне было неловко. Ну представьте себе, если бы это было в реале? Вы же не пойдете ни с того ни с сего к соседу, например, или к сотруднику – не начнете ему рассказывать, какой он хороший и замечательный? Высокие слова берегут для юбилеев. Но я и там не особенно словоохотлива. Больше, чем «Поздравляю. Пух» из себя не выдавлю. А вот о об авторских текстах – да не вслух, а под запись – очень интересно оказалось. В общем, не сдержалась я тогда – записала все, что просилось на волю. Раскрепостила душу. А потом пошло!

А вот что дают авторам эти зарисовки? Тому, о ком пишу – взгляд со стороны. Причем доброжелательный – что мне представляется важным. Может быть, и любой взгляд полезен (и нелицеприятный, в том числе, и даже неприязненный) как обратная связь. Но только для того, чтобы вспомнить: сколько людей, столько и мнений. Никто не обязан тебя любить. Смотреть на мир «твоими глазами» и даже в одном направлении – тоже не обязан. Мир вокруг тебя – вообще ничего тебе не задолжал. Поэтому время от времени мы получаем от Вселенной такие напоминания. Последнее место в конкурсе, например (это о литературных сайтах – но вообще может прилететь любая оплеуха, если вы чересчур о себе возомнили).

А вот искренний доброжелательный отзыв (с указанием ошибок, если рецензент их увидит, спорных моментов), обсуждением героев произведения (иначе зачем читать – только чтобы ошибки искать?) – благотворно действует на автора. Во всех смыслах. Дарит творческую энергию, например, как аплодисменты – актерам.

Лис не однажды поднимал тему рецензирования произведений на сайте. В одном из последних обсуждений Андрей Яковлев говорил о необходимости дистанцироваться (не от произведения объективного взгляда ради) – а от авторов, чтобы не лить только елей... Чтобы указывать на ошибки и т.д. Между друзьями якобы это сложно, друзья будут друг друга только нахваливать – и прекратится творческий рост. Андрей, это не совсем так. Отзыв о произведении требует от рецензента времени и душевных сил. Если человек готов потратиться – он напишет то, что видит (знания, безусловно, тоже важны). А если не готов: тогда, конечно, чего от него ждать? А еще рецензия под произведением – это зеркало, в котором автор видит не только собственное отражение, но и своего гостя. Его видение, умение общаться. Просто настроение, с которым он пришел в гости.

Рецензии произведений – это кровеносная система сайта. Если они есть – сайт живет. Если нет – умирает. Может быть, есть такие самодостаточные писатели, которым неважно, читают ли их, отзываются ли... Но помнится, где-то я читала, что во времена брежневского застоя, когда авторы писали в стол – они мечтали публиковаться. Даже Пушкину было важно мнение товарищей по перу. Неспроста, наверное, Булат Шалвович сказал (и спел!):

Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не надо опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это все любви счастливые моменты.
Давайте горевать и плакать откровенно.
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью –
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью. *

Доброе слово, говорят, и кошке приятно. И собаке. И человеку. А уж людям творческим – необходимо, как воздух!

*Булат Окуджава «Давайте говорить друг другу комплименты»

Первый Галактический турнир Малой прозы. 2 тур – по оценкам жюри

Иуда. Старый, новый символ в литературе

Юлия Лавданская

В небольшом эссе невозможно охватить всё многообразие литературных трактовок образа Иуды и оценок его поступка. Попробуем просто поразмышлять на эту тему, не претендуя на полный обзор упоминаний о тридцати сребрениках и предательском поцелуе. Попробуем вместе с поэтами и писателями ответить на волнующий каждого вопрос: кто же он, Иуда – злодей, или мученик? Неблагодарный ученик или жертва предначертанной судьбы? И, главное – зачем он это сделал?

«Аще бо богатство любил еси, почто ко учащему о нищете пришел еси? Аще же и любил еси, вскую продал еси безценнаго, предав на убиение? (Ведь если богатство ты любил, зачем к Учащему о нищете за наставлениями приходил? Если же и любил ты Его, для чего продал Неоценимого, предав на убиение?») – поётся на богослужении Великой Среды.

А почему, собственно говоря, нас должен волновать этот вопрос? Какое нам дело до происшедшего две тысячи лет назад? Мало ли потом жило на свете предателей? Почему и по сей день людям интересно осмыслить известный евангельский сюжет и выдвинуть свою версию? А потому, что не существует человека, который не осознавал бы для себя исключительную важность двух вещей: любви и смерти.

Христос – воплощенная Любовь – принял на Себя смерть всего человечества через решение Иуды. Этот осознанный выбор конкретного человека переломил всю последующую историю. Любовь умерла. Бог умер. О том, что Он воскрес, Иуда уже не узнал. Но Христос воскрес, и мир необратимо изменился. Конечно, здесь мы уже вступаем в область веры. Но, коли рассуждаем мы об Иуде, то принимаем это как данность. Иуда-то имел веру! Он прекрасно знал, понимал и всем существом чувствовал, Кого он предаёт.

Но зачем?

У Х. Л. Борхеса есть статья, которая так и называется – «Три версии предательства Иуды». Он не придумал эти версии, но впервые чётко сформулировал их.

Первая из них – каноническая. В Иуду, как повествует Евангелие, вошел сатана. Он стал пособником сатаны в деле Богоубийства. У Данте, например, Иуда без вариантов помещен в самый последний, страшный круг Ада. Считается, что сребролюбие стало тому виной. Евангелист Иоанн прямо указывает, что «он был вор» (Ин. 12, 6). Но помилуйте, тридцать сребреников – не деньги для такого преступления. Кроме того, Иуда владел общей кассой общины и располагал куда большей суммой. «В самом деле, он не мог сказать, что сделал это (предал Иисуса) по любви к деньгам, так как находил достаточное удовлетворение своей страсти в коврижке; нет, это он сделал по великому нечестию, которое Христос хотел обуздать, оказывая ему снисхождение», считает древний писатель и богослов Иоанн Златоуст.

Вторая версия, ставшая весьма популярной в конце XIX – начале XX века – что Христос сам открыл Иуде тайну предначертанного ему пути и сделал его помощником, даже орудием своей миссии, а тот согласился.

Леонид Андреев в повести «Иуда Искарот» придерживается как раз такого взгляда. Он наделяет своего героя массой пороков, в том числе неестественно огромной, неподъемной, болезненной любовью к Иисусу и такой же завистью к другим ученикам. Он хочет всех их обмануть и стать ближе всех к Учителю, убив Его и себя вместе с ним. «– Я с тобою. Туда. Ты понимаешь, туда!» – говорит он Христу. «Да! Целованием любви предаем мы тебя. Целованием любви предаем мы тебя на поругание, на истязания, на смерть! Голосом любви скликаем мы палачей из темных нор и ставим крест – и высоко над теменем земли мы поднимаем на кресте любовью распятую любовь» (Л. Андреев. «Иуда Искарот»).

71

Такая вот, вывернутая наизнанку любовь. Так, наверное, могло бы быть. Но фантазия писателя не очень согласуется с тем фактом, что все три года бытности со Христом и участия в Его проповеди, Иуда ничем не был умален от прочих учеников. «Еда от лика Апостольскаго тя отлучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда иных ноги умыв, твои же презре? Еда от трапезы тя отрину? О, коликих благ непамятлив был еси!»

(Разве (Христос) от апостолов тебя отлучил? Разве дара исцелений лишил? Разве, умыв ноги другим, твои не захотел умыть?) – так вопрошает Церковь в Великую Среду, страшный день предательства.

Юрий Нагибин в своей повести «Любимый ученик» пошел еще дальше, откровенно описывая разговор Христа с Иудой:

«– Начальники жизни убьют меня. Я умру на кресте, искупив грехи человеческие.

Да сбудется воля Божья.

– Но... так скоро?.. – донеслось из-за края света.

Он понял.

– В назначенный срок я воскресну и вознесусь к престолу Всевышнего. Так будет.

Готов ты стать орудием воли Божьей?

– Я люблю тебя, – снова дуновением.

– Поэтому ты избран.» (Ю. Нагибин. «Любимый ученик»)

По отношению к Евангельскому тексту это звучит кощунственно.

Но третья версия, выдвинутая Нильсом Руденбергом в статье «Тайный спаситель», стала вообще шокирующей. Суть её в том, что спаситель мира – как раз Иуда, а не Христос. Эта необычная версия была одними отвергнута, другими высмеяна, однако, она все же появилась на свет, как абсурдное продолжение предыдущей идеи.

Как ни странно, но к такому пониманию оказался близок Максимилиан Волошин, тонкий лирик и художник. Это его строки:

«Так размышлял однажды некий священник

Ночью в древнем соборе Парижской Богоматери

И воскликнул:

«Боже, верю глубоко,

Что Иуда – Твой самый старший и верный

Ученик, что он на себя принял

Бремя всех грехов и позора мира.» (М. Волошин. «Иуда-апостол»)

«... В своё время он [Волошин] отдал дань модному воззрению на предательство Иуды, считая, что самопожертвование Христа стало возможным благодаря жертве Иуды. В начале века он писал:

“Нравственная проблема, скрытая в

личности Иуды, особенно близка нашему времени. Разве не тот же вопрос о принятии на себя исторического греха подвигом предательства стоит и перед революционерами-террористами, и перед убийцами из Союза русского народа, и перед всеми совершающими кровавые расправы этого времени”. Истинное значение Иуды виделось в ПОДВИГЕ предательства», пишет публицист Александр Зорин.

(А.Зорин. «Пророк в своём отечестве»)

Это страшно. Последствия такого мироощущения мы прожили и проживаем.

Напоследок мне хочется обратиться еще к одному взгляду на происшедшее с Иудой. Наша современница, теолог и журналист Дарья Сивашенкова, написала об этом книгу, где подробнейшим образом разбирает всю историю с самого начала, от знакомства Иуды с Христом. Пересказывать всю книгу, всю цепь рассуждений и обоснований автора невозможно, но и не нужно. Я упомяну только о парадоксальном выводе, к которому книга подводит своего читателя: несмотря на совершённый страшный грех, для Иуды возможно раскаяние, и по мнению автора, оно произошло!

«Его раскаяние абсолютно подлинно, глубоко, как только возможно, и больше, чем сделал он, сделать было нельзя». Самоубийство Иуды автор показывает, как его суд над собой по всем правилам современного ему закона.

А дальше автор делает предположение о возможности спасения Иуды на Страшном Суде!

«Иуда сделал всё, что было в его силах, чтобы отречься от Христа, проявил свою волю, выложившись до самого конца. А остальное, что он просто не мог сделать изнутри себя, сделает Христос, простив его, окончательно разделив Искарота с его грехом и освободив его.

Не бойся Меня, скажет Он. Не бойся смерти, не бойся ада, ибо Я с тобой. Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой.» (Д. Сивашенкова. «Вот Иуда, предающий Меня»).

73

Мы не знаем, так ли это; не знаем, где воображение позволяет авторам провидеть истину, а где уводит за грань безумия. Но мы должны понимать, как ничтожно тонка грань между добром и злом. И никто из нас не может поручиться, что в какой-то момент не окажется Иудой.

«По самой главной сути
жизнь проста,
хоть и подобна
истинному чуду:
В самом себе
не предавай Христа,
В душе своей
не возвращай Иуду.» (Владимир Сапрыкин)

Собственно, этого я и хочу пожелать себе и своим читателям.

Первый Галактический турнир Малой прозы. 3 тур – по голосованию читателей

Конфликт
Вера Рехтер

«Наконец-то, мой выход! – радовалась стройная красавица, расправляя многочисленные оборочки, примятые после длительного заточения.

– Пришло моё время, теперь я – королева!»

Снисходительно принимая украшения от подданных, она не могла удержаться от соблазна незаметно подколоть «дары несущих», за то, что раньше обрекали её на беспросветное существование.

«Вы ещё попляшете вокруг меня – строила она планы. – Вы ещё запоёте по моему!»

«И откуда она взялась на мою голову? – сердился он, однако вслух произнести этого не мог, хотя не скрывал своего недовольства.

– Расфуфырилась, сверкает, глазам больно, никакого чувства меры. До её появления он был властителем в этом маленьком королевстве, его холили и лелеяли, а сегодня все вертятся вокруг этой, непонятно откуда взявшейся, выскочки... Надо срочно что-то делать!»

74

Послеобеденный сон мальчика прервал странный шум. Малыш соскочил с кровати и осторожно пошёл на звук, едва успев увернуться от мчащегося на него кота. А домашний баловень даже не притормозил, нырнул под кровать и затаился. «Снова нашкодил», – догадался ребёнок и заглянул в зал. Там, на полу лежала поверженная красавица – большая наряженная синтетическая ёлка с разбитыми игрушками...

Первый Галактический турнир Малой прозы. 3 тур – по оценкам жюри

Трое (старая притча)

Юлия Лавданская

Возвращение

Возвращение в себя оказалось трудным и неприятным. Дорога заросла высоким бурьяном, через который продираться пришлось с кровью. Заклинившую дверь открыл рывком и ужаснулся: темнота, смрад и везде грязные ошметки совести. Пересилив себя, вошёл, стал собирать, отряхивать, пытаться склеить. Кое-как удалось. И вдруг – получившееся нечто вспыхнуло ярким светом и громко закричало!

Где-то далеко крик был услышан.

Любовь

Ты стоял передо мной, странно непохожий на себя. Я будто видел кроваво-красную розу, расцветшую на сухом стебле бурьяна. Ты молчал, но мне слышался страстный вопль израненной совести. Я не мог вынести его и закрыл твою рану своей грудью. Получилось, что тогда и ты закрыл собою раны моей тоски о тебе.

Наступила тишина, имя которой – любовь.

Зависть

Ветер ворвался в чисто убранную комнату, шквальным ударом распахнув окно. Мгновенно всё перемешалось, аккуратно расставленные по полочкам красивые вещи попадали на пол, ажурные салфеточки, напротив, взвились вверх. Ветер втолкнул в комнату запах кроваво-красной розы, и слова «Я тебя люблю!», произнесённые там, за окном.

Хаос, произведённый странным этим ветром, оказался для меня невыносимым.

Я вышел вон.

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день – 2»

Выживут одни только кошки

Джон Маверик

Наверное, нужно быть немного чокнутым, чтобы бросить все и помчаться на другой конец города ради встречи с каким-то незнакомцем. Ну, пусть даже с незнакомкой. Какая разница. Но я так обрадовался, услышав настоящий человеческий голос, без этого отвратительного пришептывания, шипения и ворчания, что совсем потерял голову. Мы и поговорили-то каких-то пару минут о всякой ерунде.

«Где живешь?»

«Что любишь?»

«Чем занимаешься?»

«Что делаешь сегодня? А как насчет встретиться? В полчетвертого?»

– «Где?»

– «У центрального вокзала? Сходим в автоматическое кафе на крыше» – секундная заминка... «Хорошо».

Я стеснялся задавать личные вопросы. Она, видимо, тоже. И самого главного мы друг у друга не спросили: «Ты принимаешь авиву?» Хотя, что толку? Ответ и так понятен: принимают все. Кроме меня.

76

Я сошел с монорельса и огляделся, выискивая в толпе мордочку симпатичной полукошки. Ну, то есть, толпа – это сильно сказано. В это время дня на улицах почти никого не бывает. Особенно летом, да еще в такую жару, когда асфальт пышет зноем, как нагретая сковородка. А стеклянный навес вокзала создает эффект парника. Так что горячий воздух обжигает легкие, а от бьющего в глаза света хочется зажмуриться.

Впрочем, у разноцветного габиона стояла и щебетала о чем-то стайка полукошек-девочек. Совсем молоденькие, лет по пятнадцать-шестнадцать. У некоторых из них из-под летних платиц торчали длинные хвосты. А у одной сквозь короткий ежик волос пробивались мохнатые стоячие ушки. Это выглядело одновременно пугающе и трогательно. Да еще толстый полукот – уже почти превращенец – покупал в автоматическом киоске бутылку молока. Он с видимым трудом держался на ногах и, отхлебнув прямо из горлышка пару глотков, опустился на четвереньки. Я пожал плечами и отвернулся.

Ну где же ты, подруга? Постою еще минут пять – и уйду, решил я, пока окончательно не спекся. Хотелось уползти куда-нибудь, где попрохладнее, все равно куда. Но единственное, росшее на вокзальной площади дерево почти не давало тени, да и под тем на лавочке спал превращенец. Крупный, размером с небольшую рысь, он растянулся на всю скамейку, пузом кверху, в вальяжно-

непристойной позе. Не знаю, кошка или кот, из-за меха не видно, а по другим признакам я так и не научился их различать. Его ослепительно белый пух, легкий и шелковистый, сверкал на солнце, как огромная куча сахарного песка. Минутная стрелка ползла по циферблату, а я все ждал, переминаясь с ноги на ногу и поминутно утирая пот. В голову лезли не то что даже воспоминания, а какие-то сумбурные мысли. Как это было... Как все мы дошли до жизни такой? Как случилось, что я стою тут на жаре, в странной компании полузверей. Вместо того, чтобы сидеть в офисе или дома с женой – пить холодный чай. Снежана... Словно укол под сердце.

Все началось шесть лет назад с появления на рынке пищевых добавок неизвестного лекарства под названием «авива». Сперва, я помню, его рекламировали как безобидное средство для похудения. И действительно. Те, кто его принимал, быстро худели, утончаясь в талии, обретая гибкость и ловкость. Пожилые дамы и господа – молодели на глазах и скакали, как двадцатилетние. На лысынах начинали расти волосы, правда, больше похожие на кошачью шерсть, густую и бархатную, которую так и хотелось погладить мимоходом. Люди менялись. Отращивали хвосты и бегали на четвереньках. Рычали и мяукали. Спали по восемнадцать часов в сутки.

Ловкость и проворство сменялись ленцой, изнеженностью, дремотной апатией. Уже всем стало ясно, что «авива» – никакая не пищевая добавка, а сильнейший мутаген, за каких-нибудь полгода превращавший человека в животное, а точнее – в кошку.

77

Наверное, вы думаете, что кого-то за это наказали, а лекарство срочно изъяли из аптек? Ничего подобного! Быть кошкой, а точнее – превращенцем, как их теперь называли, стало модно. Уличные билборды запестрели цитатами из Стефана Гарнье и просто какими-то тупыми лозунгами.

«Котов любят за то, что они есть!»

«Кот делает то, что ему нравится – и в этом его свобода!»

«Рыжему коту не придет в голову стать черным, пушистому – гладкошерстным, сфинксу – мейн куном. Кот доволен собой на все сто, даже если выглядит облезлым».

«Кошки принимают себя любимыми».

«Котов не мучает совесть».

«Кошки не сомневаются, не ищут, не сожалеют, они – живут!»

Фильмы, телепередачи, рекламные вставки – вбивали в головы одно и то же. Пей «кошачьи таблетки», и ты избавишься от всех забот. На концертах об этом орала поп-певица. Кричали газетные заголовки. Блогеры-полукоты взхлеб описывали все этапы своего превращения, пока их руки окончательно не мутировали в лапы, а речь не становилась невнятной. Но и после этого они иногда мелькали в сети усатыми кошачьими мордашками. Ничего не

говорили, но загадочно улыбались, как чеширские свои собраты из старой сказки. «Авиву» буквально сметали с аптечных полок, а города наполнились превращенцами и полукошками. Последних иногда трудно было отличить от людей, особенно в самом начале перехода, разве что по странной упругой походке и зеленому блеску в глазах.

Потом кто-то распустил слух о новом вирусе, смертельном для человека, но безобидном для кошек. Возможно, это была правда. А может, и нет. Я не видел, чтобы кто-то умирал, да и сам на здоровье не жаловался. А потом – все посыпалось... Отключились телевидение и интернет. Онемело радио. Перестали выходить газеты. Не печатались книги. Позакрывались школы и библиотеки. Кошачьи обитатели города во всем этом не нуждались. Осталась, правда, одна газетенка, не знаю, кто ее издавал, люди или какие-то особенно активные полукошки. Но от ее публикаций у меня волосы на голове вставали дыбом. «Стерильны ли превращенцы?» Боже мой! О чем же вы, ученые умники, думали раньше?! Что же вы, идиоты, натворили? Я надеялся, что все это – пустые сплетни и фантазии газетчиков, хотя еще ни разу не встретил в городе ни одного котенка. А впрочем, судить о подобных вещах было рано.

Автоматические киоски еще продавали еду, но какую-то однообразную и, честно говоря, невкусную, больше напоминавшую кошачьи консервы, чем нормальную пищу. Еще работала телефонная линия. И по единственному уцелевшему маршруту ходил монорельс... Он подкатил бесшумно – маленький серебристый вагончик, бросив такой острый блик мне в зрачки, что я чуть не ослеп. А когда смигнул слезы – увидел ее. Она вышла под стеклянную крышу вокзала и беспомощно озиралась, как я минут пятнадцать назад. Молодая, совсем девчонка, в коротких оранжевых брючках и зеленой блузке. Темные волосы, перехваченные красной лентой, и маленькая белая сумочка под мышкой. Я приблизился, не решаясь окликнуть незнакомку. Но она словно почувствовала мое присутствие и, обернувшись, уставилась мне в лицо ярко-зелеными глазами. Все ясно. Я чуть было не развернулся и не ушел, но в последний момент передумал. Подавив невольный вздох, я протянул девушке руку.

– Рич.

– Лика.

Мы медленно двинулись по направлению к трем небоскрегам, которые, выстроившись, как школьники по росту, соприкасались стенами. А их крыши – поднимались террасами, причем с одной на другую вели короткие металлические лестницы. На эти небоскребы я не забирался очень давно, но

помнил, что на второй терраске когда-то находилось автоматическое кафе. И надеялся, что оно есть там и сейчас.

Мы с Ликой молчали и, словно опасаясь споткнуться на ровном месте, смотрели себе под ноги. Если бы не горячий неподвижный воздух, давящий запахи, я мог бы, наверное, ощутить едва заметную ауру «превращения». Но вместо этого мне чудился аромат дешевых цветочных духов, так некстати напомнивший Снежану. И еще какое-то беспокойство. Запах страха? Но полукошки не боятся высоты. А у меня голова кружилась при одной только мысли о третьей – ничем не огороженной площадке. Там всегда гуляет ветер, даже в самый тихий день. И крыша-корабль как будто дрейфует по бескрайнему синему морю, кипящему легкими барашками облаков.

Мы прошли через первую террасу – сад, неухоженный, одичавший. Там росли какие-то кусты и деревья, а по лужайке ползал робот-газонокосилка. Совершенно излишний, потому что трава под солнцем выгорела до ломкой белизны и нуждалась не в стрижке, а в поливе.

Зато кафе, хоть и оказалось, естественно, безлюдным, но автомат-раздатчик в нем работал. И сгрудились вокруг не очень чистые, запыленные, но не ломаные столики. Из-под одного выбралась, потягиваясь, маленькая тигровая кошка. Не превращенец – настоящая. И, пронзительно, мякнув, потерлась головой о мои брюки.

– Погоди, сестренка, – улыбнулся я и показал ей пустые ладони. – Пока ничего для тебя нет. Но сейчас будет.

Я вставил свою карточку в автомат, и он выплюнул две банки подозрительных консервов и две бутылочки напитка, по цвету похожего на разбавленное молоко. Следом вылетели две пластиковые тарелки. Не густо.

– Едят здесь, очевидно, руками, – заметил я. – А пьют из бутылок.

Мы сели за столик и, открыв консервы, первым делом накормили кошку. Лика отхлебнула напиток и, поморщившись, отставила бутылочку в сторону.

– Когда-то здесь подавали мороженое, – сказала она мечтательно. – В красивых вазочках. И было весело. Играла музыка. Рич, ты любишь мороженое?

– Нет, – ответил я. – Но сейчас съел бы целый килограмм.

– Я тоже. Два килограмма.

Хорошая у нее улыбка. Чистая.

– Я бывала здесь много раз, с родителями, – продолжала она. – Мы сидели вон там, у лестницы, в тени от другой крыши. Папа всегда брал себе шоколадный пломбир. А мама... – словно запнувшись обо что-то взглядом, она замолчала.

– Я тоже иногда приходил. С женой, – сказал я и осекся.

– Ты женат? – она подняла на меня изумленные глаза.

– Был... то есть, и сейчас, наверное... Мою жену звали Снежана. А сейчас я зову ее Снежка. Она откликается.

Над столиком повисла пауза – плотная, как дым.

– Понимаю, – вздохнула, наконец, Лика.

Я кивнул, едва сдерживаясь, чтобы не вспылить. Да что ты понимаешь, девочка, хотелось мне сказать. Ты хоть раз любила? Так, чтобы звезды из глаз. И все тело – в огне. А я любил. Ее, мою Снежану. Я на коленях перед ней стоял. Умолял не пробовать эти таблетки. Но она смеялась над моими страхами. Для нее это была игра. «Ну что ты, Рич, – говорила жена, усмехаясь. – Что ты, в самом деле? Я не собираюсь идти до конца и в кого-то превращаться. Только попробую. Все пишут, как это классно. Тебе самому разве не интересно, новые ощущения, внутренняя свобода... Я и на твою долю взяла... Вот, бери, не стесняйся, это подарок... Ну ты зануда, Рич! А я все равно попробую. Если не понравится, я ее сразу брошу, эту «авиву»!»

И действительно, начатый курс можно было прервать – но только в самом начале. Очень быстро наступала точка невозврата. Таблетки после нее только ускоряли превращение, но процесс уже шел сам по себе. Однажды запущенный, он не мог обратиться вспять.

Это чудовищная пытка – видеть любимую рядом с собой, прикоснуться к ней, зная, что она потеряна навсегда. Изо дня в день наблюдать, как она обрастает шерстью, утрачивает речь, а возможно, и разум, красоту, живость, человеческий облик.

Впрочем, наша интимная жизнь прервалась почти сразу же, после третьей или четвертой таблетки. У полукошек появляется такой особый запах, который полностью отбивает всякое желание. Мы засыпали на одной кровати, повернувшись друг к другу спиной. Не чужие, но и не близкие. Словно разделенные стеклянной перегородкой. Снежана – уплывающая в свои безмятежные, звериные сны. Я – глотая слезы и бормоча в полудреме ее имя. Хотел ли я последовать за ней? Иногда, в минуты самого мрачного отчаяния – да. Для меня превращение было подобно суициду. Оказаться выброшенным в иное измерение. В другом теле. С совершенно другими чувствами,

ощущениями, мыслями... а то и вовсе без них. Разумны ли превращенцы? Я так этого и не понял. Порой мне казалось, что да. Иногда, когда Снежка смотрела на меня глубокими синими глазами и я, погружаясь в них, уходил воспоминаниями далеко в наше прошлое, в котором мы были юны и счастливы... Мне чудилось тогда в ее взгляде скрытое страдание, сожаление... или даже – любовь. В другое время, когда она апатично лежала на диване, я с ума сходил от бессилия докричаться до нее, расшевелить, хоть на пару минут сделать прежней Снежаной. В конце концов я махнул рукой на все: на себя, на жену, на идиотские слухи, на якобы смертельный вирус – и, решив умереть человеком, выбросил упаковку с «авивой». Я знал, что это ничего не изменит. Что все бессмысленно – любой протест, поступок или же их отсутствие, и что цивилизация летит в пропасть. Но ничего больше я для этого пропадающего мира сделать не мог. Я понятия не имел, остался ли на Земле хоть один подобный мне безумец. Но каждый день подолгу сидел у телефона, набирая все подряд приходящие в голову номера, в тщетной надежде на... я и сам не понимал, на что.

– Рич... Рич?

Я едва узнал ее – девушку, сидящую напротив. Она с беспокойством заглядывала мне в лицо. Наверное, я слишком долго молчал.

81

– Извини, Лика. Задумался.

– Я тебе сделала больно, да?

Я качнул головой.

– Мои родители тоже превращенцы, – сказала она. – Одни из первых. Они не хотели быть кошками. А просто... мама все время мечтала похудеть. Она очень образовалась этому новому лекарству. И папа – с ней за компанию.

– Их обманули, – кивнул я. – Нас всех обманули.

– Они хорошие, ласковые... Я их все равно люблю. Но... но...

Я накрыл ее руку своей.

– Отдадим это молоко кошке. И пойдем на верхнюю площадку. Там прохладнее.

На последней террасе, и правда, гулял ветер, извлекая тонкую, дрожащую музыку из целого леса антенн, торчащих по всей крыше. Лишенные веток и листья, звонкие металлические деревья росли прямо, будто по линеечке. Но,

как в настоящем лесу, их нежило солнце, и струился у корней редкий желтоватый туман.

– Что это? – спросила Лика. – Откуда здесь дым?

– Это облака.

– Мы так высоко? Или небо так низко?

– И то, и другое, – усмехнулся я и, бережно взяв девушку под локоток, подтолкнул ее на край.

– Посмотрим на город? Отсюда очень красивый вид.

Зеленые глаза бывают и от рождения. И если сейчас она побледнеет и зажмурится, то...

Побледнела и зажмурилась. И отпрянула назад.

– Боишься высоты? – у меня закружилась голова, и не только от страха. – Я, если честно, тоже...

– Я думала, ты полукот!

– Я думал, что ты полукошка!

Воскликнули мы одновременно и от радости обнялись. Потом снова осторожно приблизились к расстилавшейся у наших ног пропасти и посмотрели вниз. Город лежал под нами – прекрасный, как на картинке. Немой, освещенный солнцем, неподвижный, точно скованный сонным параличом. Его улицы, башенки, магистрали казались деталями какого-то хитроумного конструктора. В кукольных домиках блестели оконные стекла.

– Ты думаешь, все кончено? – спросила Лика.

– Да, – ответил я. – За нас многое делают машины. Но без человеческих рук и ума все приходит в упадок. Скоро нам нечего будет есть и не во что одеваться. В городах не станет воды и света. Этот чудовищный мир сожрет сам себя. Мы все вымерем или одичаем.

– А эти превращенцы... они ничего не понимают, да?

Я вздохнул.

– Они ленивы умом. И не видят будущего. Жить настоящим моментом – прекрасно. Но это все равно, что быть слепым. Пока у тебя есть поводырь – ты в безопасности. А если ослепли все?

– Давай спрыгнем вниз, – предложила она. – Прямо сейчас.

Я помотал головой и еще крепче прижал Лику к себе.

– Или давай убежим. Куда-нибудь. Все равно куда. Подальше от этих кошек и полукошек. Станем новыми Адамом и Евой. Рич, давай, а? Пожалуйста! Пожалуйста!

Она плакала. Горько и взхлеб, как обиженный ребенок. А я думал о Снежане, оставшейся где-то там, в безумном городе. Моя рука обнимала талию незнакомой девушки. И я чувствовал себя живым, настоящим. Возможно, последним мужчиной на Земле.

Земля – Созвездие Дракона. Седьмой конкурс сказок и мифов

Анси из созвездия Лисички

Марина Юнг

- Бабуль, расскажешь сказку?
- Закрывай глазки, Дашенька, и слушай. В северном полушарии Земли есть далёкое и не очень яркое созвездие Лисичка...
- А лисички там живут, бабуль?
- Живут. Но это не просто лисички. Звёздные Лисы летают вдоль Млечного пути, навещают разные планеты и наблюдают за звёздами. Иногда они даже смотрят на нашу Землю, но недолго – это слишком далеко. Мамы-Лисы следят, чтобы Лисята не засматривались надолго, иначе их захватит голубой вихрь и унесёт на Землю, превратив в обычных лис...

***

Лисёнок Анси слушал маму невнимательно. Ему очень понравилась голубая планета – третья в свите маленькой жёлтой звезды в просвете между Лирой, Лебедем и Пегасом.

– Полетели дальше, Анси, – сказала мама, – ты слишком увлёкся, милый. Если голубой вихрь унесёт тебя на такую далёкую планету, придётся колдовством возвращать тебя домой. А где там взять колдовство? Не знаю даже, живёт ли кто-нибудь в такой глуши...

– Сейчас, мам! Я ещё минутку посмотрю! Видишь, какая она красивая?

– Вижу. Но больше нельзя. Голубой вихрь... Анси! Анси!!!

... Вокруг было что-то мягкое и холодное. Анси пошевелил лапами, потом хвостом. Хвост был пушистым и рыжим. Лисёнок попытался взлететь, но... летать не получалось. Он мог бегать, прыгать, барахтаться в этом белом и мягком. Ему это даже понравилось. Но где же мама?

Ах да, он вспомнил. Мама осталась там, на Млечном пути, а он... выходит, его захватил голубой вихрь и принёс сюда. Так вот какая Земля! Она совсем белая. А казалась голубой. Но белая – это тоже красиво. Вот только... как же вернуться домой?

Он побежал по белому и мягкому, чтобы найти кого-нибудь, кто мог сделать колдовство. Да, мама сказала: «Придётся возвращать тебя колдовством». Значит, надо искать.

Лес закончился, и Анси увидел постройку с двумя рядами окон. Он перепрыгнул через заборчик, подкрался к крайнему окну и осторожно заглянул в него...

***

Мама отвела Анюту на генеральную репетицию утренника. Генеральная репетиция была последней перед представлением и проходила уже в костюмах, чтобы всё было по-настоящему. Как здорово, что все теперь увидят её, лису! И выступать в костюме – совсем другое дело...

Анси смотрел во все глаза. Внутри танцевали какие-то дети, а двое взрослых что-то им объясняли. Одна девочка была не такая, как другие. Она была чем-то похожа на него, Анси. Такие же уши, белая манишка, а из-под оранжевой юбочки выглядывал рыжий хвост. Вот кого надо попросить устроить колдовство! Остальные не поймут его, они же совсем на него не похожи. Вот только как с ней поговорить?

Ему повезло. После репетиции детей вывели погулять во дворик, и Анси, спрятавшись за кустами, дождался приближения девочки. Правда, теперь она почему-то была без ушей и хвоста, но он запомнил её лицо.

Анюта рассматривала птичьи следы на площадке. Подойдя к кустам у самого забора, она вдруг услышала:

– Как тебя зовут?

Она завертела головой, пытаясь понять, кто с ней говорит, но Анси заговорил чуть тише:

– Я здесь, за кустом. Не говори никому! Я Звёздный Лис и застрял здесь, на Земле. Помоги мне, пожалуйста. Ты ведь тоже лисичка?

– Эээ... да. Только в танце.

Анси не знал, что такое «Втанце», но разбираться было некогда.

– Слушай... мне нужно колдовство. Ты знаешь кого-нибудь, кто делает колдовство?

– Знаю, – просияла Анюта, – завтра к нам придёт дед Мороз. А что тебе надо наколдовать?

– Чтобы голубой вихрь вернул меня домой. Так как же тебя зовут?

– Аня.

– А меня Анси.

– Анси? Никогда не слышала такое имя...

– У нас многих лисят называют так, – сказал лисёнок важно. – Потому что Ансер – наша самая яркая звезда!

– Анечка! – позвала воспитательница, – где ты там? Пора заходить!

– Не забудь! – крикнул ей вслед лисёнок, – голубой вихрь должен вернуть домой лисёнка Анси!

Анюта обернулась и серьёзно кивнула ему.

***

Утренник получился весёлым. Хоровод, танец лисички, сказка «Теремок», стихи и песни очень понравились и родителям, и воспитателям, и деду Морозу. Когда дед Мороз раздавал всем подарки, Анюта шепнула ему:

– Дедушка Мороз! Мне надо тебе что-то сказать! Только это секрет...

Дед наклонился к девочке:

– Слушаю!

– Наколдуй, пожалуйста, чтобы голубой вихрь вернул домой лисёнка Анси. Без колдовства не получится. А ему очень надо домой. Наверно, его ждёт мама. Пожалуйста!

Дед задумчиво погладил усы.

– Хорошо. Я постараюсь...

Родители ещё одевали детей и упаковывали подарки в сумки, а дед Мороз вышел во двор и направился к соседнему садику. Внимание его привлёк щенок, неподвижно сидящий на снегу. Он присмотрелся... да это не щенок! Лисёнок? Не может быть. Ах да, он же обещал девочке... что ж, надо попробовать. О таком колдовстве он ни разу не слышал, но... век живи – век учись.

– Голубой вихрь! Отнеси лисёнка Анси домой, к маме! – важно произнёс дед и стукнул посохом по утопанному снегу.

Возможно, ему показалось. Он ведь уже устал сегодня. И не был уверен, что всё это было на самом деле – непонятный голубой вихрь, закружившийся вокруг лиса на поляне, а скорее всего, лис тоже ему померещился, ведь теперь его нигде не было...

***

Анси наслаждался полётом и вспышками звёзд вокруг.

– Мама, там есть колдовство! А ещё там есть девочка-лиса... Только она... почему-то она снимает уши и хвост...

– Как такое может быть?

– Не знаю, мама. А ещё... я думал, что планета голубая. А она белая!

– Белая?!

– Да! Она вся белая, мягкая и холодная!

***

– Бабуля, а девочка осталась лисичкой?

– Нет, Дашенька, это был костюм. А потом девочка выросла и стала мамой...

– А у меня будет такой костюм?

– Конечно. Завтра мама тебе его покажет...

Но этого Даша уже не слышала. Ей снился лисёнок Анси.

Сказка об императрице Сюин

Marara

Каждый год в первый день месяца цветущей сливы мой дедушка Демин Дэшен отпускает на волю своих мотыльков. Такова воля великой императрицы Минчжу Сюин, пра-пра-бабушки нынешней императрицы, лучезарной Гуанхуй Айминь: пока будет светить солнце над дворцом императоров, нам, потомкам мудрого Вэньмин Вэньхуа, суждено жить в хрустальном доме в императорском саду. И у всех нас будет вдоволь риса на обед, вдоволь шелка для халатов и вдоволь золота для жизни. А мы за это растим в хрустальном доме цветастых бабочек. А когда приходит час – отпускаем их на волю: пусть несут счастье и радость подданным наших императоров. Ведь это – верная примета: если бабочка по воле своей опустится на голову ребенка – он вырастет мудрецом; если на плечо – непобедимым воином, если залетит через окно в комнату, в дом войдет удача и богатство.

Эту долгую историю мой дед Демин Дэшен часто мне повторял: всем нужно знать о заслугах своего рода. Случилось это в годы правления великой императрицы Минчжу Сюин, а она не всегда была императрицей. Да – да, она родилась в бедной семье простого садовника, очень далеко отсюда. Все богатство его было в крохотном садике, бедной хижине, терпеливой жене и милой дочери, помогавшей ему растить цветы, а после их продавать. Был он искусным садоводом, но не знал ни письма, ни счета. Семена цветов он покупал у местного торговца Пай Вуана, а выручки за цветы никогда не хватало погасить долги. А когда цветы в садике погибли из-за палящего солнца, Пай Вуан отобрал красавицу Сюин за долги и продал ее работоторговцам, везущим свой товар в дальние края. Девушка была красива и послушна, и хозяева домов увеселений дали бы за нее много денег. Но как-то так вышло, что девушку в чужой стране первым увидел сын императора и она ему очень понравилась. Он выкупил Сюин у торговцев, и вскоре она была лучшим цветком в его сердце; а когда умер старый император, Сюин стала императрицей. Но ни сан, ни роскошь не испортили ее; она была так же мила и непрехотлива, какой бывала в лачуге своего отца. Она никогда ничего не просила, а ведь император готов был ее озолотить: о дворце его слагали песни, так он был роскошен. Всюду яшма и мрамор, а перед входом блестела вода каналов, вырытых в виде иероглифов – имен предков императора. По каналам плавали лебеди, но Сюин редко ими любовалась. Она предпочитала внутренний дворик, который засадила диковинными цветами. Этот дворик напоминал ей о родителях, по которым Сюин тосковала. Во дворик заходил лишь император, да старик Вэньмин Вэньхуа, колдун и травник, которого во дворце не очень любили. Вэньмин Вэньхуа спас когда-то юного императора от болезни, поэтому его терпели. Увидел Вэньмин Вэньхуа грусть в глазах императрицы и стал ее расспрашивать, что ее так печалит. Открыла Сюин

сердце мудрому старику: тоскует он по своим близким, которых она ничего не знает. Родители ее бедны и стары, вдобавок незнатного рода; император не захочет, чтоб кто-нибудь проведал о прошлом его жены. А она, Сюин, все бы отдала, чтоб увидеть своих близких.

– Позволь помочь тебе, лучезарная, – сказал Вэньмин, – ты всегда была добра ко мне, и я хочу отплатить тебе добром. Мне покровительствует дух ночи. Он одарил меня особым волшебным заклинанием. Я не могу воспользоваться им, чтоб изменить что-то в реальности, но могу с его помощью перелететь в любую точку земли. Да и тебя могу перенести на ночь к твоим родителям. Но они будут думать, что ты им снишься; иначе вся колдовская сила меня покинет. И никогда мое заклинание не повторяй!

Расстелил Вэньмин мягкий ковер, посадил на него императрицу и произнес заклинание. И полетел ковер по ночному небу, как ночная птица сова; не успела Сюин опомниться, как оказалась в доме родителей. Видит Сюин, – старики ее совсем обнищали: на столе ни крошки съестного, а в глазах их ни радости, ни надежды. Стала она их расспрашивать, как они живут без нее, а они лишь вздыхают. Завтра, говорят, придет к нам Пай Вуан отбирать хижину; мы уже все что у нас было распродали, чтоб с долгами рассчитаться; в саду и цветка не осталось, одни голые стебли торчат. Хорошо, что ты лишь снишься нам доченька, и о горе нашем не знаешь.

Вернулась императрица домой – сама не своя. Мужу о своей беде не расскажешь, а родных нужно как-то спасать. Кинулась она к Вэньмину Вэньхуа, а тот лишь руками развел: не хочу силы своей лишаться, я и так сделал для тебя все, что мог.

Выбежала Сюин в сад, посмотрела на море любимых своих цветов и разрыдалась: если б вы, цветы мои, смогли улететь к моим родителям, спасти их от нищеты и гибели! Затрепетали лепестки цветов; задрожали они на тонких стеблях. А Сюин, сама не зная как, вспомнила волшебное заклинание Вэньмина Вэньхуа. Обернулись цветы мотыльками, улетели в сад ее родителей, а там вновь обернулись цветами. Срезали старики волшебные цветы, продали. И долги они отдали, и сами разбогатели.

А Вэньмину Вэньхуа императрица, взамен утраченной колдовской силы, подарила стеклянный дом у себя в саду. С тех пор мы растим мотыльков и отпускаем их на волю.

Из тумана и птиц

Джон Маверик

Они шли низким берегом реки. Парень и девушка, совсем юные, брели, оставляя мелкие следы на песке, держась за руки и не глядя друг на друга. Она – в коротком платье цвета моченого льна, он – в таких же шортах и с большой пляжной сумкой через плечо. Закатное солнце, отражаясь от воды, румянило их босые ступни, и голые колени, и склоненные к земле лица. В их пустых взглядах плескались речные волны, а над головами струилось июльское небо дымными шлейфами самолетов, переливами зеленого и золотого, и черными письменами птиц на облачной бумаге.

Они достигли маленького пляжа, белого, как разлитое молоко, и девушка сказала: «Здесь». Парень вытряхнул из сумки шерстяной плед и расстелил у самой кромки воды. Там, где розовые языки заката лизали блестящий песок. Молодые люди немного постояли лицом к реке, словно читая неслышную молитву. Но их губы не шевелились, лица оставались отрешенными и застывшими, и только глаза медленно наполнялись светом. Затем сперва парень, а за ним девушка опустили на плед. И сначала просто лежали рядом, касаясь друг друга локтями, впитывая краски, звуки и запахи. Слушали тихое бормотание реки, дышали ароматом водяных лилий и смотрели, как сквозь блекнущую желтизну неба проступают первые звезды, крупные и прозрачные, как стекло.

89

Потом, как зачарованные, потянулись друг к другу, и теплый вечер укутал их туманным одеялом, укрыл бережно от любопытных глаз встающей из-за горизонта луны, еще прозрачной и красноватой спросонья. Им предстояла долгая ночь – двум юным – ночь Сотворения.

А между тем...

По горному серпантину неторопливо спускались, виток за витком приближаясь к Туманной Долине, три автобуса и две бронированные военные машины. В первой, в числе прочих, ехали майор и священник, хоть и одетые по-разному, но похожие, как братья. Они и были родными братьями, а потому общались запросто, без официоза.

– Пацифисты, говоришь? – усмехался майор, цепко выхватывая взглядом отдельные детали пейзажа: колючие кустики вдоль дороги, серебристо-пыльные деревья и скалистые уступы, усеянные пятнами куцей травы. Красноватое солнце, как мячик, скакало над ними, то выныривая из-за горы, то снова прячась. – Ну, и что? Я и не таких под ружье ставил. Кто их спрашивать-то будет?

– Ты не понимаешь, – возражал священник, – они, вообще не люди, только одна видимость. У них нет души, данной Господом.

Еще один поворот – и под ними, с головокружительной высоты, открылась долина – широкая и залитая светом. Сверкнула широкая лента реки. Над маленькими, как орешки, домиками, клубились завитки тумана.

– Это как? – удивился майор.

– А так вот. Там, где у нас, сотворенных по образу и подобию Божьему, находится душа, у них – всякая всячина.

– Это какая же, – нахмурился майор, – всячина? Ты мне по-простому объяснить можешь, без этих вот образов и подобий? Что с людишками из Туманной Долины не так?

Священник вздохнул и задумчиво поскреб пятерней жидкую бородку.

– Ну, если по-простому, то... Смотри. Господь по воле своей не вложил в них души, значит, на месте этом – пустота. И чтобы ее заполнить, они тащат в себя все, что попадет под руку или на что упадет взгляд... туман, цветы, деревья, облака, реку, птиц перелетных и прочих мелких тварей Божьих... белок, мышей, кроликов... закаты и рассветы, звезды небесные... Любую красоту.

– Чушь собачья.

– Можно даже сказать, что душа у них есть, но не такая, как у нас, человек, а одна на всех – общая, и это душа Туманной Долины. Вернее, это и есть Туманная Долина, как часть единой прекрасной Земли. Вот, как ручейки впадают в реку, а река – в море. Так и селяне эти впадают внутри существа своего в нашу матушку природу. Или, если хочешь еще проще, они – руки, которые Земля отрастила, чтобы возделывать себя и беречь, и глаза, которыми она смотрит на себя самое.

Майор покачал головой, словно стряхивая с нее морок.

– Хватит, хватит... Черт с ней, с их душой. Главное, что руки-ноги у них есть и немного мозгов в черепушке. А большего солдату и не надо.

Священник закатил глаза.

– Сколько раз тебя просил, брат, не чертыхаться.

– Извини, – буркнул майор.

– Вот-вот. Знаешь, как бывает – нечистого помянешь, а он тут как тут. А тело, как ты понимаешь, храм души. Ее внешняя оболочка. Она, душа, то есть, сама строит себе дом. Такой, какой именно ей под стать. А если ее нет, то и дом считай, что из песка. Потому что строить некому. Ковырни его – и он рассыплется в ничто, на составные части, на песчинки, туманы и дожди... Потому что нет в нем главного – скрепляющего цемента...

– Ну и славно, – майор поморщился. – Пусть себе трупы рассыпаются песком. И хоронить не нужно. Меньше хлопот... Стоп, хватит болтать. Приехали.

Их выгоняли из домов, отрывая от мирной вечерней трапезы, и собирали на главной площади перед ратушей. В основном, мужчин, потому что от женщин – один только беспорядок, слезы и вой. А солдаты из них никакие. Не то чтобы военные применяли насилие – молчаливые люди спокойно подчинялись, без криков и брани вставали из-за накрытых столов, покидали свои жилища и шли по улицам... Не как стадо, гонимое на убой, а просто шли. Неторопливо и с

каким-то мрачным достоинством. Чисто умытые и нарядно одетые. Потому что в Туманной долине каждый вечер – праздник. Ужин в кругу родных и близких. Прощание с солнцем... Селяне чтили смерть и возрождение своей звезды. Такая у них была бесхитростная религия. Пройдет ночь, и будет новый день. И золотое светило родится вновь, чтобы дарить ласку и тепло, а после канет в небытие... как и все в этом мире. Любая живая и неживая тварь проходит через извечный круговорот воплощений. Каждый может умереть и возродиться кем угодно – хотя бы и солнцем. Вот во что они верили. Даже не язычники, а, как сказал священник, частицы природы.

Они стояли тесной толпой, все так же молча, под прицелами окруживших площадь солдат. Взобравшись на ступени ратуши, майор взял слово. Он говорил долго и складно – о славной родине и злых врагах, о патриотизме и гражданском долге, о чести и преданности, о доблести и победе. Фразы вылетали из его рта, тяжелые и блестящие, как армейские бляшки, и такие гладко-бессмысленные, что их почти невозможно было понять. Постепенно он и сам уже забыл, с чего начал и к чему ведет. Но это не имело значения. Взгляды селян блуждали – люди смотрели на небо, себе под ноги, друг на друга, обмениваясь мимолетными улыбками... Никто, казалось, не видел майора и не слушал его, но площадь понемногу пустела. Нет, никто не убежал. Им и некуда было убегать. Толпа словно таяла, растворяясь в воздухе, а над серой брусчаткой сгущался туман. Его разноцветные клочки переливались всеми цветами радуги, сворачивались в длинные жгуты и закручивались воронками. Взмывали к деревянному шпилю ратуши стайки птиц, рассаживались по черепичным крышам, и, словно подхваченные ветром пушинки, исчезали в шафранной желтизне неба среди облаков и звезд. Разбегались и прятались во дворах кошки и кролики. От мелких закатных лужиц поднимался розоватый пар. Еще какое-то время майор осыпал патриотическими лозунгами безлюдную площадь, а потом умолк, запоздало вытаращив глаза. Он растерянно оглянулся на брата-священника, но тот лишь пожал плечами, словно говоря: «Ну, я же тебя предупреджал».

Ну, а дальше, конечно же, начался хаос. Поняв, что его одурачили, майор клялся спалить поселок, перестрелять всех жителей, обратить в золу и пепел жалкие домики-орешки. Были его слова пустой угрозой или нет, никто так никогда и не узнал. Потому что раньше, чем он успел отдать убийственный приказ, что-то легонько толкнуло его под сердце – так что моторчик в груди гневливого вояки на несколько долгих секунд замер и перестал разгонять кровь по телу. Это единая душа Туманной Долины просила майора уйти. Пока мягко, но стоит ли злить единую душу?

Он побледнел и запнулся. И слабым голосом велел солдатам рассаживаться по машинам и трогаться в обратный путь. А сам, опираясь на плечо брата, с трудом добрал до своего автомобиля и тяжело взгромоздился на сидение.

Военные уехали. И струился свет по мокрой от тумана брусчатке, извиваясь блестящими змеями и выхватывая из пустоты призрачные фигуры. И

спускались на землю птицы. Возвращались кошки. Падали с неба звезды. И снова, как раскиданные чьей-то злонравной рукой кирпичики лего, собирались в людей – и расходились по домам.

Земля – Созвездие Дракона. Восьмой конкурс сказок и мифов

Не быть драконом

Джон Маверик

Теплой весенней ночью, когда спит всякая живая тварь, кроме кошек, сов и летучих мышей, дракон вышел на берег. Расправил кожистые крылья. Посмотрел на реку. В черной воде отражалась круглая оранжевая луна. А под ее сияющим диском – он сам, но только до плеч, шипастая, увенчанная красивым зеленым гребнем голова на чешуйчатой шее. Маленькие речные волны размывали его облик, расклеывали, как мальки упавшую в реку краюху хлеба. И, ухватив каждая по крошечной частице зеленого, несли их дальше – во мрак.

«Ну что, – прошептал дракон, глядя в глаза себе, отраженному, и крупная слеза, скатившись по щеке, упала на мелководье и превратилась в сверкающий лунный камень, – с днем рождения тебя, несчастный!». Сегодня дракону исполнилось тридцать лет. А завтра он должен был умереть.

Если жизнь написана, то ничего в ней уже не исправить. Это всякий знает. И если кто-то рожден драконом, то обитает он в древнем замке на скале, где у самого порога растет туман-трава и бродят по снежным кочкам облачные барашки. В детстве он питается молочными козлятами и слушает бабушкины советы. Ведь у любого дракона-малыша обязательно есть драконья бабушка, которая учит его уму-разуму. А когда он становится взрослым – то каждое утро ест принцесс. Ну, может, не каждое, а раз или два в неделю, иначе никаких принцесс не напасешься. Иногда он плещется в реке, особенно в жару, или отдыхает на берегу и пьет из речки студеную воду. Иногда летает, но не очень высоко, чтобы случайно не повредить небо своими жесткими крыльями. А через три десятка лет приходит рыцарь-герой, и, подкараулив бедолагу на водопое, убивает мечом.

– Так устроен мир, – говорила нашему дракону бабушка, – и, в конце концов, не мы его таким придумали.

– А если я спрячусь, – возражал тогда еще маленький дракончик. – Если я в тот день не пойду пить?

– Пойдешь, а куда ты денешься, – удивлялась бабушка. – Все идут – и ты пойдешь. Встанешь утром, позавтракаешь принцессой и отправишься на речку. А там рыцарь в латах и на добром коне – раз, и срубит тебе голову. Ты даже охнуть не успеешь. Никто не спрячется от судьбы. Так случилось с твоим папой, и с твоим дедушкой, и с папой твоего дедушки...

– А это больно? – не отставал дракончик.

Бабушка пожимала плечами.

– Откуда я знаю? Мне никогда не рубили голову. Но я и принцесс не ем... А ты, внучек, должен поторопиться и до этого срока найти себе подружку. Когда тебя убьют, она отложит яйцо в горячий песок, будет его стеречь день и ночь,

не смыкая глаз. И через полгода из этого яйца появится новый крошечный дракон – твой сын. И вся история повторится.

– А зачем? Бабушка, зачем? – спрашивал он сквозь слезы.

Но у той на все был один ответ:

– Потому что так надо! Не ты первый и не ты последний. До тебя тысячи прошли этой дорогой – и ты пройдешь. Куда ты денешься?

И дракон понимал, что деваться некуда, но только отчего-то у него не складывалось, как у всех. Подругу он так и не нашел. Ему, вообще, не нравились драконихи, грубые и неуклюжие, а только принцессы. Хрупкие волшебные создания, они точно светились изнутри. Их платья, пенистые, как облака, пахли горными цветами. Принцессы все время плакали, умоляя их пощадить, отчего глаза у них краснели, а лица покрывались яркими розовыми пятнами. И все равно дракону эти чудесные девушки казались очень красивыми и трогательными. Особенно последняя. Большеглазая, с прозрачной кожей, с волосами, как лебединое крыло, и с талией, тонкой, словно ивовый прутик, она выглядела такой беззащитной, когда, рыдая, целовала его когтистые лапы.

– Дракоша, милый, хороший, – голосила принцесса, – пожалуйста... сжался надо мной! Я не хочу умирать!

«Дурочка, – беззлобно думал он, – как будто я хочу. Но ничего не поделать, завтра я съем тебя, а потом пойду к реке и буду убит».

94

Он бы с радостью оставил ее в живых, но знал, что не сумеет справиться с проклятым голодом. Вечером дракону еще как-то удавалось совладать с собой, но стоило ему увидеть принцессу с утра пораньше – и желудок его словно скручивался жгутом. Заглушить эту боль могла только очередная порция еды, а есть он не мог ничего другого, кроме красивых белокурых девочек.

Вот если бы перенестись в одну из бабушкиных сказок! Все драконьи бабушки – мастерицы рассказывать. А у нашего была мастерица из мастериц. Для своего любимого внука, маленького дракоши, она сочинила удивительный мир, в котором принцесс можно было не есть, а любоваться их нежной красотой. И рыцари не размахивали острыми мечами, а бродили по лесам, собирая грибы и ягоды, строили дома или сажали капусту на своем огороде.

– Бабушка, – спрашивал он печально, – почему нельзя, чтобы у нас как в сказке? Почему мы или слишком добрые, или слишком злые, и не можем просто любить друг друга?

– То сказка, а то жизнь, – вздыхала бабушка.

Она была старой и мудрой и прекрасно знала, что у мироздания нет ответа на все эти «почему», а только раз и навсегда установленный порядок. А кто его установил, когда и для чего, о том ни дракону, ни человеку задумываться не надо.

«Ах, бабушка», – скорбно прошептал дракон и неловко смахнул слезу широким крылом, и та, лучась мягкими пастельными красками, скользнула в траву и притаилась в ней лунным светлячком. Старушка-дракониха уже лет

пять как покинула страницы этой грустной книги под названием жизнь. А ее душа... никто не ведает, куда отлетают после смерти крылатые драконьи души. Может, уходят в землю, чтобы потом прорасти цветами, обратиться деревом, озером, родником, птицей или зверем. Или возносятся в небо, становясь лучами, бликами, тучами или огненными частичками луны... А может, возвращаются к началу, снова рождаясь драконами или людьми.

Наверное, это хорошо, думал он, и даже справедливо. Но сколько книгу ни листай из начала в конец, ничего нового в ней не прочтешь. Он больше не хотел быть драконом. И принцессой тоже – потому что не желал быть съеденным. Да и героем – ему не нравилось убивать. Других персонажей он в своем мире не встречал, только второстепенных и неживых, вырезанных из картона. Разве что родиться вновь драконьей бабушкой? Да, пожалуй, бабушкой он не отказался бы стать. Сочинять сказки и записывать их в небе – ведь у драконов сроду не водилось бумаги и чернил.

Он запрокинул голову. На темно-сером, словно шелковом, небосклоне ярко пламенели разноцветные буквы. Большие и маленькие, острые и округлые, всевозможных – и даже самых невероятных – оттенков, они сплетались в длинные витые цепочки. Будто змейки, кусающие друг друга за хвосты. Слова складывались в строчки, строчки – в истории. Столько смыслов! Столько сказок! И каждая, подумал дракон, может для кого-нибудь оказаться правдой. Только не для него.

95

Разглядывая буквенные гирлянды, он вдруг заметил, что у самого горизонта, там, где слегка розовела бледная рассветная полоса, у неба завернулся краешек. Дракон протянул лапу, чтобы поправить, но... случайно зацепил тонкую ткань когтем. Испуганный, он потянул за уголок, невольно расширяя дыру, и буквы посыпались с небосвода, как горошины. И сам он, не удержавшись, опрокинулся в нее и очутился... Он и не понял, где очутился.

И вроде бы все осталось по-прежнему, и в то же время стало по-другому. Та же река, черная и зеркальная, текущая в пологих берегах. Та же луна в воде – плоским оранжевым блином. Но в первый момент дракону почудилось, что земля и небо поменялись местами. Потому что над головой у него теперь горели не буквы, а драгоценные камни, а под ногами росла туман-трава. И он стоял на этой росистой траве босиком, держа в руке какую-то палку, один конец которой склонялся к воде. Там, в реке, что-то маленькое, бело-красное, плясало на волнах, ныряло и трепыхалось, не в силах ни утонуть, ни уплыть по течению, словно было привязано.

Вот оно задергалось, заколотилось, как муха в паутине, потянуло на глубину... От неожиданности дракон чуть не выронил палку.

– Эй, – раздался позади него голос. – Ты что, ворон считаешь?

– Нет, – ответил он удивленно и обернулся. – Ворон я не считаю.

Перед ним стоял рыцарь, правда, без меча и доспехов.

– Чего зеваешь, говорю? У тебя клюет! Или нет... Клюет же, ну!

– Где? – изумился дракон.

Он решил, что рыцарь имеет в виду какую-то речную птицу, но сам ее не видел, поэтому клюет она или нет, сказать не мог.

– Дай сюда, растяпа!

Секунда – и огромная серо-голубая рыбина забила на траве. Рыцарь ловко снял ее с крючка и опустил в полное воды большое ведро.

Ловить рыбу оказалось весело. А еще, слушать болтовню рыцаря, который, как выяснилось, сочинять небылицы умел не хуже бабушки. Правда, дракон почти ничего не понимал в этих бесконечных: «а моя-то вчера...», но он слышал главное – с ним говорил друг. Не враг, не убийца... Друг! И это походило на чудо – он словно каким-то удивительным волшебством перенесся в мир бабушкиных сказок. И только боялся, что все окажется сном. И старался крепче держаться когтями за землю. Хотя когтей-то у него больше и не было! Да и зачем они нужны, если вокруг друзья, а не враги.

И пока они так беседовали – вернее, пока рыцарь рассказывал, а дракон – слушал – на небе уже всю разгорелся огненный рассвет. Он разметался во весь горизонт хвостом гигантской жар-птицы, поглотил и реку, и берег, и сухой тростник вдоль воды, вспыхнувший холодным золотым пламенем. Дракон испугался, что они сейчас и в самом деле сгорят – эти хрупкие заросли, и даже заметил, как из самой их глубины поднимается дым... но это оказались облака. Легкие, слоистые, переливчатые, как рыба чешуя. День обещал быть хорошим. И небо вдруг заголубело и стало таким высоким, что не то что лапой или хвостом – и взглядом до него не дотянуться. И не упасть в него больше, и не нырнуть – утонешь...

А потом дракон вернулся домой, но не в замок, а в самый обычный кирпичный дом на краю поселка. И навстречу ему вышла принцесса – та самая, последняя, которую он не успел съесть за завтраком. Белокурая, нежно-розовая и сияющая, как драгоценная жемчужина. Только она больше не плакала, а улыбалась. Дракон застенчиво протянул ей ведро с рыбой и сказал:

– Привет.

Он еще боялся, что не выдержит и все-таки съест ее... Но из кухни потянуло вкусным запахом свежезажаренных тостов, и хорошего кофе, и яичницы... А красота принцессы вдруг пробудила в драконе совсем другой голод, и он привлек ее к себе, эту тонкую девочку, и обнял крепко-крепко... А она и не возражала.

Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено – 2

Белиберда
Ninzy

А у нас, в сказочной стране, всё так же, как и везде: бывают и пробки на неведомых дорожках, и аварии в час пик, и зайчиков на трамвайчике можно встретить. По утрам все сказочное население на работу валит – каждый в свою сказку. Поэтому и остановки называются очень живописно: «Теремочная», «Медведково поле», «Гусино-Лебединая пустошь», «Кашеевский замок», «Бабушкинские пирожки» и т.п. Сам-то я сказочник, а значит все эти пункты знать должен – на каком что происходит и кто где сходит.

Вот и в этот раз, подъезжая на красном трамвайчике к «Дальней сорочьей» перебирал в уме сказки, в которые сороки затесались. А о чём ещё думать? До моей работы, ГСУ (Главного Сказочного Управления), ещё ехать и ехать, чего время зря терять. Вдруг трамвай зазвенел и встал. Из кабинки выскочила Беладонна – крупная женщина, одетая в форменную жилетку яркого оранжевого цвета. Когда всем известный поросёнок Фунтик подрос и открыл с братьями строительную фирму, Белладонна закрыла цирк и устроилась вагоновожатой, но страсть к выступлениям не поборолась. При каждом удобном случае выбегала в салон с блестящим микрофоном, похожим на большой чупа-чупс в стразах, и сочным басом пела пассажирам о происходящем. Этот раз не стал исключением. Вагон наполнился волнительными руладами: «Послушайте, гитарю я-аа, что на путях авария-аа, машина представителя-аа вписалась в потребителя-аа!» . Пышнотелая дива набрала в грудь воздуха (от чего её жилетка грозно затрещала) и продолжила томно завывать: «Беспечные водители-ии друг друга не увидели-ии, покуда не помирятся-аа, то с места нам не сдвинуться-аа».

Раздосадованные пассажиры неторопливо покидали салон, направился к выходу и я. Не успел шагнуть со ступеньки, как кто-то сильно толкнул меня в спину и я пробкой вылетел из дверей трамвая и, по инерции, пробежал несколько шагов, едва удержавшись на ногах. Полный возмущения я резко обернулся, ожидая встретиться взглядом с каким-нибудь невоспитанным ухарцем-богатырем, но со ступеней красного трамвайчика лениво сходил сухопарый старичок – бывший почтальон Печкин. Вообще-то он всегда был вредным типом, а с тех пор, как «двое одинаковых с лица» угнали у него велосипед, а почту перевели в электронный вид, совсем с катушек съехал. Он стал целыми днями слоняться по сказочному городу изображая туриста и не упускал возможности кому-нибудь напакостить: толкался, ставил подножки, подкидывал в сумочки принцесс лягушек-квакушек и мышек-норушек... Он так увлекся своим вредительским хобби, что совсем не следил за внешним

видом – ушанка на его голове совсем сваялась, а на плаще осталась всего одна жёлтая пуговица, и та висела на тонкой грязной ниточке, готовая вот-вот сорваться. И куда смотрит мадам Шапокляк? Говорят они очень сдружились и по вечерам, за чашкой чая, ведут подсчеты – кто больше гадостей сделал за день. Пока я глубоко дышал от возмущения, Печкин, ехидно и беззубо осклабясь, очень довольный собой, прошествовал мимо, приговаривая: «Слава Богу, мы свободны».

«Вот тролль!» – тихонько ругнулся я и двинулся вслед за престарелым безобразником к толпе зевак, окруживших участников ДТП. Оказалось, что один из нарушителей – муж Дризеллы, начальницы отдела сказочных кадров, моего босса. Бедолага вёз на работу спесивую супругу и за постоянными упрёками не заметил помеху справа.

Начальница же, как ни в чём не бывало, выйдя из покорёженной машины, поймала на лету пушистую метлу, с шашечками такси на черенке, и упорхнула. А я поплёлся к остановке жёлтого автобуса.

На работу я приехал с опозданием. Дризелла, хищно улыбаясь, ждала меня на входе с чернильницей и гусиным пером. Мне, как злостному нарушителю дисциплины, было приказано написать в стихах объяснительную: почему я регулярно опаздываю на работу.

98

Объяснительная прилагается:

«Согласен – наказанья не минуть!
Но я проснулся раньше первых пташек,
Гимнастикой, в пижамном трикотаже,
позанимался несколько минут.
Затем побрился острым топором,
на завтрак кашу стряпал из него же....
Я знаю – мне по статусу негоже.
Доел не всё, оставил на потом.
На остановку «Волчья благодать»
бежал бегом, но долго ждал трамвая.
Спешить смешно, я это понимаю,
но очень уж боялся опоздать.
Мне по пути попался сена стог,
Емеля на печи и неотложка.
Люблю сидеть в трамвае у окошка
и наблюдать коллизии дорог.
Я был уже на финишной прямой,
но, разогнавшись, два автомобиля
в аварию внезапно угодили

и перекрыли путь к работе мой.
Из сломанной машины в тот же час
на мостовую, поправляя плащик,
легко ступила ножкою изящной
принцесса, так похожая на вас!
Ослеп я от кудряшек золотых,
чуть не задохся от восторга шквала.
Не знаю сколько времени промчалось
пока пришел в себя от красоты.
И вот, увы, немного опоздал.
Прошу пARDону. Больше так не буду,
хоть то виденье в жизни не забуду,
клянусь повысить свой потенциал».

Пока вредина Дризелла читала мой оправдательный мадригал, её маленькие глазки довольно щурились, а бледные щечки розовели. На какое-то мгновение она в самом деле стала симпатичной, но быстро справилась с мимолётной слабостью, поскрипела зубами и, погрозив мне тонким кривым пальчиком, скрылась в роскошном кабинете.

Наконец я добрался до своего рабочего кресла, уютно угнездился в нём и задремал. Мне снились Беладонна и Дризелла. Они никак не могли поделить яркую жилетку и решить кто поведет красный трамвайчик. Вокруг них носился беззубый Печкин с висящей пуговицей, и, как семафор, махал длинными руками, указывая им путь. Трамвайчик, звеня и погромыхая, летел на всех парах прямо на проходную завода «Белиберда».

Земля – Созвездие Рыси. Первый экспериментальный конкурс прозы

Неспетая песня
Елена Картунова

– Эх! Жизнь моя жестянка... А ну её... в болото. Живу я ка-ак поганка! А мне лета-ать, а мне лета-ать, а мне лета-ать охота! – разносилось над чернильной гладью ночного пруда.

– Совсем с ума сбрендил старый, – расчёсывая серебристо-зелёные волосы, произнесла речная дева.

– Дедой Вовой заставляет себя называть, – откликнулась другая, заплетая себе косу. – В люди, что ли, решил податься? Так не примут ведь.

– Не в этом дело! Главное – за порядком перестал следить. Река зарастает. Лягушки с пиявками совсем обнаглели, – раздался плаксивый голосок третьей, самой младшей.

– Интересно, а зачем он имя себе такое странное взял? – задумчиво проговорила четвёртая из подруг, вертя в руках зеркальце, оброненное какой-то туристкой.

– Да кто его знает?! Заболел, наверно, – отозвалась первая.

100

А гнусавые завывания Водяного не прекращались.

– Нет... с этим надо что-то делать! Надо к Яге идти за советом, – простонала вторая.

– Может, сейчас и сходим? – одновременно озвучили одну и ту же мысль речные красотки...

И четыре стройных силуэта углубились в чащу леса.

– Да... странное дело, девки, – проговорила Яга, выслушав жалобы на Водяного. – Такого ещё в моей практике не было. Да и подобной болезни я что-то не припомню.

– Может, зелье какое есть... усмирительное? – с надеждой спросила серебристозеленовласка.

– Зелье-то есть. Да ваш патрон ничего, кроме местной ихтиофауны, не употребляет.

– Он теперь вообще ничего не ест. Отоща-ал, – горестно вздохнула младшая.

– Говорит, художнику легче летать.

– Сначала крылья у гусей выпрашивал. Те отказали. Теперь перья собирает, – добавила дева с зеркальцем.

– Тоже мне... Дедал нашёлся, – хмыкнула Яга, взглядываясь в магический шар.

– Нет... тут дело серьёзное. Надо Совет собирать.

На Совете присутствовали Яга, Леший, Кикимора, Кощей, Змей-Горыныч и известные уже нам русалки.

Яга изложила проблему. Кощей нахмурился. Горыныч искристо фыркнул. Леший охнул и крикнул, а Кикимора захихикала и поведала о том, что всем головы заморочила незнакомая лягушка. Плюхнулась с неба в болото и принялась рассказывать аборигенам, что путешествует на утках. А слухи-то быстро разносятся. Вот у старика и съехала крыша на почве фантазий о полётах.

- Пришлую ликвидировали? – деловито поинтересовался Кощей.
- Да. Цапля отобедала, – с готовностью сообщила болотная дама.
- М-да... Но вирус-то сумасшествия остался, – изрекла Яга.
- Ещё как остался! – подтвердила Кикимора. – Даже головастики пытаются теперь раньше времени из воды выскочить, всё в небо целятся.
- Понятно, – буркнул Кощей. – А что там насчёт крыльев?
- Деда Вова собирает по пёрышку... и травинками их привязывает к ивовым прутьям, – отчиталась младшая из русалок.
- Деда Вова! – с отвращением проговорил Горыныч. – Ишь, чего выдумал? Деда Вова... Тьфу.

Кикимора снова захихикала:

– Да какой там деда Вова?! Это Болотный Дух всё перепутал, когда передразнивал наших местных квакушек. Они же восторженно орали новенькой «диво-дева, давай!», мол, продолжай полёты! Та вот, Дух вырвал куски слов и сложил их как попало Получилось – «ди-де-да-во-ва-вай». А ветер разнёс это безобразие по округе.

Водяной же от старческой тугоухости, уловил только «де-да-во-ва» и решил, что так летунов зовут. Вот и приклеил имечко себе... Так всё и было. Я в этом убеждена, – завершила разоблачающую речь болотная дама.

– Э-эх! – грустно протянул Леший. – Имя... Лягушка – это дело десятое. А где истинные истоки страсти?... Тут глубже копать надо. Тут неспетой песней пахнет... Помню... давным-давно, когда Водянка ещё пузырьём был, а я – зелёным... мы часто общались. Так он уже тогда мечтал взлететь. Всё ветра дожидался подходящего.

– Да ну?! – удивился Горыныч. – Тогда надо нашему одержимому дать возможность воплотить идею в жизнь. Пусть вяжет свои крылышки. Как только будет готов к полёту, я его подниму повыше и отпущу. И допоёт страдалец свою неспетую песню. А в самый последний момент я этого птица поймаю, чтоб не разбился.

Русалки ахнули и схватились, кто за голову, кто за грудь.

– Страшно-то как! А, если что?! – заскулили они на разные голоса. Но остальные зааплодировали и решили дождаться полной готовности крыльев.

И вскоре этот момент наступил. Исхудавший Водяной с лихорадочно горящими глазами водрузил на спину доморощенное орудие полёта, и русалки крепко примотали крылья к рукам новоиспечённого покорителя высот водорослями.

– Готов? – спросил Горыныч, тихо ухмыляясь всеми тремя головами.

Леший тут же прослезился, Яга взглянула на будущего летуна с ужасом и жалостью. Пиявки и лягушки присмирели, таращась во все глаза.

– Готов, – прошептал Водяной срывающимся от волнения голосом.

– Тогда поехали!

И могучие лапы обхватили тело экстремала.

– Деда Вова! – в отчаянье закричали русалки и замахали руками вслед улетающим.

И вот Горыныч, кругами набирая высоту, вскоре превратился в тёмное пятнышко в сияющем безоблачном небе. А потом все увидели, как от ящера отделилась стремительно растущая точка. Водяной, нелепо взмахивая рассыпающимися крыльями, летел строго вниз. А по пятам – мчался Горыныч, отсчитывая секунды свободного падения выпущенного из лап тела.

Но когда наблюдатели, не выдержав душераздирающего крика, прикрыли уши и глаза, довольной ящер, подхватил падающего и, в паре метров от земли бросил его в заранее приготовленную кучу травы. А сам приземлился немного поодаль.

Присутствующие тут же окружили тело, утонувшее в зелени, где речной романтик заливался слезами то ли от счастья, то ли от разочарования.

– Ты как? – поинтересовался Кощей, всматриваясь в бледное лицо Водяного. Тот в ответ, судорожно всхлипнул и с трудом изобразил улыбку.

– Ну что... допел свою песенку? – пролепетала Яга, держась за сердце. Водяной только слабо шевельнул губами.

– Ещё полетишь? – вкрадчиво поинтересовался Леший. Владыка реки, продолжая плакать, отрицательно помотал головой. А радостные русалки бросились обнимать своего вернувшегося защитника и покровителя.

Через некоторое время, оправившись от пережитого, Водяной с азартом принялся за речные дела. Навёл порядок, набрал вес и повеселел. Но прозвище деда Вова так и осталось, как память о необыкновенном приключении.

Завтра

Римма Щемерова

Какое противное слово «Завтра»! А как до него дожить?! Это ведь целый день маяться, думать, хотеть и бояться.

Завтра у неё большой день: 1 раз в первый класс! И самое главное: Мариванна, их будущий классный руководитель, выбрала именно её – Леночку для первого звонка. Именно её, кудрявую белокурую куколку, как называла её мама, плечистый старшеклассник пронесет на руках по всей площади школьного двора со звонким колокольчиком в руках. Мимо всех первоклашек, которых будет почти не видно из-за лохматых ярких букетов, мимо девчонок, которые будут с завистью провожать её взглядом, рассматривая шелковистые кудряшки, нарядные гофрированные белоснежные банты и модные блестящие белые туфельки. Леночка просто не могла сидеть спокойно: она одевалась в парадную форму и крутилась перед зеркалом. Представляла себе как поднимет над головой, над всей толпой золотистый колокольчик с красным бантом на шейке, и он будет раскачиваться и звенеть...

Мама утром была очень недовольна: платье, которое дочь примеряла уже раз двадцать, уже помялось, кудряшки распрямились, бантик распоролся и из его «бутона» вытянулась белая помятая ленточка. Туфельки лежали в разных углах комнаты.

104

Леночка, которая не могла заснуть до часу ночи, теперь не может проснуться и выглядит просто измученной.

Но мама Лены – настоящий боец! Она мигом унесла дочурку и подставила под холодную струю.

– Бррр! Мама, что ты делаешь?! Я никуда не пойду! Не хочу уже. Посмотри, какая я стала некрасивая. Все увидят. Я боюсь!

Но мама в момент привела в порядок всю нарядную одежду дочери, починила бант, высушила феном её кудряшки и завила ей хвостики в такую крутую спираль, что Леночка прониклась и решила собраться с духом и взлететь всё же над толпой.

Но день, который ещё вчера называли противным словом «завтра», исправляться не желал. Вконец испортилась погода, полил дождь, задул ветер. Как ни берегли Леночка и мама драгоценную причёску, но она всё же «потекла», ленточки обвисли, форма намокла, несмотря на плащ и зонт. Противный ветер задувал струйки дождя прямо под его разноцветный купол. Линейку перенесли в спортзал. Леночка, пока стояла, чуток подсохла, банты бодро топорщились, кудряшки от маминой плойки развились, но волосы у Лены вились и сами по себе. Правда не так гладко и красиво. Это были буйные кудри, которые лохматились, как только намокали, и привести их в приличный вид было уже почти невозможно.

Мама стояла позади ребячьей стены и тихо страдала. Столько трудов! А её принцесса выглядит жалко.

Леночка оглянулась на маму. Мама тут же изобразила бодрую улыбку: «Держись!» Как-никак, но её сегодняшняя роль – важная миссия!

И вот – время первого звонка. Ну как она пойдёт?!!

Но девчушка упрямо мотнула головой, так, что банты взлетели, как звёзды салюта, подняла руки, чтобы покрепче угнездиться на плече огромного парня. Она боялась смотреть по сторонам. Мариванна удивлённо посмотрела на хмурую ученицу, глаза которой метали искры, но ничего не сказала. Только протянула ей большущий колокольчик.

Ой, мамочка!! Какой он оказался тяжёлый!!! Он чуть не выпал из маленькой ручки. Леночка схватила его двумя руками и с суровым лицом замотала из стороны в сторону.

Это был не последний сюрприз коварного «завтра».

Колокольчик, видимо за много лет отработавший свою звонкую жизнь, развалился на 2 части. Колокол скатился вниз, а в руках Леночки осталась только его рукоятка. Все остолбенели. Повисла тишина.

Праздник горел синим пламенем. Но Леночка, как и её мама была настоящим бойцом. Она замотала ручкой колокольчика над собой и во всю мощь закричала своим звонким голосом: «Динь, динь, динь!»

Ребячий хохот всколыхнул стены спортзала. Смеялись и учителя, и родители. И даже мама Леночки, которая старалась сдержаться до последнего, прыснула в кулак.

Леночка смотрела на это хохочущее море и вдруг ей самой стало смешно. Она залилась смехом как настоящий колокольчик, потому что поняла, что она – победила, сумев сделать хмурый день праздничным.

Приснись!

Милана Секоненко

– К тебе, Баба Яга, – с порога заявила, запыхавшаяся от долгого бега по лесу, кикимора, – за помощью. Племяннице Елене Прекрасной уже двадцать годочков стукнуло. Замуж пора, а всё капризничает, принца на белом коне ждёт. Все знакомые царевичи сватались, никто не по нраву. Кланяюсь в пояс, помоги!

– А что дашь-то за помощь?

– Вяленых мухоморов мешок и кадушку маринованных, дурмана сушёного тюк, мешочек семян вьюнка, а белены, сколько возьмёшь, – ничего не жалко!

– Нда... дело мудрёное, но поспособствую. Мужик только пошёл нынче особенный... слабый, женственный, до денег охочий, а к бизнесу неприспособленный. Чуть сведёшь его с кем, а он через неделю либо разводиться собирается, либо всё на бабьи плечи перекладывает. Пошлю-ка с тобой кота Баюна помощником. Он мастер песни петь, сны навевать и голову дурить. Да вот ещё, бери зеркало серебряное с яблочком наливным, гребешок заговорённый, гусли-самогуды и лапоточки новые лыковые.

106

– Батюшки! Лапти-то зачем?! Нам царевича надобно, а не безродного.

– Бери и не ерпенься. Рецепт сейчас на принтере в избушке распечатаю, да не перепутай там ничего. Отправляйся в моей ступе. В багажный ларь вещи уложи. Береги пуще ока транспорт, запчасти нынче дороги и доставать их из-за тридцати земель сложно стало.

Сели Кикимора и Баюн в ступу и полетели через поля, через леса в столичный город, в самый центр, туда, где те'ремных небоскрёбов богатеи понастроили. Отправились, правда, на опушку, где оставшаяся кое-где старая застройка теснилась. Залетели к Елене Прекрасной прямо на балкон. Темно уж было, но габаритные огни быстро погасили, неровён час дорожная полиция заявится, оштрафует за парковку в неположенном месте.

Племянница как раз недавно с работы возвратилась: в частном детском саду хороводы водила с отпрысками царевичей-королевичей. Детишек к ним в «Солнышко» не мамки-папки, а водители на автоступах доставляют или даже в автокарементах заморских.

Елена Прекрасная чайник для гостей скоренько поставила, по гаджету доставку пирогов заказала. Сидят, чаёвничают. Тётя Кикимора потихоньку

речь начала вести о цели визита. Племяшка отмахивается: рано ей о женихах думать. Тут кот Баюн дело в свои лапы решил взять. Ластится да мяукает, зубы заговаривает. А Кикимора гребешок девушке протягивает: смотри, мол, какой подарок тебе троюродная бабушка Яга послала. Девица не долго думая гребень к косе приладила, а тут и зеркальце волшебное на столе очутилось. Тётушка просит: посмотри, может, суженый-ряженный покажется. Да яблочко на зеркало кладёт. Яблочко и покатилося по кругу быстрее и быстрее, цветные клипы показывает: мо'лодцы поют, танцуют, читают, жуют, пьют, в игры рубятся – словом, мелькают перед очами один другого краше.

Долго ли коротко, но и спать пора ложиться. Это у кота каждый день выходной, Кикимора на пенсии, а у Елены завтра рабочая пятница. Яблоко вдруг зависло на чьём-то портрете, значок «оффлайн» в зеркале загорелся. А у Елены Прекрасной глазки сами собой закрываются. Легла красавица в постель, кот Баюн в ногах с гусями устроился, колыбельную «вживую» исполняет: «Приснись, кс-кс; приснись, кс-кс!» Вскоре сладко заснула девица. Тётушка из котомки липовые лапти достала, да аккуратно так под край подушки засунула, с другой стороны гребень подаренный подложила. А яблочко к себе в котомку, как мышка-норушка, спрятала.

Утро вечера мудренее. Что полторы тысячи лет назад, что сейчас. Вот и Елена проснулась в приподнятом состоянии духа. Лаптям под подушкой удивилась, конечно. Повертела так и эдак, да рядом с подковой Конька-Горбунька на стенку повесила. Гребнем льняные волосы расчесала, заплела косы. Розовый солнечный свет в комнате каждый уголок заполнил. На комодке зеркало вчерашнее поблескивает, но без яблочка на «онлайн» не переключается, а сам фрукт исчез. Так и «завис» портрет паренька ладного, симпатичного. Тут вспомнила Елена Прекрасная, что снился он ей всю ночь.

К тому времени гостей след простыл. Только записка рядом с кашей да свежеиспечённым пирогом лежит, а в ней говорится о том, что срочно в лес возвращаться им надо.

Заторопилась Елена Прекрасная на работу, в свой дорогой во всех смыслах детский садик: детишек с книжками знакомить, дружбе и доброте учить, на отечественных мультиках и сказках перевоспитывать. В её группу новенького привели, сына принца и принцессы настоящих. Только вот родители нового воспитанника улетели на огромном личном ковре-самолёте в края дальние, то ли на золотом песке позагорать, то ли, наоборот, подзаработать на нём, в общем, отдохнуть. Молодо-зелено. По бутикам недоходили, по дискотекам недогуляли, наверное. Малыша нянькам оставили. А те мальчика водителю Ивану перепоручили доставить в сад. Елена Прекрасная глядит: а Иван – тот самый, из зеркала зависшего да из её сна девичьего. Красавец богатырь,

надёжный, работающий, на все руки мастер. Простой, но сразу видно, что не лаптем щи хлебает. Девица краса, длинная коса тоже сразу приглянулась бравому молодцу. А может, тоже во сне видал.

На свадьбе кого только не было. Русалки, лешие, водяные, всех не перечислишь. Меня тоже пригласили, за стол усадили, всем, что было, угостили. Всё пила и ела, а от мухоморов отказалась.

Земля – Созвездие Рыси. Второй экспериментальный конкурс прозы

Желание петь

Midav

Закончились три дня трудных переговоров, я проводил на самолет своих, видимо, будущих партнеров, зашел в аэропортовское кафе, чтобы выпить кофе перед тем, как отправиться назад в офис, с трудом нашел свободный столик, расположился, сделал первый глоток, вытащил из кармана смартфон и углубился в чтение свежей почты.

– Позвольте? – прозвучал над моей головой голос.

Поднял глаза – у моего столика стоял высокий, стройный мужчина. На вид ему было лет пятьдесят с «гаком». Одной рукой он придерживал за выдвигающую ручку небольшой чемоданчик на колесиках, во второй была чашка кофе. Он, вопросительно приподняв брови, указывал взглядом на свободный стул у моего столика.

– Да, конечно, – утвердительно кивнул я и вернулся к чтению письма от китайского поставщика.

Мужчина сел, не спеша размешал сахар в своей чашке, при этом я чувствовал, что он разглядывает меня.

– Володя? Смирнов? – тихо спросил он.

Я вздрогнул, поднял голову, внимательно посмотрел на соседа по столику. Что-то отдаленно знакомое мелькнуло в его облике, но ничего конкретного память не подсказала.

– Мы знакомы?

– Не узнаешь? Я – Кунцевский. Аркадий, Аркан.

Конечно! Это был Аркашка – мой бывший одноклассник:

– Привет! Не узнал бы, если бы не сказал! Обалдеть, сколько лет-то уже прошло?!

– Сорок один, – усмехнулся он. – Тебя-то ни с кем не спутаешь.

Аркадий приложил палец к своей левой брови и кивнул на меня.

Да, ярко красное родимое пятно в виде сердечка над моей бровью – такой отметины, наверное, никто больше в мире не имел, меня легко узнать по ней и через сто лет. Именно это пятно было причиной моих прозвищ в детстве: и «червивый», и «туз». Второе мне нравилось больше. Я и свою компанию, которую учредил уже более двадцати лет назад назвал «Проект ТЧ».

– Прилетел? Улетаешь? – кивнул я на чемодан Аркадия.

– Улетаю домой, – улыбнулся он, посмотрел на часы, – через сто двадцать три минуты.

– Какая точность!

– Немцы приучили к пунктуальности, даже педантизму.

– Ты в Германии? Вроде, в Израиль уезжал. Когда это было? Ах да, ты же в конце десятого класса уехал. Это...

- Весна семьдесят восьмого. Перед выпускными мы уехали. Попали в перевалочный в Вене, а там отец как-то добился перенаправления в Германию. Так и попали туда.
- А здесь какими судьбами?
- К дальним родственникам матери приезжал. Да и просто погулять по местам детства.
- Какое-то время вспоминали школу, одноклассников, про судьбы которых я, естественно, знал больше. Аркадий внимательно слушал, расспрашивал, радовался или сокрушенно кивал головой.
- А ты сам-то как? – спросил он.
- У меня, тьфу-тьфу, все хорошо. Своя компания, производим научное оборудование, торгуем по всему миру.
- Семья?
- Сын уже совсем взрослый, два внука есть.
- Жена?
- Она умерла.
- Извини! Мои соболезнования!
- Спасибо. Но это уже давно было, больше десяти лет назад. А у тебя как дела? Вид преуспевающий.
- Работаю в Университете. Преподаю, научная работа. Вот детей нет.
- Женат?
- Нет. Был. Давно. После Университета женился. Прожили одиннадцать лет, как говорится, детей Бог не послал. Потом разошлись.
- Больше не женился?
- Нет, – тяжело вздохнул Аркадий.
- Помню по школе, за тобой всегда девчонки бегали, – улыбнулся я, – неужели, что-то изменилось? Неужели никого не смог выбрать?
- Выбрал. Точнее сказать судьба мне ее, наверное, выбрала. Раз и, как оказалось, на всю жизнь.
- И?
- Судьба, видимо, когда выбирала не все предусмотрела, не все просчитала, – горько усмехнулся Аркадий. – Все очень сложно было... есть.
- Любовь без взаимности?
- Наоборот. Все абсолютно взаимно, но сложно... Понимаешь, к примеру, бывают романы в письмах, сейчас, наверное, в интернете. А у нас в поездках.
- Как это?
- У меня в середине девяностых обострился гастрит, его еще в детстве заработал. Посоветовали попить минеральной водички в Карловых Варах. Вот в августе девяносто шестого я туда и отправился. Там я ее и встретил. Мимолетная встреча на улице, а я уже не мог не развернуться и не последовать за ней. Вспышка была мгновенная, но ослепила на всю жизнь. Карловы Вары подарили мне, как теперь понимаю, единственную любовь в моей жизни. Одну и навсегда.

Он замолчал. Я уже хотел сказать, что сам в Карловых Варах не бывал, а вот жена на протяжении нескольких лет регулярно посещала, я уже почти открыл рот и тут услышал:

– Татьяна была из России, из страны которую я покинул, но которая меня простила и послала эту встречу, изменившую всю мою жизнь.

Я так и замер с полуоткрытым ртом, отчаянно пытаюсь вспомнить, когда моя супруга – Татьяна – ездила в Чехию. Да, впервые она туда поехала в августе девяносто шестого, врачи рекомендовали, полагая что тамошняя вода поможет. Я не в силах был произнести ни слова, но, казалось, Аркадию это и не надо было. Он продолжал, печально глядя в свою чашку:

– Нас захлестнуло сразу и с головой. Это был чудесный месяц, это было какое-то парение. Мы не расставались ни на минуту. Мир сжался до нас двоих. Она уезжала первая, сказала, что приедет через год в августе. Следующие одиннадцать месяцев для меня свелись к ожиданию, волнению – состоится ли новая встреча. Я в том же, девяносто шестом я и развелся, не хотел жить во лжи. И вот август девяносто седьмого, я уже с первого числа был в Чехии, она приехала пятого.

Да, моя Татьяна ездила в Карловы Вары каждый год именно в августе.

– Вы переписывались? – сглотнув комок в горле, спросил я.

– Нет. Я ничего про нее не знаю, только имя и страну. Все. Больше ничего, она никогда про себя ничего не рассказывала. Я так вижу, что она была замужем, у нее была семья. Но это только мои предположения, об этом не было сказано ни слова. Вообще... Она наложила табу на все, что находилось вне Карловых Вар. Как будто существовало две жизни, одна ежегодно длиной в месяц, а вторая – одиннадцать. Эти жизни не пересекались, живя в одной, ты как будто ничего не знал о второй, между ними была глухая стена. Так продолжалось одиннадцать лет, а в августе две тысячи седьмого она не приехала. Она больше не приехала.

Татьяна умерла в июне две тысячи седьмого. После того, как она вернулась в предыдущем году из Карловых Вар и прошла очередное обследование, врачи поставили страшный диагноз, она прожила еще почти год. Потом ее не стало.

– Я каждый год приезжаю в Карловы Вары первого августа, уезжаю тридцать первого, но все напрасно. Хотя именно этот месяц и ожидание его последние двенадцать лет и стали смыслом, надеждой, не знаю на что. В моих снах звучит ее голос, стоит закрыть глаза и вижу ее образ. Она так восторженно относилась к жизни, по крайней мере, когда мы были вместе. Было ощущение, что каждый день для нее праздник жизни.

Я вспомнил, как Татьяна возвращалась из ежегодных поездок в Чехию: обыденно, спокойно, почти равнодушно, будто отсутствовала не месяц, а всего пару часов. Дежурный вопрос: «Как съездила?», дежурный ответ: «Нормально».

– А как она пела! Это было сказочно!

– Она тебе пела? – меня даже передернуло.

– Нет, не то чтобы мне, – улыбнулся Аркадий, – там было такое небольшое кафе, в котором фирменной фишкой была музыка. То есть там были инструменты, каждый посетитель мог что-то сыграть или спеть. Такое заведение с творческой атмосферой. Публика там соответствующая собиралась. Татьяна там пела романсы, аккомпанируя себе на гитаре. Она в эти минуты смотрела на меня, и создавалось впечатление, что поет только мне. В юности моя Татьяна очень любила петь и играть на гитаре. Но потом, когда мне приходилось дома работать над будущей диссертацией, требовалась тишина. Она пела только, если собирались у нас друзья, или мы были в гостях. Потом я начал строить компанию, в основу успеха которой были положены результаты моих научных изысканий, гостей принимать или ходить к друзьям стало некогда. Когда переехали в новый дом, который я построил, гитару забыли где-то в шкафу в старой квартире...

– Вот такая у меня история любви, – вздохнул Аркадий, посмотрел на часы. – Все мне пора, сейчас начнется посадка. Рад был тебя повидать, узнать что-то о бывших одноклассниках. Вот, – он достал свой бумажник и вытащил из него визитную карточку, – будешь в Германии, звони, с удовольствием с тобой встречусь. Кстати, вот так выглядит моя Татьяна, – он из отделения с клапаном на кнопке вынул фотографию и протянул ее мне.

На снимке пара сидела за столиком в каком-то кафе: Аркадий и совершенно незнакомая мне женщина, даже отдаленно не напоминавшая мою Татьяну.

112

– Все. Пока, я побежал, – Аркадий забрал у меня снимок, аккуратно убрал его в бумажник, встал и протянул мне руку.

Я пожал ее:

– До свидания, вот возьми мою визитку, если опять приедешь, обязательно позвони.

Когда Аркадий отошел уже на середину зала, он обернулся и помахал мне рукой, а я, глядя ему вслед, думал, был ли в жизни моей жены кто-нибудь, кто вдохновлял ее петь или был только я, кто убил ее желание петь?

Гравитация Джон Маверик

Я сразу понял, что он поэт, а не физик, хоть и заговорил о гравитации. Она, сказал, зависит от массы. Ха! Как будто мы не знали! В выпускном-то классе! Но что взять с замещающего учителя, которым просто напросто заткнули дыру в расписании. И который на самом деле и не учитель вовсе, а, наверное, практикант.

Молодой парень, в шортах и белой тенниске, не гнул в три погибели, а прямо стоял у доски. Наверное, как в давние времена, когда на плечи еще не давила чудовищная сила тяжести. Но я его толком не разглядел. Не мог поднять голову – очень сильно болела шея. Мы почти лежали, распластанные на партах, уткнувшись носами в тетрадки.

А он говорил:

– Вы видели, как птицы купаются в синеве, легкие, будто пушинки? Как бабочки скользят над крышами, словно лепестки по воде? Или как лист летит по ветру? Почему он не падает камнем вниз, а парит, как солнечный свет, в невесомости? А видели, как танцуют на асфальте капли дождя? И как дерево цепляется сучьями за небо? Разве оно стелется по земле и полощет свои ветки в лужах?

В классе послышался сдавленный смех. Кто-то в задних рядах хихикнул. Какая-то девочка. Но странный парень как будто ничего не замечал – и продолжал вдохновенно.

– Зачем же вы стелетесь? Зачем таскаете на спинах такую тяжесть – как черепаха панцирь? Только она носит на спине свой дом, а вы – мешки обид и страхов. Вы не любите друг друга. А ведь каждый из вас достоин любви. И вы всего боитесь. Плохих оценок и того, что подумают другие. Показать смешными и слабыми. Быть собой. Боитесь, что сила тяжести раздавит вас. А ваши родители? Сколько страхов у них! Потерять работу. Потратить слишком много денег. Попасть в аварию. Заболеть и стать беспомощными. Умереть. Но каждый когда-нибудь умрет. У вас совсем нет воображения. А ведь фантазии – это крылья! Расправьте их! Будьте как бабочки, как дождь, как деревья... Растите в небо! Летайте и танцуйте! Но сперва выкиньте весь балласт!

Он говорил, и говорил, и лил нам в уши свою чепуху, и смешки постепенно перешли в тяжелые вздохи. Сидеть становилось все труднее, нестерпимо ломило все кости, а ведь надо еще после уроков плестись домой, волоча за собой тяжелые сумки. Ну и что, что в них – по две-три тонкие тетрадки, если каждая весит по пуду. А ведь когда-то все было не так...

Это началось в две тысячи седьмом году, а может, и раньше. Незаметно, исподволь, так что сперва никто ничего не понял, но люди стали чаще уставать. Они возвращались с работы полностью измотанные и вместо того, чтобы пойти погулять или заняться спортом, валились в полуобмороке на диван. На то лишь и оставалось у них сил, чтобы щелкать телевизионным

пультом. Или, развалившись в кресле, играли в компьютерные игры. Они бегали теперь только по виртуальным мирам, по рисованной траве, под синим пиксельным небом. И какая-то странная тоска пробиралась каждому из них в сердце, холодная, серая и плотная, как гранит. Несчастливые мужчины и женщины теперь хотели в жизни только одного – разбогатеть. Нет, они не стали такими уж алчными. Но деньги сулили отдых. Возможность поменьше двигаться и целыми днями валяться в постели. Врачи разводили руками: «депрессия, хроническая усталость, выгорание, нездоровый образ жизни». Никто и представить себе не мог, что на самом деле медленно и неуклонно усиливается гравитационное поле Земли.

Почему? Никто не мог ответить на этот вопрос. Ведь ни масса, ни радиус ее не изменились. Ученые так ничего и не смогли объяснить, но все как один предрекали скорый конец света. Этак лет через сто, если гравитация будет нарастать с той же скоростью. «Нас просто расплющит», – обещали они.

Вот так. А этот чудик предлагает нам танцевать? Да мы еле ноги таскаем!

Едва прозвенел звонок, ребята устало потянулись из класса, сторбленные под тяжестью своих школьных сумок. А я подошел к поэту, одиноко стоявшему у окна.

– Скажите, учитель, – спросил я его, – где вы видели птиц? Они исчезли лет двадцать назад. Мне рассказывала о них мама, но я их не застал. А деревья? Их заковали в стальной каркас, чтобы не гнулись. Да и сами они стальные, с лампочками LED вместо листьев.

Он рассмеялся.

– Какой я тебе учитель? Я сам еще ученик. Может быть, одним классом выше. Зови меня Эрих. И, пожалуйста, без церемоний. Мы почти ровестники.

Я осторожно кивнул, не поднимая глаз. Было такое чувство, что даже от этого простого движения у меня отвалится голова.

А Эрих предложил.

– Хочешь, я покажу тебе птиц, и бабочек, и деревья – настоящие, не стальные? Но не здесь, не в городе.

– Как же мы попадем за город? – изумился я.

– Очень просто. Если идти по школьной улице вниз – до самого конца, дома закончатся и начнутся поля. И горы появятся на горизонте – зеленые вершины в лиловой дымке... Ты видел когда-нибудь горы?

– Нет... Но я не дойду. У меня болят ноги.

– Ноги – не корни, – снова засмеялся он. – Не надо вращать ими в землю. Не пугайся, там всего минут двадцать ходьбы, даже тихим шагом. Оставь сумку в школе – и пошли.

Я понял, что улица закончилась, когда асфальт под ногами сменился красной глиной, а после – в сочной зелени запестрели цветы. И ветерок, пахнувший не резиной, а медом, нежно подул в лицо. Дороги за городом, если когда-то и были, давно заросли травой. Мы брели прямо по лугу. Вернее, я плелся, опустив голову, опасаясь попасть ногой в какую-нибудь ямку или споткнуться

о камень, и лишь изредка, исподлобья, поглядывал на Эриха. А он шагал прямо и широко, запрокинув лицо к небу и шурясь на высокое солнце. Вокруг плескалось бело-желтое море ромашек, в котором сверкали то тут, то там голубые огоньки васильков и фиолетовые – колокольчиков. Даже воздух казался разноцветным. И звенела трава.

– Чем, как ты думаешь, черепаха отличается от птицы? – спросил Эрих, обернувшись ко мне, и сам ответил. – Она смотрит вниз и видит только землю. А птица видит все.

– А ты?

– Я видел чудо там, в горах.

– Какое? Деревья? Бабочек?

– Нет, чудо. Настоящее.

– В горы мне точно не взобраться, – вздохнул я.

– Ошибаешься, – усмехнулся он. – Разве ты не замечаешь, что идти все легче и легче?

И правда, теперь и я ощутил удивительную легкость. Боль из костей ушла, словно в каждую из них мне впрыснули анестетик. И тяжесть на плечах хоть и не растаяла до конца, но уменьшилась. Я двигался, словно во сне.

Эриху стало жарко, и, сняв тенниску, он закинул ее на плечо. Его кожа, золотистая от загара, масляно блестела на солнце. Вздумай я проделать то же самое – в минуту бы обгорел. Я смотрел на него, изумляясь, как красив может быть человек. Как высок, мускулист и гибок. Я чувствовал себя заморышем рядом с ним.

– Ты когда-нибудь слышал про зоны с аномальной гравитацией? – продолжал Эрих. – Там реки текут вверх по склону. И струи водопада сплетаются на ветру, как змеи в любовном танце. Там привязан к небу огромный валун – тонкой ниточкой, одним волоском Будды.

– И эти горы?

– Да, тоже.

Мы приближались к подножию горы, и видна уже стала вьющаяся по склону тропа, светлая на желто-зеленом фоне. Она петляла между крупных камней, исчезая в облаках. Из-под облачной шапки седыми прядями сбегали пенные ручьи.

– А то, что ты говорил про страхи, Эрих? Если перестану бояться, я стану таким, как ты?

– Это только первый шаг... Смотри, здесь мы поднимемся. Вот она, тропинка. По ней ходят горные козы. Давай, смелее!

И он протянул мне руку.

Если бы еще утром кто-то сказал мне, что я буду карабкаться вверх по склону горы, я назвал бы его сказочником и фантазером. Но с каждым шагом мы с Эрихом словно расправляли крылья. Мы как будто парили в невесомости, и птицы парили наравне с тропой, и ручьи на солнце рассыпались радугой.

День уже клонился к вечеру, когда мы вышли на небольшое плато, поросшее травой и усеянное белыми камнями. Небо остыло, и краски его потеплели. Я боялся посмотреть вниз – от одной только мысли, как высоко мы забрались, кружилась голова.

– Закрой глаза! – скомандовал Эрих, и его горячие ладони легли мне на лицо. Я покорно зажмурился, и он подвел меня к самому краю. Я понял это по тянущему, жутковатому ощущению пустоты под ногами. Но мне не было страшно – я доверял своему новому другу, возможно, даже больше, чем самому себе. Не для того он привел меня в это удивительное место, чтобы сбросить в пропасть.

– А теперь смотри! – сказал он, убирая руки с моего лица.

Прямо под нами простиралась широкая облачная равнина – белая и золотая, как ромашковое поле. Закат уже слегка подрумянил ее по краям. А посреди этой клубящейся призрачной тверди высился радужный город. Прекрасный, как сон, иллюзорный, и все-таки реальный. Распростертый на облаках, как у Творца на огромной ладони. Жарким рубином горели острые черепичные крыши. По снежно-белым стенам текли апельсиновые блики. Сверкали на солнце золотые кресты церквей и зеленые башенки минаретов. Синий и фиолетовый свет тек меж домов, образуя улицы, а может, и каналы, как в Венеции. Я уже представлял себе, как по ним скользят уютные гондолы, и гондольеры, стоя во весь рост, зычными голосами зазывают гостей.

– Вот оно, чудо, – тихо произнес Эрих у меня за спиной. – Нравится?

Я сглотнул. Как найти слова, чтобы выразить благодарность, восторг, радость? Как вобрать в себя всю эту красоту – и не задохнуться?

– Это мираж, – сказал я, наконец.

– Такой же мираж, как город, как твоя школа, как весь наш мир. Но это счастливый мираж. Ты думаешь, что это игра света. Нет, он настоящий.

– Откуда ты знаешь?

– Я был там, – ответил он просто. – В нем живут люди.

– Разве можно жить на облаках?

Эрих молчал, но, даже не оборачиваясь, я чувствовал его улыбку. Разве можно взбираться в горы, не ощущая усталости? Разве могут реки течь вспять? Разве можно камень подвесить к небу?

И прежде, чем мой друг успел ответить, я понял, что да, можно. Что только так и стоит жить. Словно какая-то неведомая сила подхватила нас и подняла над землей, и мы оба вдруг очутились там – в городе на облаках.

Земля – Созвездие Мухи. Четвёртый конкурс абсурдизмов

В кино все возрасты с попкорном.

Ольга Клен

Наконец-то нашла время, которое не жалко потерять.

Виктория Соловьёва

Он меня порядком удивил. А беспорядком меня не удивишь!

Людмила Кац

Куролесили недолго – лес закончился, куры разбежались.

Hellin

* победители в авторском зачёте

117

Людмила Кац

Он меня порядком удивил. А беспорядком меня не удивишь!

Наша Оптика предлагает скидку на средство для очковтирательства.

Даже на конспиративной квартире Мышке пришлось уйти в подполье.

Римма Щемерова

Работаю на градообразующем предприятии встряхиваю тучи.

От меня отвернулись все. Даже отражение в зеркале.

Уникальный рецепт вкуснейшего варенья. Мухи в комплекте.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 2»

Лис – обесточенный листок.

Римма Щемерова

Галактика – привычная единица измерения жилплощади для фантастов.

Римма Щемерова

Галактика – норка Лиса.

Гелия

Голос – уникальная возможность воспроизводить вслух то, что лучше было бы оставить при себе.

Туранга

Голос – самец осы в брачном наряде.

АлеХ

118

Системщик – человек, сортирующий мусор в голове.

Римма Щемерова

Галактика – скопление звезданутых.

Галина Пиastro

* победитель в авторском зачёте

Римма Щемерова

Лис – обесточенный листок.

Галактика – привычная единица измерения жилплощади для фантастов.

Системщик – человек, сортирующий мусор в голове.

Голос – контрастный фон для тишины.

Нора – место, где можно скрыть свой норов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 3»

Чудотворец – отец вундеркинда.
Римма Щемерова

Идиот – рекомендуемая отправная точка движения.
Hellin

Анекдот – история с постоянно растущей бородой.
Алексей Лис

Анекдот – это то, что не следует рассказывать жирафу.
Hellin

Земля – Орион – Минтака. Весенние дни (55-словники)

Тени

Ольга Клен

Наташа выбежала из подъезда и мельком увидела отражение в весенней луже.
– Какой молодой я выгляжу! – полная шестидесятилетняя женщина со счастливой улыбкой запрыгнула в троллейбус, уходящий по средам пораньше.
– Да не твоё я! Нужно быть самокритичнее, – воскликнуло ей вдогонку отражение, выплыло из лужи и помчалось за девушкой-студенткой, своей визави. Но Наташа этого не услышала. И хорошо.

Пауза

Ольга Альтовская

Сегодня я вдруг почувствовала, что времени нет. Его не существует. За окном – плотная пелена тумана. Тишина. Всё замерло. А в моём воображении кипят желания, кружатся образы, плетутся мысли. Они светлые и яркие, как бабочки летним ясным днём – порхают, живут, видоизменяясь, неподвластные законам природы. Это – моя среда обитания. Моё счастливое небытие...
Время уснуло или сделало паузу?

Мудрые говорят...

Алексей Лис

Мудрые говорят: в среду ты доходишь до вершины горы, чтобы на следующий день начать спуск. Стремительный или плавный. Иногда даже кувырком. Как получится. А на вершине весна. Деревья тянутся к небу. Ветер, вечный скрипач, водит смычком по струнам ветвей. Музыка.
Сидя на камне, я сочиняю письмо тебе, вплетая в слова весенние нотки. Любимая, я спускаюсь.

Земля – Орион – Минтака. Моменты (55-словники)

Теория вероятности
Галка Сороко-Вороно

Муж забыл ключи, а я работаю в вечер. Звоню сыну-первоклашке, чтоб не уходил никуда, а он трубку не снимает. Дозваниваюсь соседям. Ребенок там и уходить не хочет.

– Папа же в квартиру не попадёт!

– Мам, дверь не заперта.

– Ой! А если воры?

– И какова вероятность, что сегодня вечером вор подёргает дверь на шестнадцатом этаже?

Сын математиков...

Колокольчик
Ирина Архипова

Колокольчик тихонько звякнул, то ли счастливо, то ли слегка расстроено, словно пытаюсь уловить настроение Женьки. И радостно было ей, и грустно, и немного тревожно. Этот маленький колокольчик висел на двери в большой неизвестный мир. Что ждёт её там? Женька осторожно положила в любимую шкатулку колокольчик с красным атласным бантиком. Это был их последний школьный звонок.

Земля – Орион – Минтака. Замечали ли вы когда-нибудь... (55-словники)

Малиновое варенье

Ирина Архипова

Ёжик и медвежонок пили чай с малиновым вареньем. Холодно светили звёзды. – Ночью нужно есть черничное варенье, – сказал медвежонок, – потому что темно. Когда-нибудь принесу, у меня есть немного. А малиновое хорошо на закате.

Ёжик задумался. Он не любил черничное варенье.

– Нет, медвежонок. Малиновое варенье нужно есть именно ночью. Тепло и радостно становится, будто красное солнышко рядом.

Удивил

Ирина Архипова

Вика привыкла замечать любые мелочи, потому что от Димки можно было всего ожидать. Сдвинут немного стул – ищи кнопку, ящик приоткрыт – денег не досчитаешься. Вот и сейчас книга на столе лежала иначе, чем утром. Разрисовал? Вырезал картинки? Вика осторожно взяла в руки томик Джека Лондона. Под книгой на столе было написано маркером: «классная книжка! не ожидал».

Часы

Ксени

В окна без занавесок скребутся голые ветки сливы. Еще немного и дом пропадет в осенних сумерках.

Совсем недавно он жил размеренной стариковской жизнью. Не замечая поздней ночи, дымил самокруткой, вздрагивал от натужных хрипов.

Доделав лавочку под вишней, его хозяин ушел по дороге, усыпанной золотыми листьями.

Теперь пустые окна дома мигают зелеными фосфоресцирующими зрачками остановившегося времени.

Конкурс Объявлений – 3

*** («В воскресенье...»)

Ирина Архипова

В воскресенье состоится собрание жильцов по вопросу проведения субботника в понедельник.

Потерялась совесть

Людмила Кац

Потерялась совесть.

Особые приметы: запятнанная, истерзанная, вьедливая.

Нашедшего убедительно прошу не возвращать прежнему владельцу.

В случае угрызений – гоните в шею.

Бессовестная Тварь.

*** («Статус страуса...»)

Галина Пиастро

123

Статус страуса, прячущего голову в песок, с сего дня считать ниже плинтуса.

*** («Надпись на стене...»)

АлеХ

Надпись на стене нового дома баллончиком: «Творите добро, люди!».

Ниже приклеено скотчем: «Это натуральный мрамор, нелюдь...».

Земля – Орион. Конкурс «Новость дня»

Не упустите шанс получить Демидовскую премию!

Ирина Архипова

8 мая у памятника Любви в городе Бологое состоится стихийный парад химических элементов в честь 161-й годовщины присуждения великому учёному Дмитрию Менделееву полной Демидовской премии за сочинение под заглавием «Органическая химия». Желающие принять участие в параде должны иметь при себе табличку с обозначением любого известного химического элемента. Если участникам удастся «заполнить» таблицу Менделеева, среди них будет разыграна премия в размере одной тысячи четырёхсот двадцати восьми рублей, что соответствует размеру Демидовской премии.

Фехтовальщиц бывших не бывает!

Таёжник

Неординарный случай произошёл в столице Гондураса. Пожилая туристка пила кофе в маленьком кафе и случайно увидела в окно, как несколько хулиганов пристают к девушке. Старушка тут же выбежала на улицу и точными выпадами зонта уложила всех троих на землю. По тому, как они корчились от боли, было понятно, что отважная дама, нанося удары зонтом, знала о болевых точках. Ещё бы! – один из прибывших полицейских узнал в пожилой туристке неоднократную чемпионку мира по фехтованию венгерку Ильдико Уйлаки.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Я это помню...»

Одно из самых первых...

Людмила Клёнова

В тёмном, старом, таинственном шкафу в большой комнате бабушкиного дома, я помню, висела разная одежда – в нём же висело и моё самое любимое платье – из полупрозрачного батиста молочного отлива, в синий горошек... Я казалась себе в нём сказочной феей... И надела я именно его, когда в единственный клуб нашего посёлка приехал с выступлением Симфонический оркестр городской филармонии. Вся местная элита, конечно же, пришла на концерт – зал был забит до отказа – я очень хорошо это помню. И помню, как зачарованно смотрела на музыкантов и их инструменты – скрипки, виолончели, трубы, арфу... Тогда я и понятия не имела, как они назывались... но всё это выглядело очень красиво...

И вот вышел дирижёр, поднял руки – и ...

Всё для меня окончилось в этот миг, когда зазвучала самая первая нота – и ВСЁ началось... Меня подхватила волна – огромная, тёплая, сияющая – и унесла с собой в неведомые мне прежде края, где звуки пели и смеялись, разговаривали со мной, растворяли меня в себе – и мне не было страшно – только РАДОСТЬ – всепоглощающая радость затопила всё моё существо...

Это потом я узнала, что за дирижёрским пультом стоял Натан Рахлин – замечательный музыкант, и что оркестр исполнял Первую симфонию П.И. Чайковского «Зимние грёзы» – я её узнавала потом с первого же звука...

А сейчас четырёхлетняя Я соскользнула с маминых коленей и медленно подошла к дирижёру, не обратив никакого внимания на мамино тихое: «Ой, нельзя...». Помню, он оглянулся, улыбнулся, кивнув мне головой – и продолжал вести оркестр...

Так я и простояла позади него два часа концерта, вместе с Натаном Рахлиным продирижировав всю программу...

Это он сказал маме, что меня нужно обязательно учить музыке – талантливейший дирижёр Натан Рахлин...

И потом была и музыкальная школа, и консерватория...

А пока... а ТОГДА – была только МУЗЫКА – МОЯ музыка...

... Она звучит во мне и сейчас...

Первая симфония П.И. Чайковского «Зимние грёзы»

Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич – 2»

Лучшая офисная техника! Ты ещё не у DELL?

Марина Юнг

Чучело мяучело! Только у нас! Лучшие дачные охранные системы!

Алексей Лис

Ириска фабрики «Гаврош» – от зубов не оторвёшь.

Галка Сороко-Вороно

Бочка рома не для вас? Пейте вкусный хлебный квас!

Людмила Клёнова

* победители в авторском зачёте

126

Ирина Архипова

Камин – уют в дом! Come in!

Оседлавшим Пегаса – тур по Литгалактике!

Жизнь не сахар? Подсластим! Кафе-кондитерская «Бочка мёда»

Людмила Клёнова

Бочка рома не для вас? Пейте вкусный хлебный квас!

Литгалактика – воочью, хороша и днём, и ночью!

Пусть улыбка глаз не колет – зубы чисти пастой Colgate!

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Монолог мастера...»

Камни

Виктория Соловьёва

Охранником быть не просто, а очень просто. Главное приспособиться спать на стуле с открытыми глазами. Чем больше сможешь так просидеть, тем выше твоя квалификация. Могут даже повысить до начальника смены. Но там уже не моргай совсем! Но что за работа, если в ней нет подводных камней. И в нашей работе их полно! Я эти камни выкорчёвываю с илом, а они опять вырастают. Вот недавно, по-хорошему попросил Дусю Ивановну приходить не в пять утра и разводить сырость по коридорам, а хотя бы дать мне поспать до полшестого. Но Дуся Ивановна тот ещё камушек – просто так не выкатишь с работы. Приходится встречать восход вместе, но зато мне иногда малинового варенья перепадает к моему чёрному, как ночь чаю. Чай – первый друг охранника. Кто чай не пьёт, и не спит с открытыми глазами, в нашем ведомстве не задерживаются. Бандитов не встречал, но если что, то я всегда начеку. Заварку в глаза, малиновое варенье в рот и кипятком на балаклаву.

Оглавление

Оглавление

І. Планета ТАУКиТА

Конкурс «Мне нравится». Проза

Лети, Пушинка! <i>stitch626</i>	4
Волшебный лес. <i>Джон Маверик</i>	9
Рыжая кошка (быль). <i>Александр Сороковик</i>	13
Любовь к лошадям. <i>Людмила Клёнова</i>	17

ІІ. Планета путешествий

Выбор пути. Конкурс стихов и малой прозы «Нарисуй меня...»

Некуда деваться. <i>GP</i>	25
----------------------------	----

Хроники Марса. Прозаические дуэли

Поворот. <i>Ольга Клен</i>	26
----------------------------	----

Стильные штучки. <i>Римма Щемерова</i>	30
--	----

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Конкурсы рассказов о животных

Попка – не дурак. <i>Александр Сороковик</i>	35
--	----

Земля – Созвездие Жирафа. Конкурсы рассказов о детях и для детей

Консервная банка. <i>Таёжник</i>	41
----------------------------------	----

Земля – Созвездие Эридан. Конкурсы мистических рассказов

На этом самом месте. <i>Джон Маверик</i>	44
--	----

Земля – Созвездие Большой Медведицы. Третий конкурс рассказов

Меховые шкурки. <i>Джон Маверик</i>	51
-------------------------------------	----

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 3»

Знакомство. <i>Marara</i>	55
---------------------------	----

Первый Галактический турнир Малой прозы

Письмо Деду Морозу. <i>Виктор Казимиров</i>	59
---	----

Выставка Егора. <i>Юлия Лавданская</i>	62
--	----

Пушкин в моей семье. <i>Сергей Че</i>	65
---------------------------------------	----

Давайте говорить друг другу комплименты... <i>Наталья Сафронова</i>	67
---	----

Иуда. Старый, новый символ в литературе. <i>Юлия Лавданская</i>	70
---	----

Конфликт. <i>Вера Рехтер</i>	74
------------------------------	----

Трое (старая притча). <i>Юлия Лавданская</i>	75
--	----

Выбор пути. Конкурс «Выбери свой день – 2»

Выживут одни только кошки. <i>Джон Маверик</i>	76
--	----

Земля – Созвездие Дракона. Седьмой конкурс сказок и мифов

Оглавление

Анси из созвездия Лисички. <i>Марина Юнг</i>	84
Сказка об императрице Сюин. <i>Maraga</i>	87
Из тумана и птиц. <i>Джон Маверик</i>	89
Не быть драконом. <i>Джон Маверик</i>	93
Земля – Созвездие Наугольник. Конкурс в стиле Кено – 2	
Белиберда. <i>Ninzu</i>	97
Земля – Созвездие Рыси. Экспериментальные конкурсы прозы	
Неспетая песня. <i>Елена Картунова</i>	100
Завтра. <i>Римма Щемерова</i>	104
Приснись! <i>Милана Секоненко</i>	106
Желание петь. <i>Midav</i>	109
Гравитация. <i>Джон Маверик</i>	113
Земля – Созвездие Мухи. Четвёртый конкурс абсурдизмов	
В кино все возрасты с попкорном. <i>Ольга Клен</i>	117
Наконец-то нашла время, которое не жалко потерять. <i>Виктория Соловьёва</i>	117
Он меня порядком удивил. А беспорядком меня не удивишь! <i>Людмила Кац</i>	117
Куролесили недолго – лес закончился, куры разбежались. <i>Hellin</i>	117
Наша Оптика предлагает скидку на средство для очковтирательства. <i>Людмила Кац</i>	117
Даже на конспиративной квартире Мышке пришлось уйти в подполье. <i>Людмила Кац</i>	117
Работаю на градообразующем предприятии встряхиваю тучи. <i>Римма Щемерова</i>	117
От меня отвернулись все. Даже отражение в зеркале. <i>Римма Щемерова</i>	117
Уникальный рецепт вкуснейшего варенья. Мухи в комплекте. <i>Римма Щемерова</i>	117
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 2»	
Лис – обесточенный листок. <i>Римма Щемерова</i>	118
Галактика – привычная единица измерения жилплощади для фантастов. <i>Римма Щемерова</i>	118
Галактика – норка Лиса. <i>Гелия</i>	118
Голос – уникальная возможность воспроизводить вслух то, что лучше было бы оставить при себе. <i>Туранга</i>	118
Голос – самец осы в брачном наряде. <i>АлеХ</i>	118
Системщик – человек, сортирующий мусор в голове. <i>Римма Щемерова</i>	118
Галактика – скопление звезданутых. <i>Галина Пиастро</i>	118
Голос – контрастный фон для тишины. <i>Римма Щемерова</i>	118

Нора – место, где можно скрыть свой норов. <i>Римма Щемерова</i>	118
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – 3»	
Чудотворец – отец вундеркинда. <i>Римма Щемерова</i>	119
Идиот – рекомендуемая отправная точка движения. <i>Hellin</i>	119
Анекдот – история с постоянно растущей бородой. <i>Алексей Лис</i>	119
Анекдот – это то, что не следует рассказывать жирафу. <i>Hellin</i>	119
Земля – Орион – Минтака. Весенние дни (55-словники)	
Тени. <i>Ольга Клен</i>	120
Пауза. <i>Ольга Альтовская</i>	120
Мудрые говорят... <i>Алексей Лис</i>	120
Земля – Орион – Минтака. Моменты (55-словники)	
Теория вероятности. <i>Галка Сороко-Вороно</i>	121
Колокольчик. <i>Ирина Архипова</i>	121
Земля – Орион – Минтака. Замечали ли вы когда-нибудь... (55-словники)	
Малиновое варенье. <i>Ирина Архипова</i>	122
Удивил. <i>Ирина Архипова</i>	122
Часы. <i>Ксени</i>	122
Конкурс Объявлений – 3	
*** («В воскресенье...»). <i>Ирина Архипова</i>	123
Потерялась совесть. <i>Людмила Кац</i>	123
*** («Статус страуса...»). <i>Галина Пиастро</i>	123
*** («Надпись на стене...»). <i>АлеХ</i>	123
Земля – Орион. Конкурс «Новость дня»	
Не упустите шанс получить Демидовскую премию! <i>Ирина Архипова</i>	124
Фехтовальщиц бывших не бывает! <i>Таёжник</i>	124
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Я это помню...»	
Одно из самых первых... <i>Людмила Клёнова</i>	125
Земля – Созвездие Резец. Конкурс рекламных слоганов «Боевой клич – 2»	
Лучшая офисная техника! Ты ещё не у DELL? <i>Марина Юнг</i>	126
Чучело мяучело! Только у нас! Лучшие дачные охранные системы! <i>Алексей Лис</i>	126
Ириска фабрики «Гаврош» – от зубов не оторвёшь. <i>Галка Сороко-Вороно</i>	126
Бочка рома не для вас? Пейте вкусный хлебный квас! <i>Людмила Клёнова</i>	126
Камин – уют в дом! Come in! <i>Ирина Архипова</i>	126
Оседлавшим Пегаса – тур по Литгалактике! <i>Ирина Архипова</i>	126

Оглавление

Жизнь не сахар? Подсластим! Кафе-кондитерская «Бочка мёда» <i>Ирина Архипова</i>	126
Литгалактика – воочью, хороша и днём, и ночью! <i>Людмила Клёнова</i>	126
Пусть улыбка глаз не колет – зубы чисти пастой Colgate! <i>Людмила Клёнова</i>	126
Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Монолог мастера...» <i>Камни. Виктория Соловьёва</i>	127
Оглавление	128

**Парад Планет
Победители
прозаических конкурсов**

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

Литгалактика, 2023